ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Казаков Григорий Александрович

САКРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
Ивушкина Татьяна Александровна
доктор филологических наук, профессор

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…… 3

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ САКРАЛЬНОГО В ЛЕКСИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Определение сакрального……. 11

1.2. Состав сакральной лексики……..... 26

1.3. Сакральная лексика в кругу смежных вопросов…… 34

1.4. Выводы……..... 49

ГЛАВА 2. ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Материал и методика исследования…… 51

2.2. Описание сакральной лексики русского языка…….. 54

2.3. Описание сакральной лексики английского языка…… 69

2.4. Сопоставительные наблюдения……... 82

2.5. Выводы……... 97

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

3.1. Процессы сакрализации и десакрализации в лексике……... 99

3.2. Иносистемность сакральной лексики……. 105

3.3. Сакральная лексика как средство стилеобразования…… 122

3.4. Выводы…….. 138

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 140

БИБЛИОГРАФИЯ…… 143

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА……... 155

ВВЕДЕНИЕ

Возрождение религиозной жизни в современной России начиная с 1990-х гг., увеличение интенсивности международных религиозных связей (в том числе расширение деятельности Русской Православной Церкви в зарубежных странах), столкновение тенденций культурной унификации (сопровождающей глобализацию) и борьбы за культурную самобытность отдельных народов, а также обострение проблем национальной, культурной и религиозной идентичности в условиях массовых миграций делают все более необходимым изучение религиозных аспектов национальных языков. Все это обусловливает **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что к выделенному языковому материалу в ней применяется определение сакрального, основанное на понятии мировоззрения; предлагается новая классификация слов сакрального значения; в сопоставительном аспекте описывается корпус христианской сакральной лексики русского и английского языков; рассматривается светское употребление сакральных лексем в идеологических текстах.

Объектом исследования является состав и функционирование сакральной лексики в системе языка. Непосредственным **предметом** изучения выступают сакральные лексические единицы преимущественно русского и английского языков с привлечением фактов ряда других европейских языков.

Исходная гипотеза исследования заключается в существовании причинно-следственной связи между сакральной семантикой лексической единицы и особенностями ее функционирования (зачастую нестандартного с точки зрения синхронии) в системе языка.

Целью исследования было описать и проанализировать особенности состава и функционирования сакральной лексики в системе языка. Достижение поставленной цели предполагало последовательное решение следующих **задач**:

1) сформулировать определение сакрального и сакральной лексики;

2) описать сакральную лексику русского и английского языков (составить список, выделить группы слов);
3) сопоставить отобранные сакральные лексические единицы русского и английского языков;
4) обнаружить закономерности существования сакральной лексики в историческом аспекте;
5) выявить особенности функционирования сакральных лексем в отношении к языковой норме;
6) охарактеризовать роль слов сакрального значения в нерелигиозном контексте.

Материалом для анализа послужили данные словарей русского, церковнославянского, английского, испанского, французского, итальянского, немецкого, сербского, латинского и древнегреческого языков; христианские религиозные тексты (молитвенные, богослужебные, библейские); а также тексты советских гимнов. Привлечение примеров из различных языков имеет целью показать, что особенности сакральной лексики не являются свойством только какого-то определенного языка, а могут представлять собой типологическое явление. Фактическое преобладание русского и английского материала объясняется наибольшей доступностью его источников.

Методология исследования включала в себя описательно-аналитический метод, сопоставительный метод и метод культурологических интерпретаций. Работа выполнена с точки зрения общего языкознания и ставит своей целью не столько описать материал конкретных языков, сколько выработать понятия и теоретическую концепцию, которые бы объясняли наблюдаемые в языках явления.

Научно-теоретической основой исследования стали: по вопросам изучения сакральных понятий в историко-культурном контексте – труды С. С. Аверинцева, Э. Бенвениста, Р. Отто, Ю. С. Степанова, Дж. Фрезера, М. Элиаде; по части описания сакральной лексики в отдельных языках – исследования Ф. И. Буслаева, Н. А. Ганиной, Р. И. Горюшиной, И. А. Королевой,

Т. В. Кузьминой, А. К. Моросо-Флорес, А. М. Четыриной; по теме языка религиозной сферы – работы Б. Беннетта, И. В. Бугаевой, К. Кончаревич, Р. Баич, Н. Б. Мечковской, А. Петриковой, Г. Н. Скляревской; по вопросам языковой нормы – сочинения К. С. Горбачевича, А. М. Пешковского, С. Пинкера, Л. В. Щербы; по проблеме перевода священных текстов – работы Дж. Бикмана и Дж. Кэллоу, Е. М. Верещагина, А. С. Десницкого, Д. Кристала, Ю. Найды.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности применения полученных данных в практике перевода (прежде всего текстов религиозной тематики); при составлении переводных и объяснительных словарей религиозной лексики; в учебных курсах русского и английского языков, лексикологии, социолингвистики, культурологии; а также в сфере межконфессиональных и межрелигиозных отношений.

Теоретическая значимость работы заключается в отборе и определении сакральной лексики в системе английского и русского языков (и ряда других языков) и ее сущностных семантических свойств; в лексико-семантической типологизации в рамках тематического поля «христианство»; в сопоставительном изучении этимологии сакральной лексики и влияния семантики на функционирование единиц языковой системы. Теоретическая значимость исследования также усматривается в установлении статуса сакральной лексики как особого семантического класса с фонетическими, грамматическими и графическими «отклонениями», обусловленными архаичной нормой; в дальнейшем углублении научных знаний о строении лексики русского и английского языков в сопоставительном плане; в выявлении функций сакральных лексем в идеологических текстах; а также в возможности последующей культурологической интерпретации собранных данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сакральная лексика может быть определена как слова, называющие центральные понятия и реалии определенного мировоззрения, в частности религиозного.

2. В составе сакральной лексики выделяются следующие группы: «сакральные восклицания», «сакральные действия», «имена Божества», «духовные существа», «сакральные понятия», «сакральные предметы», «сакральное пространство», «духовные саны», «священные события», «сакральные эпитеты».
3. Сопоставление христианской сакральной лексики русского и английского языков обнаруживает между языками семантическое смещение в обозначениях религиозных понятий.
4. В историческом аспекте сакральная лексика вовлечена в процессы сакрализации и десакрализации.
5. Сакральная лексика характеризуется иносистемностью в отношении к языковой норме, что вызвано ее тенденцией к сохранению архаичных черт.
6. В светских контекстах сакральная лексика может выступать как средство создания религиозно-возвышенного стиля.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и списка иллюстративного материала. В первой главе решается первая задача исследования (формулируется определение сакрального и сакральной лексики), во второй главе – вторая и третья задачи (предпринимается описание и сопоставление сакральной лексики русского и английского языков), в третьей главе – четвертая, пятая и шестая задачи (выявляются особенности и закономерности функционирования сакральной лексики в историческом аспекте, в отношении к языковой норме и в нерелигиозном контексте). Таким образом, логика работы предполагает освещение теоретических оснований изучения сакральной лексики, эксперимент по ее выделению и описанию в конкретных языках и анализ ее функциональных особенностей в диахронном и синхронном аспектах.

Глава 1 посвящена формулированию определения сакрального, обзору концепций относительно состава сакральной лексики в разных языках и рассмотрению основных научных проблем, в которые вовлечен данный класс

слов. В первом разделе «Определение сакрального» анализируются значения слов «священный» и «святой» и их эквивалентов в русском, английском, испанском, французском, итальянском, немецком и сербском языках на материале толковых словарей этих языков. Во внимание также принимаются данные латинского и древнегреческого языков и этимологии анализируемых слов. Обсуждаемые факты интерпретируются с культурологической точки зрения, и предлагается определение «сакрального». В разделе «Состав сакральной лексики» рассматриваются различные описания и классификации сакральной (и семантически сходной) лексики, которые можно найти в научной литературе. Наконец, в разделе «Сакральная лексика в кругу смежных вопросов» рассматриваются другие области исследований, связанные с сакральной лексикой, такие как подходы к изучению языка религии, феномен сакральных языков и перевод священных текстов.

Глава 2 представляет собой опыт сопоставительного описания христианской сакральной лексики русского и английского языков. Были составлены списки из 375 русских и 349 английских христианских сакральных слов, которые были подразделены на следующие лексические группы: сакральные восклицания, сакральные действия, имена Божества, духовные существа, сакральные понятия, сакральные предметы, наименования сакрального пространства, духовные саны, священные события, сакральные эпитеты. Последовательно характеризуется внутренняя структура этого лексического корпуса в русском и английском языках, и, наконец, исследуемые слова сопоставляются между двумя языками. Данное сопоставление выявило, помимо некоторых общих черт, семантическое смещение, о котором важно помнить при переводе.

В главе 3 предпринят анализ особенностей функционирования сакральной лексики в историческом аспекте и в отношении к норме языка, а также исследуется роль сакральной лексики в светских (в частности идеологических) текстах. В разделе «Процессы сакрализации и десакрализации в лексике» демонстрируется, что сакральная лексика консервативна и сохраняет память о

предыдущих исторических периодах, несмотря на изменения в религии и обществе. Описываются основные приемы лексической сакрализации и десакрализации, рассматривается феномен вербального табу как следствия и показателя сакрализации. В разделе «Иносистемность сакральной лексики» обсуждаются вопросы языковых норм по отношению к сакральным словам. Анализируется природа языковой нормы, и приводятся примеры некоторых особенностей сакральной лексики на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и письменности. Наконец, в разделе «Сакральная лексика как средство стилеобразования» проводится исследование советских гимнов как конкретного случая идеологических текстов, имеющее целью показать, как сакральная лексика и фразеология может использоваться в светском контексте для создания возвышенного стиля, который призван оказывать эмоциональное воздействие на аудиторию.

Апробация работы происходила во время выступлений с докладами по теме диссертации на XI Международной конференции молодых филологов (Таллин, 2010), международных конференциях Американского общества геолингвистики «Standard Language and Language Standardization» (Нью-Йорк, 2010), «Language under Controls: Policies and Practices Affecting Freedom of Speech» (Нью-Йорк, 2011), «Language and Popular Culture» (Нью-Йорк, 2012), заседании японского Общества изучения англоязычных культур (Токио, 2012), международных конференциях «Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании» (Москва, 2011), «Романские языки и культуры: от античности до современности» (Москва, 2011), «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, 2011), «Современные методы сравнительно-исторических исследований» (Москва, 2013), «Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, 2013), «Феномен творческой личности в культуре» (Москва, 2014), «Понятие веры в разных языках и культурах» (Москва, 2017).

По теме диссертации опубликованы следующие **печатные работы**:

– монография:

1. Казаков Г.А. Сакральная лексика в системе языка. М.: Книжный дом Университет, 2016. 142 с.

– статья в журнале, индексируемом Web of Science:

2. Казаков Г.А. Лексические аспекты русских переводов Библии // Научный диалог. 2021. № 6. С. 59–77.

– статьи в журналах из перечня ВАК:

3. Казаков Г.А. Религия и язык в постсоветской России: взгляд из-за океана // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №4. С. 172–175.
4. Казаков Г.А. Религиозный пафос советских гимнов // Политическая лингвистика. 2013. №4. С. 196–203.
5. Казаков Г.А. Опыт сопоставления сакральных эпитетов русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №2–1. С. 96–98.

– статьи в других изданиях:

6. Kazakov G. Irregularities in language standards regarding sacred words // Geolinguistics. 2010. Vol. 36. P. 47–54.
7. Kazakov G. Brian Bennett. Religion and Language in Post-Soviet Russia // Geolinguistics. 2010. Vol. 36. P. 90–92.
8. Казаков Г.А. Особенности слов сакрального значения на примере русского, церковнославянского и македонского языков // Studia Slavica. 2011. Т. X. С. 268–280.
9. Казаков Г.А. Слова сакрального значения в синхронном и диахронном рассмотрении // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. Материалы VII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию / Под общ. ред. В. А. Кочергиной. М.: Книжный дом Университет, 2011. С. 103–107.

10. Kazakov G. Sacred texts as objects of language control // Language under Controls: Policies and Practices Affecting Freedom of Speech: Selected Papers from the International Conference, September 23–24, 2011 / The American Society of Geolinguistics. New York: Cummings & Hathaway, 2012. P. 89–94.
11. Казаков Г.А. Обращение к Богу на “Вы” в романских языках // Романские языки и культуры: от античности до современности. VI Международная научная конференция романистов, 30.11–1.12.2011 г. Москва: сборник материалов / Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Век информации, 2013. С. 132–135.
12. Kazakov G. Is there anything sacred in popular culture? // Language and Popular Culture: Selected Papers of the International Conference, September 7–8, 2012 / The American Society of Geolinguistics. New York: Cummings & Hathaway, 2013. P. 153–158.
13. Казаков Г.А. Процессы сакрализации и десакрализации в лексике // Современные методы сравнительно-исторических исследований. Материалы VIII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию / Гл. ред. В. А. Кочергина. М.: Макс пресс, 2013. С. 142–151.
14. Казаков Г. Социолингвистика сакрального // Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce: ujęcie interdyscyplinarne. T. 1 / Pod redakcją Joanny Mampe i Łady Owczinnikowej. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014. С. 132–142.
15. Казаков Г.А. Понятие сакрального в языке и культуре // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенковские чтения. Материалы VI Международной конференции. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. С. 191–195.
16. Казаков Г.А. Лексические аспекты английских переводов Библии // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 614–624.

ГЛАВА 1

ПОНЯТИЕ САКРАЛЬНОГО В ЛЕКСИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Определение сакрального

Что представляет собой сакральное? Первым естественным шагом в поисках ответа на этот вопрос будет обратиться к словарным определениям[1].

Русский язык. Словари русского языка фиксируют слово «сакральный», по всей видимости, только во второй половине XX в. (в словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова оно отсутствует). До этого времени данное понятие выражается прилагательными «священный» и «святой»[2].

«Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. предлагает следующие определения: «**священный** – 1. Проникнутый святостию. 2. Освященный, неприкосновенный»; «**святый** – 1. Всесовершенно чистый, пренепорочный. 2. Ведущий к святости, непорочности».

Словарь В. И. Даля содержит более развернутые толкования: «**священный** – святой; освященный; заветный, нерушимый»; «**святой** – духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. <…> Святым зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и благом».

«Полный церковно-славянский словарь» протоиерея Г. Дьяченко (1900) отмечает слово **священный** в значении «отделенный от обыкновенного, освященный; посвященный».

---

[1] Выбор языков в данном разделе продиктован стремлением представить основные языковые группы европейского региона (славянскую, германскую, романскую).

[2] В определениях слова «святой» в этом разделе опущено субстантивное значение «близкий к Богу, высоконравственный человек» как не входящее в предмет исследования (что отражено в нумерации значений в цитатах из словарей).

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова выделяет в рассматриваемых прилагательных целый ряд значений: «**священный** – (книжн.). 1. Обладающий святостью, признаваемый божественным (церк.). <…> 2. Связанный с религиозным культом, относящийся к богослужению (церк.). <…> 3. Оправдываемый религией, соответствующий религиозно-нравственному идеалу (церк., ритор.). <…> 4. перен. Необычайный, возвышенный, как бы мистический (поэт., устар., иногда ирон.). <…> 5. перен. Дорогой, заветный (книжн. ритор.). <…> 6. перен. Чрезвычайно почетный, высокий, исключительный по важности. неукоснительный (книжн. торж.)». «**Святой** – 1. В религиозных представлениях – обладающий абсолютным совершенством и чистотой, божественный (религ.) <…> 2. В тех же представлениях – праведный, непорочный, отвечающий религиозному идеалу (религ.) <…> 6. В христианском культе – наделенный божественной благодатью, являющийся источником божественной силы (церк.) <…> 7. перен. Проникнутый чем-н. высоким, возвышенный, идеальный (поэт., устар.) <…> Глубоко чтимый, дорогой, заветный, любимый (книжн. торж.). <…> Истинный, великий, величественный по своим задачам, исключительный по важности (книжн. торж.). <…> Незыблемый, нерушимый». При отсутствии лексемы «сакральный», в словаре зафиксировано слово «**сакраментальный»** с определением «священный, заветный» и с пометой «книжное».

Словарь С. И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (23-е изд., 1991) содержит следующие статьи относительно интересующего нас понятия: «**священный** – 1. Чрезвычайно почетный и исключительный по важности, святой. 2. Исполненный благоговения. 3. В религии: обладающий святостью, божественный; соответствующий религиозному идеалу. 4. Относящийся к религиозному культу». **«Святой** – 1. Проникнутый высоким чувством, возвышенный, идеальный. 2. Истинный, величественный и исключительный по важности. 3. В религиозных представлениях: обладающий божественной благодатью». **«Сакраментальный** – 1. Связанный с религиозным обрядом, ритуальный. 2. Закрепившийся в традиции, ставший обычным».

В четырехтомном словаре под ред. А. П. Евгеньевой (4-е изд., 1999) впервые встречаем слово «**сакральный**» – оно определяется как «относящийся к религиозному культу; обрядовый, ритуальный» и помечено как книжное. Его синонимом в первом своем значении выступает, по данным словаря, прилагательное «**сакраментальный»**, но значение последнего дополнительно разъясняется как «достойный поклонения, почитания; священный» и приводится второе значение: «ставший обычаем, традицией, освященный традицией». Слова «священный» и «святой» определяются следующим образом: «**священный** – 1. Обладающий святостью, признаваемый божественным. <…> Связанный с религиозным культом, выполнением религиозных обрядов, относящийся к богослужению. 2. Глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное; святой. 3. Вызываемый, порождаемый благоговением перед чем-либо глубоко почитаемым, высоким; благоговейный. 4. Освященный высокой целью; благородный. <…> Высокий, почетный. 5. Неприкосновенный или незыблемый, нерушимый в силу своей важности, значительности». «**Святой** – 1. Обладающий высшим совершенством и силой; божественный. <…> Употребляется как постоянный эпитет к словам, обозначающим предметы или места религиозного поклонения. <…> 4. Глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное. 5. Благородный, освященный высокой целью. 6. Такой, который должен быть выполнен в силу своего высокого значения; обязательный, непреложный. 7. Незыблемый, нерушимый. 8. Безусловный, полный».

Интересные сведения содержит «Толковый словарь русского языка конца XX в. (языковые изменения)» под ред. Г. Н. Скляревской (1998). Лексемы «священный» и «святой» помечены в нем как возвратившиеся в активное употребление. Слово «**священный**» трактуется как «обладающий святостью, божественной благодатью». В прилагательном «**святой**» выделяются три значения: «1. Исходящий от Бога; связанный с Богом; близкий к Богу. 2. Освященный, священный; предназначенный для служения Богу. 3. Наделенный божественной благодатью; являющийся источником божественной силы».

Отмечается, что в советское время слово использовалось как «эпитет, характеризующий реалии революции и коммунистической партии».

Под несколько новым углом представляет анализируемые лексемы «Толково-энциклопедический словарь» (2006). Значения, ранее отмеченные у слов «священный» и «святой», здесь сведены в статью «**сакраментальный»**: «1. = сакральный… 2. Священный, заветный. 3. Ставший обычным. Син.: традиционный. 4. Связанный с религиозным поклонением и христианскими церковными обрядами (обычно как постоянный эпитет предметов и служителей культа или мест паломничества). 5. Высоконравственный, безупречный. Син.: безгрешный, непорочный. 6. Глубоко чтимый. Син.: благородный. 7. Незыблемый, нерушимый». Прилагательное «**сакральный**» определяется здесь как «священный, связанный с религиозным культом и ритуалом; обрядовый» (с пометой «книжное»). Зафиксировано также слово «**сакрализация»** – «превращение кого-, чего-либо в предмет поклонения, наделение священными свойствами» (с той же пометой «книжное»). Отдельных статей на слова «святой» (как прилагательное) и «священный» не приводится, они упомянуты только в составе устойчивых сочетаний (*Святые Дары, святые места, священные одежды, священные сосуды* и т.п.).

Ю. С. Степанов сводит семантическую структуру слова «святой» к двум базовым значениям: «1) относящийся к истинному Богу или к человеку, отмеченному божьей благодатью; 2) относящийся к предметам, связанным с понятиями первой группы: *святая церковь, святая вода, святой крест, святые мощи*. Остальные значения переносные: “проникнутый высокими устремлениями или предназначением” – *святая лира поэта, святой долг…* и т.п.»[3].

Английский язык. Ближайшим соответствием рус. *сакральный, священный* в английском языке служит прилагательное *sacred*. Слово *sacral* также существует, но гораздо менее употребительно и, кроме того, может выступать в медицинском значении «крестцовый» (о кости).

[3] Степанов 2004: 874.

Британский словарь *Collins Dictionary of the English Language* (1985) дает слову ***sacred*** такое определение: «1. Всецело посвященный божеству или предназначенный для какой-либо религиозной церемонии или практики; святой (*holy*); освященный. 2. Заслуживающий или пользующийся почитанием, благоговением или уважением. 3. Предрассудком или благочестивым отношением защищенный от нерелигиозных действий. 4. Связанный с религиозным употреблением или предназначенный для него. 5. Посвященный чему-либо, освященный в честь кого-либо». Прилагательное ***holy*** «святой» объясняется следующим образом: «1. Относящийся к или связанный с Богом или божеством; священный (*sacred*). 2. Наделенный или облеченный совершенной чистотой или возвышенным характером. 3. Ревностный, набожный или добродетельный».

Американский словарь *Webster's New World College Dictionary* (3rd ed., 1997) толкует эти понятия схожим образом. ***Sacred*** – «1. Посвященный или принадлежащий божественному или какому-либо божеству; святой (*holy*). 2. Связанный с религией или религиозными обрядами. 3. Пользующийся уважением и почитанием, характерным для всего святого; чтимый, прославляемый. 4. Отделенный или посвященный для какого-либо человека, места, цели, чувства и т.д. 5. Религиозным чувством или чувством справедливости огражденный от всякого кощунства, посягательства или вторжения; неприкосновенный». ***Holy*** – «1. Предназначенный для религиозного употребления; принадлежащий Богу или исходящий от него; освященный; священный (*sacred*). 2. Духовно совершенный или чистый; незапятнанный злом или грехом; безгрешный; праведный. 3. Пользующийся глубоким уважением, благоговением, почитанием и преклонением или заслуживающий такого отношения». При этом дается ценное пояснение: «*holy* обозначает то, что является предметом глубочайшего религиозного почитания или в существе своем связано с религией, а также, в более широком употреблении, передает значение духовной чистоты»; *sacred* относится к тому, что отделено как святое или же предназначено для какой-то возвышенной цели и в силу этого несет в себе значение неприкосновенности».

Испанский язык. В испанском языке понятие сакрального, священного выражается прежде всего словом *sagrado*. Эпитет *sacro* во всех известных нам словарях трактуется как синоним *sagrado* (очевидно, менее употребительный, так как толкования всегда приводятся на *sagrado*). Понятие святости передается прилагательным *santo*.

Нормативный словарь Королевской академии испанского языка (*Diccionario de la Lengua Española, Real Academia Española*, 21ª ed., 1992) называет следующие значения слова ***sagrado***: «1. Согласно обряду посвященный Богу и божественному культу. 2. Достойный почитания в силу связи с божественным. 3. Принадлежащий или относящийся к божеству или его культу. 4. Достойный почитания и уважения в силу своего предназначения или употребления. 5. Древние говорили так о всем, чего очень тяжело достичь человеческими силами. 6. Иногда, как и в латинском языке, – отвратительный, ненавистный». Особого внимания здесь заслуживают значения 5 и 6, ранее не встречавшиеся ни в русском, ни в английском языках; представляется, что они очень существенны для уяснения семантики сакрального. Слово ***santo*** словарь Академии разъясняет так: «1. Совершенный и непричастный греху. В полном смысле относится только к Богу, Который является таковым по существу; в силу благодати, преимущества и причастности относится также к ангелам и к людям. 4. Говорится о том, что особым образом предназначено или посвящено Богу. 5. Достойный почитания в силу религиозных причин».

В авторитетном словаре Марии Молинер (María Moliner, *Diccionario de uso del español*, 2ª ed., 1998) представляют интерес два комментария о значении ***sagrado***: «используется в отношении предметов религиозного культа и вещей, ритуально предназначенных для богослужения»; «в качестве гиперболы может относиться к любому предмету, заслуживающему особого почитания».

Diccionario Didáctico Avanzado: Primaria (7ª ed., 2003) кратко определяет ***sacro*** и ***sagrado*** как «относящийся к божеству или богослужению, священный», толкуя одно слово через другое.

Французский язык. Во французском языке семантическое поле священного/святого покрывается лексемами *sacré*, *sacral*, *saint*. Первая из них

более употребительна в общем языке по отношению к священным предметам и понятиям; вторая, видимо, более терминологична; третья относится прежде всего к людям, входит в некоторые устойчивые сочетания (*l'histoire sainte* «священная история», *lieux saints* «святые места», *guerre saint* «священная война»).

Словарь *Grand Larousse de la langue française* (1977) фиксирует у прилагательного ***sacré*** значения «связанный с совершением культа, имеющего религиозный характер, и в силу этого внушающий благоговение» и «достойный глубочайшего почитания, нерушимый».

Словарь *Le Robert College* (2005) определяет ***sacré*** как «1. Принадлежащий сфере запретного и неприкосновенного (в противопоставлении обыденному) и составляющий объект религиозного поклонения. 2. Достойный высочайшего почтения», а также отмечает возможность его эмфатического употребления: *Tu es un sacré menteur!* «Ты несчастный лжец!». ***Sacral*** объясняется как «относящийся к священному (*sacré*); сакрализованный». В слове ***saint*** из интересных для данного исследования значений (т.е. помимо значения «святой человек») отмечены следующие: «обладающий священным, религиозным характером; относящийся к иудео-христианской религии, к Церкви»; «внушающий благоговение».

Представляется, что подобное распределение значений довольно близко к русскому разграничению между «священный», «сакральный» и «святой».

Итальянский язык. Итальянский язык для выражения рассматриваемых понятий располагает словами *sacro, sacrale, santo*. Словарь *Lo Zingarelli minore* предлагает следующие определения: ***sacro*** – «1. Принадлежащий божеству, причастный божественной силе. 2. Достойный уважения, почитания, поклонения. Нерушимый, неприкосновенный. 3. Освященный, посвященный». ***Sacrale*** – обладающий священным (*sacro*) характером». ***Santo*** – «тот, которому подобает уважение и почитание в силу нравственных, общественных или т.п. норм. 2. Собственное свойство Бога. 3. Принадлежащий Богу и религии, относящийся к ним. 4. Провозглашенный Церковью святым и почитаемый как таковой».

Немецкий язык. В немецком языке находим слова *sakral* и *heilig*. Словарь *Duden Deutsches Universal Wörterbuch* (1983) формулирует их значения так: ***sakral***

– «святой, служащий религиозным целям; относящийся к святому, религиозному». ***Heilig*** – «1. В отличие от всего мирского, исполненный божественного и в силу этого достойный почитания; наполненный божественным Духом, излучающий божественную святость; свидетельствующий о нравственной чистоте, весьма благочестивый; обладающий посвящением через отнесенность к божественному. 2. Внушающий благоговение в силу своей важности, неприкосновенный. 3. Великий, ужасающий».

Сербский язык. Представляется нелишним, в дополнение к сведениям из основных романских и германских языков, принять во внимание данные по крайней мере одного славянского языка (помимо русского). Сербскому языку известны лексемы *сакралан, свештени, свет*, обладающие следующими значениями (по *Речнику српског језика* Матицы сербской, 2007). ***Сакралан*** – «освященный, отделенный для совершения церковных обрядов». ***Свештени*** – «посвятивший себя церкви и вере», носящий церковный сан», «относящийся к вере, церкви, церковный, духовный», «освященный, святой, посвященный». ***Свет*** – «1. Превознесенный над всем… неприкосновенный, возвышенный. 2. Морально совершенный, идеальный, непорочный… 3. Составляющий предмет религиозного культа, связанный с верой и религиозными обрядами, посвященный Богу и распространению веры; тот, на который через освящение перешло Божие благословение и чудотворная сила».

Составляющие значения в современных языках. Итак, у слов, выражающих понятие *сакрального – священного* и *святого* в названных выше языках, можно выделить следующие аспекты значения (*Таблица 1*):

Таблица 1. Составляющие значения слов «сакральный», «священный», «святой»

Сакральный, священный	*Святой*
1. Особое предназначение (освященный, особо посвященный чему-либо, в первую очередь Божеству). 2. Запретность (отделенный от	1. Внутреннее совершенство (чистый, непорочный, духовно совершенный, набожный, добродетельный, возвышенный, идеальный).

обыкновенного, принадлежащий сфере запретного, неприкосновенного, противопоставленный мирскому, огражденный от нерелигиозного употребления). 3. Непреходящее значение (нерушимый, незыблемый). 4. Связь с религиозной сферой (связанный с религией, культом, обрядом, Церковью, верой, духовностью). 5. Святость (проникнутый святостью, святой, связанный с божественным). 6. Идеальность (соответствующий религиозно-нравственному идеалу). 7. Величие и высшая ценность (необычайный, возвышенный, благородный, освященный высокой целью, чрезвычайно почетный, важный, внушающий трепет, благоговение, достойный поклонения, дорогой, заветный). 8. Нечто выше человека (превосходящий человеческие силы). 9. Внушение ужаса (ужасающий, отвратительный).	2. Связь с Божеством (относящийся к Богу, вере, Церкви, наделенный божественной силой, благодатью). 3. Посвященность (священный, особым образом посвященный Богу). 4. Отличие от повседневного (отличающийся от чего-то земного, обычного). 5. Величие (величественный по задачам, исключительный по важности, благородный, освященный высокой целью, внушающий благоговение). 6. Непреходящее значение (незыблемый, нерушимый, обязательный, непреложный, безусловный, полный). 7. Почитание (о предмете высшего почитания, поклонения, все заветное, дорогое, связанное с истиной и благом, глубоко чтимый, любимый). 8. Внушение ужаса (ужасающий).

Как видим, понятия сакральности (священности) и святости в современных языках оказываются взаимосвязанными, родственными: они совпадают в половине своих значений, толкуются одно через другое. Отличительной составляющей понятия «святого» выступает идея внутреннего совершенства, тогда как характерным значением «священного» является идея неприкосновенности в силу предназначенности для какой-то высокой цели.

Данные древних языков и этимологии. Чтобы лучше уяснить разницу в этих значениях и точнее сформулировать определение сакрального, обратимся к данным древних языков и этимологии.

В латинском языке находим два слова, выражающих понятие сакральности: *sacer* и *sanctus*. «Латинско-русский словарь» А. М. Малинина (1952) так описывает их значения: ***sacer*** – «1. Посвященный богам, священный, святой. 2. Обреченный подземным богам; преданный проклятию… гнусный, скверный». ***Sanctus*** – «1. Священный, ненарушимый, неприкосновенный. 2. Священный, глубоко почитаемый; торжественный, праздничный. 3. Благочестивый; непорочный, чистый; добродетельный, целомудренный». Словарь О. Петрученко (11-е изд., 2003) дополняет семантику *sacer* значениями существительного *sacrum* – «священная вещь, жертва; священный обряд, жертвоприношение». Э. Бенвенист отмечает, что *sacer* – это нечто божественное и таинственное по своей природе, тогда как *sanctus* относится к тому, что обрело свой почетно-священный статус в силу общественного ограничения, запрета, санкции. *Sacer* двойственно: оно означает как что-то величественное, достойное почитания, так и что-то отмеченное несмываемым проклятием, вызывающее ужас [4]. В христианской церкви *sacer* в качестве словообразовательного элемента вошло в обозначения священника (*sacerdos*), таинств (*sacramentum*), а *sanctus* стало эпитетом Бога и святых людей. От *sacer* происходят современные англ. *sacred*, исп. *sagrado*, фр. *sacré* со значением «священный», от *sanctus* – англ. *saint*, исп. *santo* и т.д. со значением «святой».

Заслуживают внимания и данные древнегреческого языка. Словарь А. Д. Вейсмана (1991, репринт 5-го изд. 1899) дает следующие толкования: **‘ιερός** – «священный, святой, посвященный чему-либо. …Некоторые полагают, что ‘ιερός первоначально значило: великий (μέγας), сильный, крепкий… Вернее, однако, полагать, что не из значения “великий” развилось позднейшее значение

[4] Бенвенист 1995: 348–349.

“священный”, а, наоборот, слово ‘ιερός прилагалось, подобно θειος и διος [«божественный»], ко всем предметам необыкновенным, возбуждавшим удивление или благоговение». Другая лексема этого же смыслового поля, **‘άγιος**, кратко определяется как «святой, священный, посвященный кому-либо; чистый, непорочный». В христианской традиции первая из названных лексем стала применяться для именования священнослужителей (ср. церк.-слав. и рус. «иерей» и производные от него), вторая же стала обозначением святости.

Парность слов, выражающих понятие сакрального (*святой – священный, holy – sacred, sacer – sanctus* и др.), неслучайна. Как заметил Э. Бенвенист, подобная бинарность обозначения сакрального свойственна многим индоевропейским языкам[5]. Смысл оппозиции состоит в том, что один из терминов передает значение сакрального по своей природе, в силу своей связи с богами, тогда как другой элемент пары обозначает предмет, наделенный сакральным статусом в силу особого ритуального действия человека[6] (С. Ю. Бородай называет это «сакральностью в абсолютном и относительном смысле»[7]).

Дополнительный свет на семантику сакрального проливает внутренняя форма слов, называющих это понятие в разных языках. Так, др.-греч. ‘ιερός связано с глаголом ‘ιερεύω «приносить в жертву» (идея принадлежности богам), ‘άγιος же родственно глаголу ‘άζομαι «испытывать благоговейный страх» (идея почитания)[8]. В праиндоевропейском языке, по мнению С. Ю. Бородая, сакральное, вероятнее всего, описывалось лексемами со значением «расти, набухать, усиливаться, изобиловать», т.е. ассоциировалось с изобилием природных сил. Кроме того, есть основания предполагать семантическую связь между священным и правой стороной, происходящую из ассоциирования всего положительного с более сильной и активной правой рукой, в противопоставление менее развитой левой[9] (что, в свою очередь, связано с функциональной асимметрией мозга)[10].

---

[5] Там же: 343 и сл.
[6] Степанов 2004: 868.
[7] Бородай 2011: 2.
[8] Степанов 2004: 867.
[9] Бородай 2011: 7, 16.
[10] Иванов 1978.

При этом само семантическое поле «святое, священное» Ю. С. Степанов противопоставляет понятию «скверна» (мерзость, нечистота, разложение, порок), считая общим для обоих значение запретности для человека[11]. Таким образом, категория сакрального в его интерпретации становится тройственной (возвышенно-святое по природе – освященное вследствие ритуала – отвратительно-проклятое). По мысли Ю. С. Степанова, исторические культуры можно классифицировать по принципу того, какая из составляющих этой семантической структуры выражена ярче[12] (утверждается ли незыблемость определенных положительных ценностей или подчеркивается запретность чего-то опасного и разрушительного). Все это приводит нас к вопросу о культурологической интерпретации сакрального.

Культурологическая интерпретация сакрального. С точки зрения сознания и культуры, сакральное, по определению А. П. Забияко, это «важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные. <…> В картине мира сакральное выполняет роль структурообразующего начала: в соответствии с представлениями о сакральном выстраиваются другие фрагменты картины мира и складывается их иерархия. В аксиологии сакральное задает вертикаль ценностных ориентаций»[13]. Применительно к каждому конкретному мировоззрению представления о сакральном непосредственно проявляются в виде сакральных образов, символов и слов.

Установить границы сакрального и несакрального может быть затруднительно по причине подвижности его критериев применительно к разным субъектам. Р. Отто описывал священное как *mysterium tremendum et fascinans*, т.е. тайну, вызывающую одновременно ужас и восхищение[14]. М. Элиаде считал главной характеристикой сакрального его противопоставленность профанному,

[11] Степанов 2004: 870.
[12] Там же: 872.
[13] Культурология 1998: 185.
[14] Отто 2008: 21 и сл., 58 и сл.

т.е. обыденному, мирскому, повседневно доступному[15]. Так как представление о том, что естественно в рамках повседневности, различается в отдельных культурах и у конкретных индивидов, то различным будет и понимание запретных границ священного (и в более широком смысле – границ культурно допустимого и недопустимого).

Таким образом, поскольку каждый человек формирует свое мировоззрение в среде конкретной религиозной и национальной культуры, то говорить о сакральном возможно не «вообще», а применительно к каждой данной культуре. При этом само изучение и описание структур сакрального предполагает некоторую солидаризацию исследователя с той системой ценностных координат, в которой эти структуры существуют. В этой связи существенно методологическое замечание С. Ю. Бородая: «В каком-то смысле, дать дефиницию “сакрального” означает дать определение религиозности как таковой. Определение же религиозности, будучи достаточно интимной темой, всегда вскрывает внутреннюю ангажированность исследователя и невольно говорит о специфике той общей модели мышления, которой исследователь причастен»[16].

Представляется, что у данного вопроса есть объективная и субъективная стороны. В объективном плане представления о сакральном очерчены той культурой, в которой человек рождается, растет, воспитывается и живет. Они могут не осознаваться, но это просто данность национального культурно-исторического опыта, запечатленная в родном языке. «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался», – так выразил эту мысль Ф. И. Буслаев[17]. Наиболее яркие примеры – это устойчивые ситуативные выражения типа рус. *спасибо* (из «спаси Бог»), междометных восклицаний *Боже, Господи*, англ. *(God) bless you* («благослови вас Бог»), исп. *adiós* (из «ступайте с Богом»), ирландских формул приветствия *Dia ghuit* («пусть будет с вами Бог») и прощания *Dia is Muire ghuit* («пусть будут с вами Бог и Мария»). На более

[15] Элиаде 1994: 17.
[16] Бородай 2011: 1. С этим же связана проблема толкования религиозных понятий в словарях (Цумарев 2020: 76–78).
[17] Буслаев 2011: 88.

глубоком уровне это может проявляться в специфике распределения значений между лексемами, ассоциативных связях, сочетаемости и т.п. (попытка описания таких фактов на материале русского и английского языков представлена в главе 2). Субъективный аспект состоит в том, что на уровне самоидентификации человек может подвергнуть подобные факты осмыслению и либо принять их как часть своего мировосприятия, либо отвергнуть.

При этом о сакральном можно говорить не только по отношению к религии, но и применительно к любому мировоззрению. У каждого человека есть вещи, для него «священные», т.е. выделяющиеся особым значением на фоне памяти и повседневного опыта (родной дом, имя близкого человека, день рождения ребенка и т.д.). Именно здесь применимы отмеченные в словарях значения «священного» и «святого» как чего-то «дорогого, заветного, любимого».

Представляется возможным говорить о том, что свои «сакральные ценности» существуют в современной массовой культуре: деньги, успех, физическая привлекательность, труднопереводимое англ. *fun* и т.п. Использование слов «поп-*идол*», «*икона* шоу-бизнеса», «*культовая* личность» в отношении известных певцов, спортсменов, телеведущих, надо полагать, свидетельствует о том же.

Даже в обществах с атеистической идеологией есть свои представления о «сакральном». Религию запрещают и преследуют, но на место Бога ставится «вождь», вокруг фигуры которого образуется свой культ. При этом ему приписываются божественные качества: бессмертие (лозунг «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», идея бальзамирования тела), непогрешимость (с сочинениями вождя необходимо сверять все новое в науке и литературе) и т.п. Как отмечает А. П. Забияко, в XX в. «в России и на Западе развертывались мощные кампании по внедрению в культурное сознание, взамен традиц[ионных] с[акральных] о[бразов] христианства, образов полит[ических] вождей, религ[иозных] харизматиков новых культов и прочих претендентов на духовную

власть, чьи образы должны были составить основу новой социальной мифологии и совр[еменного] язычества»[18].

Интересное преломление понятия сакрального на материале событий недавнего прошлого описывает С. Б. Филатов. Он замечает, что, согласно социологическим опросам, большинство россиян не практикуют какую-либо религию, но в то же время осуждают акцию участниц группы «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя в 2012 г., считают подобные действия в здании церкви недопустимыми. Этот парадокс С. Б. Филатов объясняет через чувство сакрального: «....даже при отсутствии веры в Спасителя и неучастии в церковной жизни у людей развито чувство сакрального. Чувство святости православного храма, иконы, священной книги существует независимо от “воцерковленности”. Дискуссия о панк-молебне выявила охватывающую едва ли не всех называющих себя православными черту – чувство сакрального. <...> Преклонение перед сакральным (совсем не обязательно связанное с воцерковленностью и признанием учительского авторитета иерархии) проявило себя в качестве одной из ярких черт массового сознания»[19].

Возможно, подобные социокультурные явления и их следы в языке указывают на неотъемлемость и необходимость понятия сакрального для человеческого сознания. «Мирское существование никогда не встречается в чистом виде. Какой бы ни была степень десакрализации Мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения»[20], – пишет М. Элиаде.

Обобщая сказанное, можно определить сакральное как центральные, основополагающие понятия и ценности определенного мировоззрения, в частности религиозного. Сакральная лексика, следовательно, это слова, называющие центральные понятия и реалии такого мировоззрения.

---

[18] Культурология 1998: 186.
[19] Филатов 2014.
[20] Элиаде 1994: 23.

1.2. Состав сакральной лексики

Отнесение тех или иных слов к сакральной лексике, равно как и выделение в ее составе определенных подгрупп, зависит от критериев, которыми руководствуется исследователь. Отсюда разнообразие терминов, описаний и классификаций, встречающихся в научной литературе.

Н. А. Ганина, исследуя языческую сакральную лексику готского языка, выделяет в ней три тематических категории: «мировоззрение/миф» (наименования мира людей, мифологических пространств и мифических существ), «культ» (обозначения языческих божеств, понятия священного, культовых принадлежностей и действий, связанных с магией лиц) и «ритуализованный быт» (лексика празднеств, погребальных обрядов, устной поэтической традиции). Автор замечает, что подобное деление достаточно условно и произведено лишь для наглядности и удобства изложения материала, тогда как в действительности одно и то же слово может принадлежать ко всем названным категориям одновременно[21].

Т. В. Кузьмина в диссертации «Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка)» придерживается широкого понимания сакрального. Согласно автору, это отраженный в языке «фрагмент социальной реальности, выходящий за рамки привычного и обыденного»[22], т.е. все, что когда-либо в истории народа связывалось с магическими, мифологическими или религиозными представлениями. В данной трактовке *сакральное* выступает как синоним слов *обрядовый, ритуальный, магический, таинственный, сверхъестественный*. Весь состав сакральной лексики русского языка, по мнению исследовательницы, может быть представлен в виде двух тематических групп: «Человек духовный» (куда отнесены такие слова, как «крещение», «венчание», «ангел», «душа») и «Предметный мир человека» (включающий в себя названия предметов домашнего быта, животных, растений, продуктов питания и т.п., например, *дверь*, *колодец*,

[21] Ганина 2001: 8.
[22] Кузьмина 2011: 3.

стол, конь, заяц, дуб, мед и даже *веник*). Автор работы замечает, что во многих случаях сакральное значение слова не фиксируется существующими словарями, но может быть обнаружено с помощью ассоциативных рядов и невербальных кодов культурной информации (обряды и др.). В своем исследовании Т. В. Кузьмина делает несколько интересных наблюдений касательно семантики сакрального. Во-первых, что сакральное значение основано на метафоризации и ассоциации. Во-вторых, что семантическая структура сакральных слов строится на противопоставлении категорий добра и зла (*священное – нечистое, свет – тьма* и др.)[23].

А. Петрикова, анализируя лексические средства современной православной проповеди, выделяет два класса сакральной лексики. Первый – это «традиционно религиозная лексика», к которой относятся:

1) обозначения Верховного Божества и небесных существ (*Господь, Христос, архангел*);
2) названия основных религиозных действий (*крестное знамение, проповедь, молитва*);
3) именования предметов с атрибутизированными свойствами (*храм Божий, крест, святая вода*);
4) обозначения конфессиональных признаков (*католический, православный, евангелический*);
5) названия книг Библии и их действующих лиц (*Евангелие, Ветхий Завет, Иоанн Предтеча*);
6) наименования религиозных доктрин и понятий (*вера, богословие, православие*);
7) именования святых (*святой пророк Илия, святитель Иоанн Златоуст, преподобный Серафим Саровский*);
8) обозначения существ и явлений, воплощающих зло (*дьявол, грех, ад*).

Во второй класс вынесена «интертекстуальная лексика» Священного Писания (библеизмы): топонимы (*Содом и Гоморра, Вавилон, Вифлеем*); имена

[23] Там же: 6, 10.

собственные (*Авраам, Адам, Понтий Пилат*); биологические реалии (*верблюд* – «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко»; *волк* – «волк в овечьей шкуре»; *овца* – «заблудшая овца»); названия частей тела (*око, зуб* – «око за око, зуб за зуб»; *колено* – «колена Израилевы»; *лоно* – «лоно Авраамово»); указания на семейную принадлежность (*братья* – «братья во Христе»; *жена* – «Лотова жена»; *племя* – «Евино племя»). А. Петрикова отмечает, что лексическим единицам данного класса свойственно выходить за пределы религиозной сферы и пополнять языковой репертуар других функциональных стилей[24].

И. А. Королева в работе «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте»[25] определяет сакральную лексику как слова, связанные с понятием веры. В рамках нее выделяются множества «Бог – дьявол», «Высшие существа», «Последователи – противники Бога». К разряду богослужебной лексики автор относит слова, связанные с религиозными обрядами. Данный лексический класс подразделяется на группы «Люди», «Место, строение», «Атрибутика».

Р. И. Горюшина в исследовании «Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов)»[26] выделяет в составе религиозной лексики следующие группы: 1) именования Верховного Божества; 2) обозначения религиозных начал; 3) понятия, противоречащие религиозным началам, канонам, истинам; 4) названия предметов культа, богослужений, религиозных обрядов; 5) обозначения священнослужителей христианской церковной иерархии; 6) именования подвижников и противников христианства; 7) наименования предметов церковной утвари; 8) названия церковных праздников; 9) названия церковных книг.

Г. Н. Скляревская, говоря о лексике православия в современном русском языке (которую она также называет религиозно-церковной), подразделяет ее на такие семантические поля, как: 1) основные понятия вероисповедания и

[24] Петрикова 2007: 136.
[25] Королева 2003.
[26] Горюшина 2002.

богословские термины; 2) лексика христианской морали; 3) названия таинств; 4) наименовании небесной иерархии; 5) наименования церковной иерархии; 6) элементы церковного календаря; 7) наименования евангельских событий и соответствующих им праздников; 8) формы и части богослужений; 9) основные элементы богослужения и соответствующие песнопения; 10) устройство православного храма; 11) предметы богослужения и церковная утварь; 12) священнические и монашеские облачения и их части; 13) наименования чинов святых[27].

С. В. Феликсов в русле «онтологического подхода» (переход от идеи к ее выражению) выделяет в русской лексике православного вероучения следующие «лексико-эйдетические группы»: 1) «Бог» (именования Триединого Бога и Его свойств); 2) «Церковь» (лексика, относящаяся к Церкви в ее духовном и земном измерениях); 3) «Мир» (названия сущностей и лиц, противных Богу и Церкви); 4) «Человек» (характеристики человека как творения Божьего); 5) «Бог – Церковь – Человек – Мир» (понятия, описывающие взаимоотношения Бога, Церкви, человека и мира)[28].

Е. В. Грудева, описывая хронологически маркированную лексику в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (многие религиозные термины в советское время помечались как «устаревшие»), выделяет в ней тематическую рубрику «Лексика, связанная с духовной сферой», которую подразделяет на группы «Лексика, связанная с богослужением, отправлением религиозных обрядов», «Названия мест отправления религиозного культа» и «Названия религиозных направлений; наименования служителей и последователей культов, религиозных течений», а также перечень слов, не включенных ни в одну из групп (*богомолец, богобоязненный, греховный, божественный благодать, преисподняя, богохульствовать* и др.)[29].

Еще одну стратификацию религиозной лексики предлагает А. М. Четырина, изучавшая то, как лексика православного христианства представлена в «Словаре

[27] Скляревская 2012: 38.
[28] Феликсов 2019.
[29] Грудева 2020: 161–162.

церковно-славянского и русского языка» 1847 г.[30] В общем виде ее можно представить следующим образом (*Таблица 2*):

Таблица 2. Православная лексика в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (классификация А. М. Четыриной)

Макрополя							
Сфера существования Бога		Сфера существования верующего человека			Ересь, отрицание Бога, неверие		
Микрополя							
Божественное	Богопротивные силы	Вера в Бога	Верующий человек	Богослужение	Неверие	Отрицание Бога и богоборчество	Ересь

Данную классификацию детализирует на материале французского языка А. К. Моросо-Флорес[31]. Глубже всего она подразделяет макрополе «СФЕРА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕРУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА». В микрополе «*Вера в Бога*» выделяются разделы «Общие понятия, связанные с верой в Бога», «Понятия, связанные с христианским вероисповеданием», «Священное Писание», «Теология», «Проповедание Слова Божия». В микрополе «*Верующий человек*» усматриваются субъектная и объектная сферы. Субъектная сфера включает: 1) наименования лиц по отношению к определенной конфессии; 2) обозначения верующих в соответствии с участием в христианских таинствах и обрядах; 3) наименования верующих по отношению к нормам религиозной жизни; 4) наименования верующих по отношению к Богу; 5) обозначения верующих, посвятивших себя делам Церкви; 6) наименования верующих по образу христианской жизни. К объектной сфере отнесены: 7) названия атрибутов повседневной жизни верующих и 8) элементы церковного календаря. Не менее

[30] Четырина 2008.
[31] Моросо-Флорес 2012.

подробно представлено микрополе «*Богослужение*». Здесь автор выделяет разделы «Формы и элементы богослужения» (таинства, обряды, молитвы, песнопения, литургические возгласы), «Храм, его части и предметы богослужения» (религиозные сооружения, части храмового пространства, богослужебные предметы и вещества), «Церковные книги и документы», «Церковная иерархия» (саны, титулы, звания священнослужителей, богослужебные действия, церковные облачения), «Церковная система» (единицы церковной администрации, религиозные ордена, органы взаимосвязи между Церковью и государством).

Примером анализа более узкой группы сакральных лексем служит исследование И. В. Бугаевой, посвященное лексико-семантической структуре именований святых[32]. Автор установила, что наиболее распространенной является модель номинации святых «чин святости + собственное имя + дифференциатор».

Чин святости служит показателем сакрального статуса канонизированного человека и указывает на форму духовного подвига, которую за ним признает Церковь. Основные чины святости в терминологии Русской Православной Церкви следующие: пророки, праотцы, апостолы, мученики (подвиды: преподобномученики, священномученики, великомученики, страстотерпцы, новомученики), исповедники, равноапостольные, святители, преподобные, святые благоверные, блаженные, праведные, бессребреники.

Дифференциатор – это элемент именования, служащий для различения одноименных святых через сообщение дополнительных сведений о них. И. В. Бугаева выделяет следующие виды дифференциаторов:

1) номинаторы (указания на социальный статус, род занятий, например: *мученик Клавдий Римский, <u>трибун</u>*; *мученик Александр Каталитский, <u>кузнец</u>*; *преподобный Лазарь Константинопольский, <u>иконописец</u>*);
2) дескрипторы (постоянные эпитеты: *Иосиф <u>Прекрасный</u>, Иоанн <u>Златоуст</u>, Феодор <u>Молчаливый</u>*);

[32] Бугаева 2008: 33 и сл.

3) локализаторы (указания на местность: преподобный *Иоасаф Индийский, преподобный Герман Аляскинский, священномученик Елевферий Парижский*);
4) агномены (сросшиеся с именем указания на события жизни: *Иосиф Обручник, Георгий Победоносец, Иустин Философ*);
5) когномены (фамилии и отчества: *преподобный Андрей Рублев, святитель Игнатий Брянчанинов, князь Всеволод Георгиевич Владимирский*);
6) титулы и церковные должности (*Филипп Иллирийский, сенатор; Стефан Милютин, Сербский король; священномученик Климент, папа Римский*);
7) этнонимы (сведения о национальной принадлежности: *преподобный Максим Грек, мученик Иоанн Болгарин, мученик Максим Перс*).

По наблюдениям И. В. Бугаевой, сакральное имя можно представить себе как формулу (микротекст), развертывающуюся с помощью следующих средств:

1) синтаксис (образование назывных словосочетаний);
2) заимствование греческого слова (*Феодор Студит, Михаил Сингелл*);
3) калькирование (поморфемный перевод греческого эпитета: *Иоанн Златоуст, Симеон Богоприимец*);
4) превращение нарицательных имен в собственные (слова *Затворник, Воин, Летописец* и т.п. как часть имени).

Именования святых устойчивы, но, тем не менее, подвержены изменениям в ходе истории. В частности, сравнение церковных календарей начала XX и начала XXI вв. обнаруживает увеличение числа компонентов именования со временем. По-видимому, это связано с потребностью более точной идентификации святых (особенно малоизвестных) и со стремлением расширить познания верующих в области агиографии и церковной истории.

Предпринимая обзор исследований на тему лексики религиозной сферы, С. А. Смирнова приходит к выводу, что термины *сакральная лексика* и *религиозная лексика* можно считать «соотносимыми», а наименования *церковная лексика* и *богослужебная лексика* «могут квалифицироваться как терминологические синонимы». При этом *религиозная лексика* может обозначать

как совокупность богословских и обрядовых понятий (широкое значение), так и термины вероучения без ритуальных аспектов (узкое значение)[33].

И. Г. Носенко и И. В. Дегтева резюмируют, что в работах последних лет, посвященных изучению лексики православного христианства в русском языке, слово *сакральное* используется в четырех значениях: «1) …как синоним слова *религиозное*; 2) …как синоним слова *сверхъестественное*; 3) как амбивалентное слово, совмещающее противоположные оценочные смыслы; 4) как синкретическое понятие, принадлежащее и секулярному, и религиозному дискурсам»[34].

О. В. Шкуран заключает, что в современном употреблении определение *сакральный* «удерживает статус родового понятия и имеет достаточно широкое семантическое поле, объединяя три смысловых варианта: 1) ритуальный; 2) мирской, 3) ложно сакральный»[35]. Кроме того, в историческом аспекте в нем выделяются дохристианский, христианский и секурялизованный элементы. Последний, видимо, связан с тем, что «стилистическая высота прилагательного “сакральный” в современном контексте чаще становится средством создания торжественности с мирским содержанием» [36].

Представляется, что именно комплекс названных выше значений более полно характеризует семантику сакрального. При этом, по сравнению с другими родственными понятиями, его отличительными характеристиками являются амбивалентность (включение в себя противоположных значений) и употребительность как в религиозном, так и в светском контекстах.

[33] Смирнова 2014: 89, 94.
[34] Носенко, Дегтева 2018: 203.
[35] Шкуран 2020: 245.
[36] Там же: 246.

1.3. Сакральная лексика в кругу смежных вопросов

Основные подходы. Сакральное словоупотребление представляет собой один из аспектов вопроса о взаимодействии языка и религии. Данная проблема изучается с разных точек зрения.

И. В. Бугаева в статье «К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации» выделяет в современной научной литературе пять подходов к описанию явлений религиозной коммуникации.

Первый из них связан с теорией функциональных стилей и предполагает использование терминов «религиозный язык», «религиозный/церковно-проповеднический стиль». В рамках этого направления религиозное словоупотребление рассматривается как один из элементов стилистической системы данного национального языка (наряду с официально-деловым, научным, газетно-публицистическим, разговорным и художественным стилями). Однако, по мнению И. В. Бугаевой, речь верующих проявляет своеобразие во всех функциональных стилях, и поэтому рамки этого ракурса не вполне адекватны для предмета исследования.

Второй подход опирается на понятие религиозного дискурса, под которым понимается «специализированная… разновидность общения, обусловленная социальными функциями партнеров и регламентированная как по содержанию, так и по форме»[37]. Это направление автор считает перспективным, но в то же время несколько узким, так как оно предполагает изучение речи верующих только в пределах темы религии, а не в более широком тематическом контексте.

Следующее направление представляет собой теолингвистика. Данный термин в последние годы получил распространение в Польше, а также нашел ряд сторонников в филологических кругах Германии, Украины, России и Сербии. Под теолингвистикой понимается научное изучение того, как проявления религии отражаются и фиксируются языком. И. В. Бугаева находит этот термин спорным,

[37] Бугаева 2007: 44.

поскольку «лингвистика как наука имеет собственный объект исследования, не зависящий от идеологических и религиозных убеждений ученых»[38].

Разъяснение положений теолингвистики на материале русского и сербского языков содержится в работах сербской исследовательницы К. Кончаревич. Она сообщает, что теолингвистика как направление в языкознании появилась в 1970-е гг. и достигла своего апогея на рубеже XX–XXI вв. Представляется вероятным, что формирование этого направления связано с активизацией религиозной жизни в странах Восточной Европы после крушения социалистического блока. Согласно К. Кончаревич, теолингвистика исследует роль языка в жизни религиозной группы (и в этом сродни социолингвистике), а также способы отображения, сохранения и передачи религиозного содержания вербальными средствами.

В качестве ключевых понятий теолингвистики выдвигаются теонема, религиолект и религиолектизм. Под теонемой понимается «языковой знак, функциональная языковая единица, служащая для передачи теологического содержания»[39]. Примером теонемы может служить факт произношения лексем *Бог, благодать* с фрикативным «г». Религиолект – это «относительно устойчивая, социально маркированная подсистема национального языка, обслуживающая речевые потребности ограниченной социальной группы верующих людей – членов определенного религиозного общества, отражающая теоцентрическую картину мира и характеризующаяся фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими особенностями»[40]. Религиолект определяется национальным и религиозно-конфессиональным признаками. В рамках данной терминологии можно говорить о русском и сербском православных религиолеках, польском католическом религиолекте и т.д. Религиолектизм же – это конкретный языковой факт, свойственный определенному религиолекту. Например, побуквенное произношение окончаний в словах «свят*аго*», «велик*аго*» и т.п. в русской православной среде; использование архаичных форм *ангел*, *Евангелије* вместо *анђео*, *Јеванђеље* в сербском языке. Как

[38] Там же: 46.
[39] Кончаревич 2012: 15.
[40] Там же: 17; Бугаева 2010: 13.

отмечает И. В. Бугаева, «религиолектизмы являются маркерами речевого акта, позволяющими выделить представителя определенной социальной группы и противопоставить его представителям другой социальной группы»[41], т.е. их функция – распознавать «своих» и «чужих» по признаку религиозного мировоззрения и конфессиональной принадлежности.

Таким образом, термины «теонема» и «религиолектизм» оказываются отчасти синонимичными. К. Кончаревич предлагает использовать термин «теонема» в сопоставительных исследованиях для описания сходств и различий языкового представления тех или иных явлений религиозной сферы, а «религиолектизм» применять для характеристики речи конкретных этноконфессиональных сообществ.

Четвертый ракурс рассмотрения фактов религиозной речи связан с теорией речевых жанров. В рамках этого подхода исследуются лексические и иные особенности таких жанров религиозных текстов, как проповедь, молитва, формулы церковного этикета.

Наконец, пятый подход ориентирован на термины и методы социолингвистики. Совершая обзор терминов «диалект», «социолект», «подъязык», И. В. Бугаева приходит к мнению, что для описания вербальных особенностей религиозной коммуникации более всего подходят термины «социальный вариант языка», «религиозный социолект» и «религиолект». Автор отмечает, что религиозный социолект выполняет для группы людей, объединенных религиозным мировоззрением, все основные функции человеческого языка (коммуникативную, когнитивную, фатическую, эстетическую, эмоционально-экспрессивную), а также консервирующую функцию (сохранение знаний о прошлом) и функцию социальной идентификации (распознавание «своих» и «чужых», оценка объектов с точки зрения дружественности или враждебности). В своей докторской диссертации «Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития» И. В. Бугаева

[41] Бугаева 2010: 39.

говорит также о т.н. катехизической функции религиолекта, которая означает демонстрацию верующим человеком своего религиозного мировоззрения[42].

В названном труде автор ставит своей целью «описать речь православных верующих и определить ее статус в системе современного русского языка»[43]. Рассмотрев многочисленные примеры конфессиональной маркированности языка православных христиан России, И. В. Бугаева приходит к выводу, что главным источником своеобразия социолекта православных является взаимодействие русского и церковнославянского языков. В области словоупотребления ведущей тенденцией выступает деархаизация устаревшей лексики и славянизмов. При этом И. В. Бугаева замечает, что «лексические и грамматические церковнославянизмы в современной речи верующих не оцениваются как архаические элементы или принадлежность высокому регистру речи, а являются отличительными и характерными признаками, формирующими православный религиолект»[44]. Автор также обнаруживает, что в языке православного сообщества сакральная лексика претерпевает два разнонаправленных процесса: терминологизации и детерминологизации. «Первый – это переход узуальных единиц в терминологические (*служба*, *отец*), второй – переход религиозных терминов в просторечие путем метафорического употребления (*Вчера депутаты «Единой России» освятились в проруби*)»[45]. И. В. Бугаева заключает, что образование религиолекта православных верующих является следствием деатеизации сознания (начавшейся в России в конце XX в.) и естественной тенденции к формированию социальных диалектов при появлении новых групп общества.

В дальнейшем И. В. Бугаева предложила также шестой подход к изучению проблемы языка и религии – лингвотеологию. Если теолингвистика понимается как раздел языкознания, исследующий «особенности вербализации религиозного языкового сознания в текстах разных жанров и стилей», то лингвотеология

[42] Там же: 14.
[43] Там же: 5.
[44] Там же: 7.
[45] Там же: 29.

определяется как раздел богословия, занимающийся филологическими аспектами религиозно значимых текстов[46].

Г. Н. Скляревская отмечает, что язык религиозной сферы (в частности русского православия) не обладает стилевым или жанровым единством, а его носители отличаются социальной неоднородностью, в связи с чем существующие подходы представляются не вполне адекватными объекту исследования, который предлагается рассматривать не как часть национального языка, а как самостоятельный феномен[47].

Настоящее исследование не следует целенаправленно ни одному из названных выше подходов, поскольку ставит своей целью не изучение религиозного языка как такового, а выявление и описание собственно лингвистических особенностей сакральной лексики с позиций общего языкознания.

В этой связи представляется важным вопрос, поднятый в одной из работ Р. Баич и К. Кончаревич: «В чем заключаются отличительные свойства сакрального слова по сравнению с профанным использованием языка?»[48]. В качестве ответа на него авторы предлагают перечень функций сакральных речений на материале церковнославянских текстов литургии восточного обряда:

Собственно коммуникативная функция: обращения священника к Богу от имени общины; диалог священника с верующими («Мир всем! – И духови твоему!»); диалог священнослужителей между собой («Помяни мя, владыко святый. – Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем»); обращения верующих к Богу («Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос»).

Перформативная функция: выполнение сакральных действий вербальными средствами («крещается раб Божий…»). Ей родственна *функция объяснения смысла священнодействия* (называние происходящих событий: «причащается раб Божий…»). Различие между ними, вероятно, состоит в том, что в первом случае

[46] Бугаева 2016: 88.
[47] Скляревская 2019: 86–87, 90–91.
[48] Баич, Кончаревич 2007: 15.

произнесение словесной формулы обязательно как часть самого таинства, во втором же случае поясняющая фраза может быть при необходимости опущена.

Функция социализации: выражение единства с живыми и умершими христианами по всему миру, а также с небесными силами, что подчеркивается использованием «литургического плюрала» (термин авторов) – формами глагола во множественном числе («да и *ти* с нами славят…»; «да и *мы* с сими блаженными силами…»).

Культурная функция: использование богослужебного языка в качестве языка «высокой» литературы в ситуациях диглоссии.

Аккумулятивная функция: фиксация и выражение предания Церкви (чтение отрывков из Библии, воспоминание тайной вечери в каноне Евхаристии). К аккумулятивной непосредственно примыкает *функция актуализации прошлого и будущего* (переживание верующими событий священной истории – отсюда употребление настоящего времени глаголов: «Дева днесь Пресущественнаго раждает», и предвосхищение «жизни будущего века»).

Функции выражения веры («Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя…») и *рефлексии* (размышления молящегося о себе: «Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми? Чашу спасения приму и имя Господне призову»).

Р. Баич и К. Кончаревич нумеруют каждую из упомянутых функций отдельно (общим числом 13), но мы видим возможным объединить некоторые из них в блоки, как это и изложено выше. Кроме того, авторы выделяют директивную функцию (обращенные к Богу просьбы: «Господи помилуй»; побуждения: «Господу помолимся»), а также функции призывания («приди и вселися в ны») и приношения («сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим»). Представляется, однако, что их можно рассматривать как подвиды коммуникативной функции.

Совершив обзор функций литургической речи, сербские исследовательницы приходят к заключению, что язык богослужения отличается от обычного словоупотребления: 1) большей интенсивностью и экстенсивностью реализации

названных функций (возможно, имеется в виду избыточность литургических текстов: многочисленные повторы, выражение одной идеи в нескольких формулировках и т.п.); 2) канонизованностью (фиксированной устойчивой формой и содержанием).

В продолжение данной проблематики В. А. Розов ставит вопрос об общих для разных культур особенностях сакральной речи как «типа речевой коммуникации, противопоставленного профанному и исполняемого в ситуациях взаимодействия со сверхъестественными существами и иными способами взаимодействия человека со сферой сакрального» [49]. В числе ее характерных черт он выделяет использование особой формы языка (как правило, архаичной и малопонятной для непосвященных), особую структурированность (ритмичность, параллелизм, формульный характер), метафоричность (использование специальной системы образов) и перформативность (восприятие слова как влияющего на реальность действия).

Сакральные языки. Социолингвистическое и функциональное изучение религиозной лексики напрямую связано с вопросом о сакральных языках. Существование этого феномена Б. Беннет объясняет принципом *sancta sancte* «со священными предметами следует обращаться священным образом», т.е. для особых целей нужен особый язык[50]. Как правило, сакральными (священными, культовыми, ритуальными, пророческими, профетическими, иератическими) становятся языки, на которых первоначально было изложено и распространялось какое-либо вероучение, были записаны священные тексты и которые затем вошли в богослужебную практику соответствующей религии. Народный язык, который миссионеры использовали для проповеди, начинает со временем восприниматься как неотъемлемая часть духовного учения (т.е. язык как выразитель священных идей по ассоциации перенимает их сакральный статус)[51]. Показательно, что ареалы распространения систем письма соотносятся именно с географией религий, а не с границами языковых семей.

---

[49] Розов 2020: 50.
[50] Bennett 2018: x.
[51] Ostler 2010: 165, 167.

Сакральные языки обычно являются более древней формой (предком) существующего этнического языка (например, латинский, древнегреческий, древнееврейский) или исконным языком покоренного народа, перешедшего в других сферах общения на язык завоевателей (коптский для египетских христиан). Нередко сакральный язык также служит возвышенно-литературным регистром родственного национального языка (церковнославянский и латинский до XVIII в., классический арабский)[52]. Применительно к христианству, М. Скабалланович связывает саму идею особого литургического языка с феноменом глоссолалии (говорения языками) в ранней Церкви и указывает на его вероятные следы в богослужениях (в частности, возглас «Премудрость» в восточном обряде)[53].

Многие сакральные языки являются «мертвыми» в том смысле, что нет уже народов, для которых они были бы родными. Однако заметим, что если бы эти языки продолжали жить в повседневной речи определенных народов, они, вероятно, не воспринимались бы как сакральные, поскольку главный критерий сакрального – противопоставленность обыденному. Кроме того, «мертвость» в указанном смысле вовсе не означает неупотребительности: например, латынь и в наши дни используется гораздо шире, чем многие «живые» языки малых народов. Таким образом, представляется возможным заключить, что характеристики «живой» и «мертвый» применительно к языку относительны, и сакральные языки продолжают жить до тех пор, покуда актуальны хранимые ими смыслы, а их отрыв от народной речи в некотором смысле может рассматриваться даже как преимущество для сохранности этих смыслов[54].

«Народы дорожили духовными ценностями, записанными на профетических языках, и делали все, чтобы сохранить и тексты, и сами языки в первозданном виде. Поэтому профетические языки исключительно устойчивы. Прервались, изменились государственные и культурно-религиозные традиции древних персов, неузнаваемыми стали языки потомков, однако авестийский язык

[52] Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 293–294.
[53] Скабалланович 2003: 37–39.
[54] В этой связи Б. Беннетт считает более корректным по отношению к сакральным языкам определение «фиксированный» (fixed), подчеркивая тем самым их устойчивость и консервативность (Bennett 2018: viii, 8).

– язык их древнейшей религии (зороастризма), хотя и вышел из употребления, но сохранился – благодаря Писанию (“Авесте”)», – поясняет Н. Б. Мечковская[55]. Применительно к истории славянского языка Ф. И. Буслаев замечает, что «язык перевода Св. Писания, в продолжение всего литературного движения языка, не перестает оказывать влияние при каждой новой попытке расширить значение слова, по мере развития мыслительности»[56].

Видится возможным выделить в качестве основных черт сакральных языков следующие:

1. *Архаичность*. Помимо того, что они сами архаичны по отношению к родственным «обычным» языкам, они сохраняют в своей системе следы еще более древних культурно-исторических пластов. Например, в древнеримском свадебном обряде существовал момент, когда участники празднества в качестве пожелания счастья супругам кричали слово *Talassio!* Возможно, когда-то оно было обращением к какому-то божеству, но уже сами древние римляне не осознавали собственного значения этого слова и употребляли его в силу традиции[57].

2. Некоторая степень *искусственности*, связанная, во-первых, с тем, что священные тексты подвергаются тщательной кодификации; во-вторых, с тем что в состав многих сакральных языков входит большое количество заимствований: лексических («патриарх», «елей», «Параклит» в церковнославянском из греческого), фразеологических (например, лат. *in secula seculorum*, церк.-сл. «во веки веков» калькированы с характерного оборота древнееврейского языка) и грамматических (например, усилительное употребление деепричастия глагола при том же глаголе, которое в церковнославянском языке также из древнееврейского: «умножая, умножу скорбь твою» – «сильно умножу скорбь твою», Быт. 3:16).

Интересное преломление сакральных языков представляет собой их «магическое» применение. Например, в Европе «кривым зеркалом» церковной

[55] Мечковская 1998: 261.
[56] Буслаев 2011: 90.
[57] Санчурский 2001: 299. Н. Остлер относит *talassio* к заимствованиям из языка этрусков (Ostler 2007: 325).

латыни является магическая латынь. Алхимики, ведьмы и колдуны сопровождали свои операции латинскими формулами, полагая, видимо, что заклинания, произнесенные на сакральном языке, более действенны. По всей видимости, в основе такого представления лежат присущие магическому (мистическому) сознанию принципы подобия и соприкосновения: раз этот язык соприкасается со сверхприродной Реальностью в Священном Писании и богослужениях, он должен сохранять какие-то особые свойства и в других случаях употребления.

Следы данного явления в наши дни можно встретить, например, в книгах Дж. Роулинг о мальчике-волшебнике Гарри Потере, где заклинания представляют собой либо грамотную, либо искаженную латынь: например, слово *luceat*, долженствующее зажигать в темноте свет, означает буквально «пусть светит», а фраза *expecto patronum*, которую нужно произносить перед лицом опасности – «ожидаю защитника». Вкладывая такие латинские фразы в уста своих героев, английская писательница обнаруживает связь с европейской традицией представлений об исключительных свойствах сакрального латинского языка.

Интересные наблюдения над религиозными и светскими употреблениями сакрального языка, его лексики и графики высказывает на материале церковнославянского языка Б. Беннетт. Он исходит из позиции, что сакральный язык занимает одно из центральных мест в «семиотическом ландшафте» страны и поэтому может служить ключом к пониманию происходящих в ней социокультурных процессов. В частности автор отмечает, что с начала 1990-х годов атрибутика церковнославянского языка (шрифт, диактрики, отдельные лексемы) выходит за церковную ограду и, помимо своей религиозной функции, начинает использоваться в коммерческой (реклама) и политической (пропаганда) сферах в качестве символа идеализированной старой (царской) России, которая противопоставляется Западу. Таким образом, по выражению автора, «Логос превращается в логотип». По мнению Б. Беннетта, это объясняется тем, что церковнославянский язык обладает «символической силой», потенциалом воздействия на языковое сознание россиян, из-за чего и привлекает внимание

сторонников разных идеологий и моделей национальной идентичности современной России.

Проблема перевода. Сакральная лексика всегда связана с определенными священными текстами. Поэтому вопросы ее перевода следует рассматривать в свете проблемы перевода сакральных текстов.

В целом к переводу священных текстов предъявляются два критерия. Первый – это историческая точность, аккуратность передачи значения оригинала и созвучность религиозной традиции, к которой относится переводимый текст. Второй критерий требует от перевода доступности пониманию адресной аудитории, что означает понятность, эстетическую приятность (литературность) и способность звучать актуально в свете современных течений религиозной мысли, социальных процессов и языковых изменений. Так как ни один перевод не может полностью удовлетворить обоим этим критериям, то любой перевод будет несовершенным и спорным[58]. Недостаточное соответствие второму критерию сулит переводу трудность для восприятия читателей и неестественность звучания по сравнению с их родным языком, тогда как пренебрежение первым критерием может привести к чрезмерной просторечности стиля и разрыву с традиционной формой текста, известной в данном религиозном сообществе.

Собственно лексическую сторону этой проблемы представляется возможным свести к следующим вопросам:

1. *Адаптивность*: допустимо ли приспосабливаться к идиоматике и «концептуальному фону» языка перевода (если да, то в какой мере)? Перевод понятий религиозной жизни («Бог», «священник», «синагога», «храм», «церковь» и т.п.) требует особой осторожности, так как их эквиваленты в другой культуре могут оказаться настолько специфичными, что их употребление может привести читателей перевода к искаженному представлению об этих понятиях по сравнению с тем значением, которое они имеют в исходном тексте. Как пишет Ю. Найда, «переводчик ни на минуту не должен забывать, что каждое слово и фраза [перевода Евангелия] хотя и говорят о Благой Вести, которая всегда по-

[58] Crystal 1987: 384.

новому звучит в новой обстановке, однако должны быть выражены словами из старого уклада жизни, значения которых уходят корнями в старые верования. Слово “дух” будет напоминать о языческой вере в духов, слово “Бог” будет нести в себе отпечаток древних представлений о Творце, слово “грех” будет поначалу восприниматься по аналогии или в противопоставлении с местными понятиями об общественном табу»[59]. Ф. И. Буслаев, сопоставляя Остромирово Евангелие и другие древнейшие славянские рукописи с готским переводом Библии епископа Ульфилы, пришел к выводу, что славянские переводчики стремились дистанцироваться от языческого мировосприятия, тогда как Ульфила, наоборот, использовал древнегерманские мифологические понятия для выражения христианских идей: так, греч. ’οικουμένη на славянский переведено калькой *вселенная*, а на готский – словом *midjungards* (мидгард, средний мир). Из более современных (XIX в.) примеров адаптивного перевода можно привести переложение 22-го (23-го) псалма, выполненного Дж. Роджерсом для моряков (*Таблица 3*):

Таблица 3. Адаптивный перевод 22-го (23-го) псалма в сравнении с синодальным

«Морская версия» Дж. Роджерса[60]	*Перевод версии Дж. Роджерса*[61]	*Синодальный перевод*
The Lord is my pilot; I shall not drift. He lighteth me across the dark waters; He steereth me in the deep channels; He keepeth my log. He guideth me by the star of holiness for his name’s sake. Yea, though I sail ’mid the thunders and	Господь – Кормчий мой; меня не снесет течением: Он освещает мне путь в темных водах и ведет меня по каналам глубоким, подкрепляет лаг мой, направляет меня звездой святости ради имени Своего. Если даже я	Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и

[59] Nida 1952: 37.
[60] Цит. по: Beekman, Callow 1978: 41.
[61] Пер. с англ. по русскому изданию книги Дж. Бикмана и Дж. Келлоу (Бикман, Келлоу 1994: 30) с нашими поправками – Г.К.

tempests of life, I shall dread no danger; for Thou art near me; Thy love and Thy care, they shelter me. Thou preparest a harbor before me in the homeland of eternity; Thou anointest the waves with oil; my ship rideth calmly. Surely, sunlight and starlight shall favour me on the voyage I take and I will rest in the port of my God forever.	поплыву через грозы и бури житейские, не убоюсь опасности, потому что Ты со мной; Твоя любовь и Твоя забота – они убежище мое. Ты приготовил предо мною гавань в виду вечного отечества, умастил елеем волны; корабль мой идет спокойно. Поистине, солнечный и звездный свет да благоприятствует мне во всем моем путешествии, и я найду успокоение в гавани Бога моего навеки.	долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни.

Д. Беллос указывает, что необходимо различать два социолингвистических направления перевода: «вверх» (с языка менее «престижного» на более «престижный») и «вниз» (наоборот). Очевидно, что само понятие престижа относительно и зависит главным образом от литературной развитости и международного статуса языков. Переводы «вверх» отличаются высокой степенью адаптивности, т.е. стиранием экзотичных черт иноязычного оригинала, тогда как для перевода «вниз» характерно сохранение своеобразия текста-источника, поскольку уподобление иностранному звучанию ассоциируется с престижем[62]. Перевод сакральных текстов обычно воспринимается как перевод «вниз», поскольку оригинал обладает священным авторитетом. В современных переводах Библии адаптивность связана с миссионерскими целями и проявляется в частности при передаче религиозных понятий и культурно-исторических реалий[63].

[62] Bellos 2011: 168–169.
[63] Десницкий 2015: 116–131, 234–236, 316–318.

2. *Терминологичность.* При переводе на язык, имеющий устоявшуюся богословскую терминологию, необходимо принимать в расчет, что некоторые слова, связанные с религией переводимого текста, могут иметь ранг богословского термина (например, «крещение») и, соответственно, ассоциироваться с каким-то одним фиксированным значением. В этом случае возникает вопрос, следует ли переводить данную лексему с помощью термина или с помощью общего слова (например, передавать ли греч. ’εκκλησία словом «церковь» или словами «собрание», «община», χάρις – как «благодать» или как «милость», «доброта», βάπτισμα – как «крещение» или «омовение», πρεσβύτερος – как «старейшина» или «священник»).

3. *Стиль.* Переводить ли сакральный текст непременно средствами возвышенного стиля или же того стиля, которым переводимый отрывок написан в оригинале? В истории русской Библии это вопрос об использовании церковнославянизмов и ставших традиционными оборотов синодального перевода 1876 г. Например, *овен* или *баран*; *над твердью – над сводом*; *и се – и вот*; *храмины из брения – дома из глины*; *лядвеи – бедра*; *сделал брение из плюновения – смешал слюну с землей*. В английском языке этот вопрос связан с использованием т.н. «библейского английского» (*Biblical English*), который представляет собой высокий стиль ранненовоанглийского языка, выработанный в библейских переводах XVI в. и воплотившийся в Библии короля Якова (*King James Bible*) 1611 г. и «Книге общих молитв» (*Book of Common Prayer*) 1549–1662 гг.[64]

4. *Буквальность*: какова оптимальная мера буквального следования оригиналу или, напротив, свободы в подборе языковых средств при переводе? Основные трудности этого вопроса связаны с тем, что некоторые слова, существующие в языке оригинала, могут отсутствовать в языке перевода (*освящать*, *покаяние*, *праведность*, *искупление*, *святые* и т.п.); с тем, что эквивалент слова в другом языке может иметь иные оттенки значения, культурные ассоциации и границы употребления (например, фр. глагол *aimer*

[64] McArthur 1992: 123–124.

используется во всех тех значениях, которые в испанском языке реализуются глаголами *gustar* «нравиться», *querer* «любить» и «хотеть» и *amar* «любить» с оттенком возвышенности); а также с переводом фразеологизмов и оборотов речи (например, *обрезанное ухо/сердце* в значении *обращенное к Богу*; *плоть и кровь* в значении *человек*; *подпоясаться* в значении *приготовиться*; *собрать горящие угли на голову* в значении *устыдить*).

В совокупности указанные выше лексические параметры (адаптивность, терминологичность, стиль и буквальность) могут служить для характеристики того или иного перевода[65]. Так, первая полная Библия на русском языке увидела свет в 1876 г. (синодальный перевод). Этот перевод имеет тенденцию к терминологичности в трактовке богословски значимых слов, славянизированности и буквальности, хотя в целом несколько непоследователен в выборе лексики. С тех пор ощущалась и обсуждалась потребность в новых и лучших переводах. Революция 1917 г. и последующий советский режим остановили любую деятельность в этом направлении почти на 70 лет. Данное обстоятельство сделало синодальную Библию единственным известным в обществе русским переводом, который со временем стал считаться традиционным. Начиная с 1990-х гг. появилось еще шесть полных русских переводов Библии, из которых наибольшую известность получил «Современный русский перевод» Российского библейского общества (2011). По сравнению с синодальной версией он представляется более адаптивным, менее терминологичным, менее славянизированным и менее буквальным, в связи с чем текст приобрел отличное от традиционного звучание и, как следствие, стал предметом дискуссий в Русской Православной Церкви и в более широких религиозных и научных кругах. В целом сопоставительное изучение русских и английских переводов Библии обнаруживает обратную взаимосвязь между адаптивностью, с одной стороны, и терминологичностью, высоким стилем и буквальностью, с другой, что может быть типологической закономерностью.

[65] Опыт применения данных параметров для сопоставления и классификации английских и русских переводов Библии см. в работах: Казаков 2019; Казаков 2021.

Также заслуживает внимания тот факт, что переводы священных текстов часто становятся источниками лексических и стилистических заимствований, которые обогащают национальные языки и тем самым способствуют развитию их литературной нормы[66]. Например, Д. Кристал установил, что благодаря Библии короля Иакова в английский язык вошли 257 новых идиоматических выражений (такие как *the root of the matter* «корень зла», *lay up for yourself treasures in heaven* «собирать себе сокровища на небесах», *be horribly afraid* «содрогнуться от ужаса», *turn the world upside down* «перевернуть мир вверх дном», *a thorn in the flesh* «жало в плоть», *to every thing there is a season* «всему свое время» и др.)[67]. Аналогичное влияние на русский язык оказал синодальный перевод.

Представляется, что особой техники перевода сакральных текстов не существует. К ним применяются те же принципы перевода, что и к «обычным» литературным произведениям. Главная же их особенность заключается в том, что основным фактором оценки и общественного восприятия перевода является богословская интерпретация переводческих решений.

1.4. Выводы

1. Сакральная лексика может быть определена как слова, называющие центральные понятия и реалии определенного мировоззрения, в частности религиозного.

2. В научной литературе нет единого представления о критериях выделения сакральной лексики, равно как и о ее внутреннем строении как семантического класса. При этом общим для исследователей является включение в ее состав единиц, обозначающих противоположные начала: «божественное» и «богопротивное», что отражает двойственную семантику латинского *sacer*.

3. Для обозначения лексики сакрального значения в научных работах используются разные термины (*сакральная*, *религиозная*, *церковная* и др.), которые либо понимаются как синонимы, либо соотносятся как общее и частное.

[66] McArthur 1992: 123, 912.
[67] Crystal 2011: 258.

Отличительными характеристиками определения *сакральный* являются его амбивалентность и способность выступать как в религиозном, так и в светском контекстах.

4. В научных исследованиях сакральная лексика рассматривается преимущественно в свете вопросов о лексическом составе отдельных языков, о специфике языка религиозной сферы, о сакральных языках и о переводе священных текстов.

5. Сопоставительного описания корпуса сакральной лексики в целом на материале русского и английского языков, по имеющимся данным, ранее не предпринималось.

ГЛАВА 2

ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Данная глава представляет собой описание эксперимента настоящего исследования. Ее задачей является применить понятие сакрального, обсуждавшееся в предыдущей главе, к фактическому языковому материалу, а именно к лексике русского и английского языков, с тем чтобы составить описания сакральной лексики названных языков, а затем сопоставить их между собой.

2.1. Материал и методика исследования

Решение означенной задачи предполагало следующие шаги:

1) составить список сакральной лексики русского языка, изучить ее внутреннюю структуру и взаимосвязи;
2) аналогичным образом описать сакральную лексику английского языка;
3) сопоставить выделенную сакральную лексику русского и английского языков;
4) на основе сделанных наблюдений сформулировать вывод.

В качестве источника материала за основу был принят «Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики» Д. И. Ермоловича (2004): сакральная лексика отбиралась из зафиксированных им слов, сначала из русской части, затем из английской. Уточнение значений слов, проверка их сочетаемости и аутентичности конструкций производились по русскому «Толково-энциклопедическому словарю» (2006), электронному словарю «ABBYY Lingvo x 3» (2008), английским словарям *Longman Dictionary of Contemporary English* (2003) и *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* (2002), а также по источникам, находившимся в распоряжении автора (*The Book of Common Prayer* и т.п.). На этапе сопоставления для дополнительной сверки

использовались «Богословский славяно-русско-английский словарь» В. Паламарюка (2001), «Англо-русский толковый словарь библейско-религиозной лексики» С. Бен-Лева (2000) и лингвострановедческий словарь «Великобритания» (1980).

В рамках данного исследования представилось целесообразным описать сакральную лексику русского и английского языков по отдельности и сопоставить полученные результаты на заключительном этапе, а не описывать ее в виде таблицы переводных соответствий, так как это неизбежно привело бы к искажению наблюдаемой картины в пользу одного или другого языка: лексема, наделенная сакральным значением в русском языке, может соответствовать нейтральному слову в английском, или же в одном языке религиозное значение слова может быть основным, тогда как в другом сакральная семантика реализуется только в одном из периферийных значений, и т.д.

Поскольку русский и английский языки исторически принадлежат культурам христианской традиции, решено было из общего корпуса лексики религиозного значения отбирать только слова, относящиеся к христианству. Кроме того, для удобства исследования из выборки исключались личные имена и географические названия.

Таким образом, из словаря Д. И. Ермоловича отбиралась лексика, которая применительно к христианству представлялась соответствующей определению сакрального, данного в предыдущей главе, т.е. обладающая сакральным значением в рамках христианского мировоззрения. При этом в список не включались термины, сугубо специфичные для церковных традиций двух рассматриваемых культур, так как различия их семантики и употребления очевидным образом проистекают из исторических особенностей западной и восточной традиций христианства. Выделение этих слов привело бы к значительному количеству безэквивалентных в силу культурной специфики лексем (богослужебные предметы, названия элементов церковного убранства, звания церковной иерархии). Для данной же работы важным было выяснить, как

различаются русские и английские слова, выражающие основные, общие христианские понятия.

Так, в группу *сакральных восклицаний* были включены богослужебные возгласы библейского происхождения, способные выступать в роли как междометий, так и существительных. К *сакральным действиям* были отнесены названия церковных таинств и обрядов, а также основные глаголы, связанные с христианским вероучением. *Имена Божества* понимались как собственные именования Единого Бога и Трех Его Лиц. Категория *духовных существ* объединила лексические единицы, называющие ангельские и демонические силы. В группу *сакральных понятий* были включены слова, обозначающие основополагающие понятия христианского богословия и нравственности. В число *сакральных предметов* были отобраны те обозначения, которые помимо вещественного несут для христианского сознания и некое символическое значение (например, *чаша* как символ божественной жертвы и Причастия). Категория *сакрального пространства* включила в себя названия церковных (богослужебных) зданий. К *духовным санам* были отнесены общие наименования монашествующих и трех степеней священства. Группа *священных событий* объединила обозначения ключевых событий евангельской истории и связанных с ними церковных праздников. В число *сакральных эпитетов* отбирались слова, характеризующие предмет или лицо в его отношении к духовной реальности (характер отношений с Богом, форма святости, роль в общине верующих или в истории Церкви)[68].

Получившиеся в результате списки не претендуют на полный охват христианской сакральной лексики русского и английского языков, но представляются в достаточной мере показательными для того, чтобы на их основе наблюдать внутренние закономерности данного класса слов.

[68] Названия лексических групп представляют собой собственную условную терминологию автора в рамках данного исследования.

2.2. Описание сакральной лексики русского языка

В русском языке была выделена следующая христианская сакральная лексика (*Таблица 4*):

Таблица 4. Выборка христианской сакральной лексики русского языка

Слово	*Группа*	*Примечания*
1. агапа	действие	
2. Агнец Божий	имя	В литургии «агнец» – предмет (хлеб для Причастия)
3. ад	понятие	
4. аллилуйя	восклицание	
5. алтарь	пространство	
6. Альфа и Омега	имя	
7. аминь	восклицание	
8. анафема	понятие	
9. ангел	существо	
10. ангел-хранитель	существо	
11. антихрист	эпитет	
12. апокалиптический	эпитет	
13. апостол	эпитет	
14. апостольский	эпитет	
15. архангел	существо	
16. архиерей	сан	Титул епископа (преимущественно православного)
17. безгрешный	эпитет	
18. бес	существо	
19. бескровная	эпитет	В сочетании «бескровная жертва»
20. бесноватый	эпитет	

21. бесовский	эпитет	
22. бесовство	понятие	
23. бесплотный	эпитет	
24. бессмертие	понятие	
25. бессмертный	эпитет	
26. бессребренник	эпитет	
27. Библия	понятие	Понятие в значении «тексты Библии», предмет в значении изданной книги
28. благо	понятие	
29. благовествование	действие	Также понятие (как синоним Евангелия)
30. Благовещение	событие	
31. благодарение	действие	
32. благодать	понятие	
33. благой	эпитет	
34. благословение	понятие	
35. благословенный	эпитет	
36. благословлять	действие	
37. блаженный	эпитет	
38. блудный сын	эпитет	
39. Бог	имя	
40. богоблагодатный	эпитет	
41. богоборец	эпитет	
42. богоборчество	действие	
43. богобоязненный	эпитет	
44. боговдохновение (богодухновенность)	понятие	
45. боговдохновенный (богодухновенный)	эпитет	
46. боговидец	эпитет	
47. богоглаголание	понятие	
48. богоданный	эпитет	
49. богоизбранный	эпитет	

50. боголюбие	понятие	
51. Богоматерь	эпитет	
52. богоначалие	понятие	
53. богоненавистник	эпитет	
54. богоносец	эпитет	
55. богоотступник	эпитет	
56. богоотступничество	действие	
57. богоподобный	эпитет	
58. богопознание	понятие	
59. богопочитание	понятие	
60. богопротивный	эпитет	
61. Богородица	эпитет	
62. богослужебный	эпитет	
63. богослужение	действие	
64. богоубийство	действие	
65. богоугодный	эпитет	
66. богоустановленный	эпитет	
67. богохульник	эпитет	
68. богохульство	понятие	
69. богохульствовать	действие	
70. Богочеловек	эпитет	
71. Богоявление	событие	
72. божеский	эпитет	
73. божественный	эпитет	
74. Божество	имя	
75. Божий	эпитет	
76. брак (таинство)	действие	
77. брат	эпитет	
78. братия	эпитет	
79. Введение Богородицы во Храм	событие	
80. вездесущий	эпитет	
81. век	понятие	
82. Великий (пост, четверг и	эпитет	

т.п.)		
83. великомученик	эпитет	
84. венец (терновый)	предмет	Также «венец» как предмет в обряде венчания
85. венчание	действие	
86. вера	понятие	
87. верные	эпитет	
88. веровать (верить)	действие	
89. вероучение	понятие	
90. верующий	эпитет	
91. весть благая	понятие	
92. вечеря тайная (Господня)	событие	
93. вечность	понятие	
94. вечный	эпитет	
95. Владыка	имя	Также эпитет (титул епископа); в жен. роде «Владычица» – эпитет Богоматери
96. власти	существо	
97. водосвятие	действие	
98. воздаяние	понятие	
99. Воздвижение Креста	событие	
100. возложение рук	действие	
101. Вознесение Господне/Богоматери	событие	
102. воплощение	понятие	
103. воскресение	событие	
104. воскреснуть	действие	
105. воцерковление	действие	
106. всеблагой	эпитет	
107. всеблаженный	эпитет	
108. всеведущий	эпитет	
109. Всевышний	имя	
110. Вседержитель	имя	

111. вселенский	эпитет	«Вселенский Собор», «Вселенская Церковь»
112. всемилостивый	эпитет	
113. всемогущий	эпитет	
114. Вход Господень в Иерусалим	событие	Народное название «Вербное воскресенье»
115. геенна (огненная)	понятие	
116. глоссолалия	действие	Синоним «говорение на языках»
117. говеть	действие	
118. Господень	эпитет	
119. господства	существо	
120. Господь	имя	
121. Град Божий	понятие	
122. грех	понятие	Действие а значении «акт нарушения Божьих заповедей», понятие в значении «мрачная сила падшего мира»
123. греховный	эпитет	
124. грешить	действие	
125. грешник, грешный	эпитет	
126. дароприношение	действие	
127. Дары (Святые, Святого Духа)	понятие	
128. Дева (Мария)	эпитет	
129. демон	существо	
130. День Господень	событие	
131. диакон	сан	
132. добро	понятие	
133. догмат	понятие	
134. древо (жизни, познания добра и зла, крестное)	понятие	

135.	дух	понятие	
136.	Дух Божий/Святой	имя	
137.	духовенство	понятие	
138.	духовник	эпитет	
139.	духовный	эпитет	
140.	душа	понятие	
141.	дьявол	существо	
142.	дьявольский	эпитет	
143.	Евангелие	понятие	
144.	евангелист	эпитет	
145.	евангельский	эпитет	
146.	евхаристический	эпитет	
147.	Евхаристия	действие	
148.	единородный (Сын Божий)	эпитет	
149.	единосущный	эпитет	
150.	елеопомазание	действие	
151.	елеосвящение	действие	Синоним «соборование»
152.	епископ	сан	
153.	жены-мироносицы	эпитет	Также «мироносицы»
154.	жертва	понятие	Также предмет (то, что вещественно приносится в жертву)
155.	жертвовать	действие	
156.	жертвоприношение	действие	
157.	животворящий	эпитет	
158.	завет	понятие	
159.	закон	понятие	
160.	заповедь	понятие	Также в устойчивых сочетаниях «Десять заповедей», «Заповеди блаженства»
161.	заступник (заступница)	эпитет	

162.	змей, змий	эпитет	
163.	знамение	понятие	
164.	идол	понятие	
165.	идолопоклонник	эпитет	
166.	идолопоклонство	действие	
167.	иерей	сан	Титул православного священника
168.	избранные	эпитет	
169.	изгонять бесов	действие	
170.	икона	предмет	
171.	инок, инокиня	сан	
172.	ипостась	понятие	
173.	искупительный	эпитет	
174.	искупить (грехи)	действие	
175.	искупление	понятие	
176.	искуситель	эпитет	
177.	искушение	понятие	
178.	исповедник	эпитет	
179.	исповедовать(ся), исповедь	действие	
180.	истина	понятие	
181.	исцеление	действие	
182.	канон	понятие	
183.	католический, католик	эпитет	
184.	кафолический	эпитет	
185.	каяться	действие	
186.	клясться	действие	
187.	клятва	понятие	
188.	князь мира (сего)	эпитет	
189.	конец света	событие	
190.	конфирмация	действие	
191.	кощунство	действие	
192.	крест	предмет	

193.	Креститель	эпитет	
194.	креститься, крещение	действие	
195.	крестный	эпитет	
196.	Крещение Господне	событие	
197.	кровь	предмет	Также понятие как символ жертвенной смерти
198.	лавра	пространство	
199.	лик	понятие	Примеры: «ангельский лик», «причислить к лику святых», «лик на иконе»
200.	лимб	понятие	
201.	литургия	действие	
202.	логос	понятие	
203.	лоно Авраамово	понятие	
204.	любить	действие	
205.	любовь	понятие	
206.	Матерь Божия	эпитет	
207.	мерзость запустения	понятие	
208.	месса	действие	
209.	мессианский	эпитет	
210.	мессия	эпитет	
211.	милосердие	понятие	
212.	мир	понятие	
213.	миропомазание	действие	
214.	мистический	эпитет	
215.	молитва, молиться	действие	
216.	монастырь	пространство	
217.	монах, монахиня	сан	
218.	мощи	предмет	
219.	мужи апостольские	эпитет	
220.	мученик	эпитет	
221.	надежда	понятие	
222.	надеяться	действие	
223.	небесный	эпитет	

224.	небо (Н.), небеса	понятие	Также как замена имени Бога (в Евангелии от Матфея): «Царство Божие» – «Царство Небесное»
225.	непогрешимый	эпитет	
226.	непорочный	эпитет	
227.	нерукотворный	эпитет	
228.	нечистый	эпитет	
229.	обет	действие	
230.	обетование	понятие	
231.	обетованный	эпитет	
232.	обитель	пространство	
233.	обожение	понятие	
234.	образ	предмет	
235.	оглашение	действие	Синоним «катехизация»
236.	оглашенный	эпитет	
237.	омовение	действие	
238.	оправдание (верой)	понятие	
239.	осанна	восклицание	
240.	освятить, освящение	действие	
241.	осквернить	действие	
242.	Отец	имя	Также эпитет (титул священника) и в сочетании «отцы Церкви»
243.	откровение	понятие	
244.	отлучить	действие	
245.	отпустить грехи	действие	
246.	паломник	эпитет	
247.	паломничество	действие	
248.	Параклит	имя	
249.	паства	понятие	
250.	пастырь	эпитет	
251.	Пасха	событие	
252.	первоверховный	эпитет	Эпитет апостолов Петра и

		Павла
253. первозванный	эпитет	
254. первородный (грех)	эпитет	
255. Писание (Священное)	понятие	
256. плащаница	предмет	
257. плоды Святого Духа	понятие	
258. покаяние	действие	
259. поклоняться	действие	
260. покров (Богородицы)	понятие	Понятие в значении «защита», событие как название праздника
261. помазание	действие	
262. помазанник	эпитет	
263. пост	действие	Также событие (о периодах поста)
264. постриг (пострижение)	действие	
265. праведный	эпитет	
266. православие	понятие	
267. православный	эпитет	
268. праматерь	эпитет	О Еве
269. праотцы	эпитет	
270. преблагий (преблагой)	эпитет	
271. Предание (Священное, апостольское)	понятие	
272. предвечный	эпитет	
273. предопределение	понятие	
274. предстатель, предстательница	эпитет	
275. Предтеча	эпитет	
276. преждеосвященный	эпитет	
277. преисподняя	понятие	

278.	премудрость	понятие	В Ветхом Завете одно из иносказательных именований Бога (как его атрибут), в византийском богослужении также служит восклицанием
279.	Преображение	событие	Также понятие и действие
280.	преподобный	эпитет	
281.	престол	предмет	
282.	пресуществление	понятие	
283.	пречистый	эпитет	
284.	Приснодева	эпитет	
285.	присносущий	эпитет	
286.	причастие, причастить(ся)	действие	
287.	Пришествие (второе)	событие	
288.	провидение	понятие	
289.	провидец	эпитет	
290.	проклятие	действие	
291.	Промысл (Божий)	понятие	
292.	проповедовать	действие	
293.	прорицать, прорицание	действие	
294.	пророк	эпитет	
295.	пророчество	понятие	
296.	пророчествовать	действие	
297.	прощать, прощение	действие	
298.	Пятидесятница	событие	Др. название «Сошествие Святого Духа на апостолов»
299.	раб Божий	эпитет	
300.	равноапостольный	эпитет	
301.	рай	понятие	
302.	распятие	событие	Также предмет (изображение креста)

303.	Рождество	событие	
304.	рукоположение	действие	
305.	Саваоф	имя	
306.	сатана	существо	
307.	святитель	эпитет	
308.	святой	эпитет	
309.	святость	понятие	
310.	святыня	предмет	
311.	священник	сан	
312.	священнодействовать	действие	
313.	священномученик	эпитет	
314.	священнослужитель	сан	
315.	священство	понятие	Также в сочетании «царственное священство»
316.	серафим	существо	
317.	силы (бесплотные, небесные)	существо	
318.	символ веры	понятие	
319.	скверна	понятие	
320.	слава (Божия)	понятие	
321.	Слово	имя	«Слово Божие» – понятие (о Библии)
322.	служить, служение	действие	
323.	смертный	эпитет	
324.	собезначальный	эпитет	
325.	собор	пространство	Также понятие («Вселенский Собор»)
326.	соборный	эпитет	
327.	соборование	действие	
328.	Создатель	имя	
329.	сотворение	действие	
330.	Сошествие (Святого Духа, Христа во ад)	событие	Синоним «Пятидесятница»
331.	Спас	имя	

332.	спасение	понятие	
333.	Спаситель	имя	
334.	спасительный	эпитет	
335.	Сретение Господне	событие	
336.	страдать, страдание	действие	
337.	страсти Господни	понятие	Или событие
338.	страстотерпец	эпитет	
339.	страх (Божий, смертный)	понятие	
340.	суд страшный	понятие	
341.	Сын Божий, Сын Человеческий	имя	
342.	таинство	действие	
343.	тайна	понятие	Также предмет («Святые Христовы Тайны» – о евхаристических видах)
344.	Творец	имя	
345.	Тело Христово	понятие	Понятие в значении Церкви, предмет в значении евхаристического вида
346.	триединый (Бог)	эпитет	
347.	Троица	имя	
348.	умилостивление	понятие	
349.	упокоение (упокой)	понятие	
350.	Успение	событие	
351.	Утешитель	имя	
352.	херувим	существо	
353.	хиротония, хиротонисать	действие	Рукоположение во епископа
354.	хлеб	предмет	Также понятие («хлеб жизни», «хлеб насущный»)
355.	хлебопреломление	действие	
356.	ходатай	эпитет	
357.	храм	пространство	

358. христианин, христианский	эпитет	
359. христианство	понятие	
360. Христос	имя	Также как эпитет (синоним «помазанник», «мессия»)
361. Царица (небесная)	эпитет	О Богородице
362. Царство Божие (небесное)	понятие	
363. Царь Небесный	имя	
364. Церковь	понятие	Также пространство
365. часовня	пространство	
366. чаша	предмет	Также понятие как символ страданий, божественной жертвы, Причастия
367. черт	существо	
368. чистилище	понятие	
369. чистый (четверг)	эпитет	
370. чудо	понятие	
371. чудотворец	эпитет	
372. чудотворный	эпитет	
373. шестикрылый	эпитет	
374. юродивый	эпитет	
375. язычник	эпитет	

Представляется возможным описать внутренние взаимосвязи выделенной лексики русского языка в следующих положениях:

1. В составе христианской сакральной лексики русского языка выделяются следующие группы: сакральные восклицания, сакральные действия, имена Божества, духовные существа, сакральные понятия, сакральные предметы, наименования сакрального пространства, духовные саны, священные события, сакральные эпитеты.
2. Наиболее многочисленными являются группы «сакральные действия», «сакральные понятия» и «сакральные эпитеты». Между ними же

наблюдаются наиболее продуктивные семантико-словообразовательные переходы (*благословлять – благословение – благословенный, верить/веровать – вера – верный – верующий, грешить – грех – греховный – грешный – безгрешный – непогрешимый*).

3. Ряд слов в разных значениях могут входить одновременно в несколько групп, например: *Владыка* (имя Бога и эпитет епископа); *Отец* (имя Бога и эпитет священника/диакона); *жертва* (предмет и понятие); *Тело Христово, Тайны, Дары* (понятие, а также предмет в значении евхаристических видов); *церковь, собор* (понятие и обозначение пространства); *преображение* (понятие, действие и событие); *распятие* (событие и предмет).
4. Имена Божества, обозначения духовных существ и духовных санов по происхождению являются сакральными эпитетами. Для одних слов эта метафорическая связь просматривается на внешнем уровне (*Агнец Божий, Альфа и Омега, Всевышний, Вседержитель, Спаситель, Отец*), для других выявляется этимологически: *Бог* («наделяющий благом»), *Господь* («могущественный хозяин»), *Христос* («помазанник»), *ангел* («вестник»), *дьявол* («клеветник»), *сатана* («противник»).
5. Для названий священных событий характерна модель «действие + имя»: *Рождество Богородицы, Крещение Господне, Сошествие Святого Духа*.
6. Сакральные восклицания составляют замкнутую группу, не имеющую словообразовательных связей с другими группами.
7. Продуктивной моделью образования сакральных лексем является использование определений *Божий, Господень, Христов, святой, священный* в сочетании с нейтральным существительным: *Царство Божие, страх Божий, слава Божия, Промысл Божий, Гроб Господень, День Господень, Тело Христово, страсти Христовы, Христовы Тайны, Святые Дары, Святое Семейство, Святой Престол, Священное Писание, Священное Предание, священная история*. Другую продуктивную модель представляет образование сложных слов с корнем

«бог-»: *богослужение, богопочитание, богодухновенный, богоугодный* и т.д.

8. В некоторых случаях наблюдаются вторичные образования: с помощью одного эпитета образуется, так сказать, «эпитет второго уровня»: *Божий* (относящийся к Богу) – *раб Божий* (эпитет верующих при упоминании за богослужением), *слуга Божий* (в Католической Церкви эпитет почитаемого после смерти человека во время процесса его беатификации).

2.3. Описание сакральной лексики английского языка

В английском языке была выделена следующая христианская сакральная лексика (*Таблица 5*):

Таблица 5. Выборка христианской сакральной лексики английского языка

Слово	*Группа*	*Примечания*
1. abbey	пространство	
2. abomination of desolation	понятие	
3. absolve	действие	
4. administer	действие	
5. adoration	действие	
6. Advent	событие	
7. advocate	эпитет	
8. agape	действие	
9. age	понятие	
10. Almighty	имя	
11. Alpha and Omega	имя	
12. altar	пространство	
13. amen	восклицание	
14. anathema	понятие	
15. angel	существо	

16. angelic	эпитет	
17. Annunciation	событие	
18. anoint, anointing, anointment	действие	
19. Antichrist	эпитет	
20. apocalyptic	эпитет	
21. apostasy	понятие	
22. apostate	эпитет	
23. apostle	эпитет	
24. apostolic	эпитет	
25. archangel	существо	
26. Ascension	событие	
27. Assumption	событие	
28. atone	действие	
29. atonement	понятие	
30. Baptist	эпитет	*St John the Baptist*
31. baptize, baptism	действие	
32. beatific	эпитет	
33. beatitude	понятие	
34. believe	действие	
35. believer	эпитет	
36. benediction	понятие	
37. Bible	понятие	
38. bishop	сан	
39. blaspheme	действие	
40. blasphemer	эпитет	
41. blasphemous	эпитет	
42. blasphemy	понятие	
43. bless	действие	
44. blessing	понятие	
45. bliss	понятие	
46. blood	предмет	
47. Body of Christ	понятие	Также предмет (о Причастии под видом хлеба)
48. bosom, Abraham’s	понятие	

49. bread	предмет	
50. brethren	эпитет	
51. brother	эпитет	
52. canon	понятие	Также сан в Западной Церкви («каноник»)
53. catechize, catechization	действие	
54. catechumen	эпитет	
55. cathedral	пространство	
56. Catholic	эпитет	
57. Catholicism	понятие	
58. catholicity	понятие	
59. chalice	предмет	
60. chapel	пространство	
61. charisma	понятие	
62. charity	действие	
63. cherub	существо	
64. chrism	предмет	
65. chrismation	действие	
66. Christ	имя	
67. christen	действие	
68. Christian	эпитет	
69. Christianity	понятие	
70. Christmas	событие	
71. church	понятие	Также пространство
72. City of God	понятие	
73. clergy	понятие	
74. clergyman	эпитет	
75. cloister	пространство	Также понятие в значении «монашеская жизнь, уединение»
76. coeternal	эпитет	
77. Comforter	имя	
78. coming, second of Christ	событие	
79. commandment	понятие	

80. communion	действие	Действие в значении «таинство Причастия», также понятие в значении «сообщество» (*Anglican Communion*)
81. confess, confession	действие	
82. confessor	эпитет	
83. confirmation	действие	
84. consecrate, consecration	действие	
85. consubstantial	эпитет	
86. convent	пространство	
87. covenant	понятие	
88. creation	действие	
89. Creator	имя	
90. creed	понятие	
91. cross	предмет	
92. crown of thorns	предмет	
93. crucifix	предмет	
94. crucifixion	событие	
95. curse	действие	
96. damnation	действие	
97. Day of the Lord	событие	
98. deacon	сан	
99. deadly (sin)	эпитет	
100. deicide	действие	
101. deify, deification	действие	
102. deity	понятие	
103. demon	существо	
104. demoniac(al)	эпитет	
105. devil	существо	
106. devilry	понятие	
107. divine	эпитет	
108. divinity	понятие	
109. dogma	понятие	
110. dominical	эпитет	

111.	dominions	существо	
112.	doom	понятие	
113.	doomsday	событие	
114.	Dormition	событие	
115.	Easter	событие	
116.	Ecumenical (Council)	эпитет	
117.	elect, the	эпитет	
118.	Epiphany	событие	
119.	eternal	эпитет	
120.	eternity	понятие	
121.	Eucharist	действие	
122.	Eucharistic	эпитет	
123.	evangelical	эпитет	
124.	evangelise	действие	
125.	evangelist	эпитет	
126.	everlasting	эпитет	
127.	evil	эпитет	*The Evil One* «лукавый, дьявол»; также понятие («зло»)
128.	Exaltation (of the Cross)	событие	
129.	excommunicate	действие	
130.	exorcise	действие	
131.	expiate	действие	
132.	faith	понятие	
133.	faithful	эпитет	
134.	fast, fasting	действие	
135.	Father	имя	
136.	fear of God	понятие	
137.	filth	понятие	
138.	flock	понятие	
139.	forefathers	эпитет	
140.	forgive, forgiveness	действие	
141.	friar	сан	
142.	friary	пространство	

143.	fruit of the Holy Spirit	понятие	
144.	gentile	эпитет	
145.	gentiles	понятие	
146.	Ghost, Holy	имя	
147.	glory	понятие	
148.	glossolalia	действие	Синоним *speaking in tongues*
149.	God	имя	
150.	God-blessed	эпитет	
151.	God-chosen	эпитет	
152.	God-fearing	эпитет	
153.	God-given	эпитет	
154.	god-hater	эпитет	
155.	Godhead	имя	
156.	God-inspired	эпитет	
157.	godless	эпитет	
158.	godlike	эпитет	
159.	God-man	эпитет	
160.	good	понятие	Также эпитет, например, *Good Friday*
161.	goodness	понятие	Иногда служит эвфемистической заменой слова *God*
162.	Gospel	понятие	
163.	grace	понятие	
164.	great	эпитет	
165.	guardian angel	существо	
166.	hallelujah	восклицание	
167.	heal	действие	
168.	heathen	эпитет	
169.	heaven	понятие	
170.	heavenly	эпитет	
171.	hell	понятие	
172.	hellish	эпитет	Слово стало эмфатически-светским

173.	holiness	понятие	Также эпитет как титул Папы Римского и некоторых восточных патриархов (*His Holiness*)
174.	holy	эпитет	
175.	hope	действие	Также понятие (как существительное)
176.	hosanna	восклицание	
177.	host	понятие	Понятие в значении «воинство небесное», предмет в значении «гостия, облатка, причастный хлеб»
178.	hypostasis	понятие	
179.	icon	предмет	
180.	idol	понятие	
181.	idolater	эпитет	
182.	idolatry	действие	
183.	immaculate	эпитет	
184.	immortal	эпитет	
185.	incarnate	эпитет	
186.	incarnation	понятие	
187.	infallible	эпитет	
188.	infernal	эпитет	Более религиозное по сравнению с *hellish*
189.	inferno	понятие	
190.	intercede, intercession	действие	
191.	intercessor	эпитет	
192.	interdict	действие	
193.	justification	понятие	
194.	kingdom (of God/Heaven)	понятие	
195.	Lady, Our	эпитет	
196.	Lamb of God	имя	
197.	last	эпитет	

198.	Lent	событие	
199.	limbo	понятие	
200.	liturgy	действие	
201.	Logos	понятие	Также имя (о Сыне Божием)
202.	Lord	имя	Также эпитет (*My Lord* в обращении к епископу и ряду др. лиц)
203.	Lord’s	эпитет	
204.	love	действие	Также понятие
205.	martyr	эпитет	
206.	Mass	действие	
207.	matrimony	действие	
208.	Maundy (Thursday)	эпитет	
209.	mediator	эпитет	
210.	merciful	эпитет	
211.	mercy	понятие	
212.	Messiah	эпитет	
213.	messianic	эпитет	
214.	minister	сан	
215.	ministry	действие	
216.	miracle	понятие	
217.	miraculous	эпитет	
218.	monastery	пространство	
219.	monk	сан	
220.	mortal	эпитет	
221.	Mother of God	эпитет	
222.	mystery	понятие	
223.	Nativity	событие	
224.	nun	сан	
225.	oblation	действие	
226.	oblational, oblatory	эпитет	
227.	officiate	действие	
228.	omen	понятие	
229.	omnipotent	эпитет	

230.	omnipresent	эпитет	
231.	omniscient	эпитет	
232.	oratory	пространство	
233.	ordain	действие	
234.	orders, holy	понятие	
235.	original (sin)	эпитет	
236.	Orthodox	эпитет	
237.	Orthodoxy	понятие	
238.	pagan	эпитет	
239.	Palm Sunday	событие	
240.	Paraclete	имя	
241.	paradise	понятие	
242.	paschal	эпитет	
243.	passions of Christ	понятие	Также событие
244.	Passover	событие	Также понятие
245.	pastoral	эпитет	
246.	penance	действие	
247.	penitence	действие	
248.	penitent	эпитет	
249.	penitential	эпитет	
250.	Pentecost	событие	
251.	pilgrim	эпитет	
252.	pilgrimage	действие	
253.	pontifical	эпитет	
254.	pray, prayer	действие	
255.	preach	действие	
256.	predestination	понятие	
257.	Presentation (of the Lord, of the Virgin Mary)	событие	
258.	priest	сан	
259.	priesthood	понятие	
260.	priestly	эпитет	
261.	priory	пространство	
262.	prodigal son	эпитет	

263.	profanation, profanity	действие	
264.	prophecy	действие	
265.	prophet	эпитет	
266.	propitiation	понятие	
267.	Providence	понятие	
268.	providential	эпитет	
269.	purgatory	понятие	
270.	Purification of the Virgin Mary	событие	
271.	purify	действие	
272.	purifying	эпитет	
273.	redeem	действие	
274.	redemption	понятие	
275.	redemptional	эпитет	
276.	relics, holy	предмет	
277.	religious	эпитет	
278.	remit, remission	действие	
279.	repent, repentance	действие	
280.	repose	понятие	
281.	resurrect	действие	
282.	resurrection	событие	
283.	revelation	понятие	
284.	Reverend	эпитет	
285.	righteous	эпитет	
286.	righteousness	понятие	
287.	rise from the dead	действие	
288.	Sabaoth	имя	Более употребительна и аутентична в английском языке калька *Lord/God of Hosts*
289.	sacerdotal	эпитет	
290.	sacrament	действие	Также предмет в значении евхаристических видов (*the Blessed Sacrament*)
291.	sacramental	эпитет	

292.	sacred	эпитет	
293.	sacrifice	действие	Как существительное – предмет, понятие
294.	sacrificial	эпитет	
295.	sacrilege	действие	
296.	sacrilegious	эпитет	
297.	saint	эпитет	
298.	salutary	эпитет	
299.	salvation	понятие	
300.	sanctify	действие	
301.	sanctity	понятие	
302.	sanctuary	пространство	
303.	Satan	существо	
304.	satanic(al)	эпитет	
305.	Saviour	имя	
306.	Scripture(s), Holy	понятие	
307.	see (Apostolic, Holy)	понятие	О епископской кафедре (букв. «престол»)
308.	seraph	существо	
309.	sermon	понятие	
310.	serpent	эпитет	
311.	servant (of God)	эпитет	
312.	service	действие	
313.	shepherd	эпитет	
314.	shroud	предмет	
315.	sign	понятие	Также в сочетании *sign of the cross* «крестное знамение»
316.	sin	действие	Также понятие
317.	sinful	эпитет	
318.	sinless	эпитет	
319.	sinner	эпитет	
320.	Son (of God, of Man)	имя	
321.	soul	понятие	
322.	Spirit, Holy	имя	Также понятие и существо

		(*spirits*)
323. spiritual	эпитет	
324. suffer	действие	
325. supper, Lord’s/Last	событие	
326. tempt	действие	
327. temptation	понятие	
328. tempter	эпитет	
329. testimony	понятие	
330. thanksgiving	действие	
331. Theotokos	эпитет	
332. Transfiguration of Jesus Christ	событие	
333. transgression	понятие	
334. transubstantiation	понятие	
335. Trinity	имя	
336. triunal	эпитет	
337. trust (in God)	действие	
338. truth	понятие	
339. unction	действие	Также в сочетании *extreme unction*
340. veneration	действие	
341. vernicle	предмет	
342. Virgin (Mary)	эпитет	
343. virtues	существа	
344. visionary	эпитет	
345. vow	действие	Также понятие
346. Whitsun	событие	
347. wisdom	понятие	
348. Word	имя	*Word of God* – понятие (о Библии)
349. worship	действие	

Изучение приведенных лексических единиц позволяет заключить, что в отношении к английской сакральной лексике справедливы большинство закономерностей, выявленных выше на материале русского языка:

- выделяются те же группы (сакральные восклицания, сакральные действия, имена Божества, духовные существа, сакральные понятия, сакральные предметы, наименования сакрального пространства, духовные саны, священные события, сакральные эпитеты);
- наиболее многочисленными и словообразовательно продуктивными являются группы «сакральные действия», «сакральные понятия» и «сакральные эпитеты» (*confess* «исповедовать» – *confession* «исповедь» – *confessor* «исповедник»*;* *blaspheme* «богохульствовать» – *blasphemy* «богохульство» – *blasphemous* «богохульный» – *blasphemer* «богохульник»*;* *evangelise* «благовествовать, евангелизировать» – *evangelical* «евангельский» – *evangelist* «евангелист»*;* *intercede* «заступаться, ходатайствовать» – *intercession* «заступничество, ходатайство» – *intercessor* «заступник/заступница»);
- некоторые слова в разных значениях принадлежат одновременно нескольким группам: *church* «церковь» (понятие и пространство), *Passover* «иудейская Пасха» (событие) и «пасхальный ягненок» (предмет), *Host* «[небесное] воинство» (понятие) и «гостия, хлеб в таинстве Причастия» (предмет);
- имена Божества, а также обозначения духовных существ и духовных санов происходят из эпитетов: *God* «Бог» (этимологически «призываемый»), *Lord* «Господь, Владыка», *Father* «Отец», *devil* «дьявол» (из греч. «клеветник»), *bishop* (из греч. «надзиратель»), *friar* «монах» (из фр. «брат»);
- сакральные восклицания составляют изолированную группу;
- использование слов *Holy*, *God*, *Lord* (в притяжательных формах *of God, Lord’s, of the Lord*) в сочетании с существительными, а также *God* в качестве корня в сложных словах представляет собой продуктивную

модель образования сакральных лексем: *Kingdom of God* «Царство Божие», *Lamb of God* «Агнец Божий», *Lord's supper* «Тайная вечеря (вечеря Господня)», *Day of the Lord* «День Господень», *God-inspired* «боговдохновенный», *God-fearing* «богобоязненный».

В дополнение к этому английская сакральная лексика обладает некоторыми характерными особенностями:

1. В силу морфологического аналитизма современного английского языка и явления конверсии ряд слов имеют одинаковую форму для разных частей речи и потому могут быть приписаны к группам действий, понятий или эпитетов (*good* «хороший, добрый, благой» и «добро, благо», *evil* «злой» и «зло», *hope* «надежда» и «надеяться», *love* «любовь» и «любить», *sacrifice* «жертва» и «приносить в жертву», *sin* «грех» и «грешить», *minister* «служить» и «служитель [протестантской] церкви». В силу этой же грамматической черты подобные «конверсивные» существительные (например, обозначения сакральных событий или пространства) могут выступать в роли определений (*Sunday service* «воскресная служба», *Easter Mass* «пасхальная Месса», *convent school* «католическая женская школа при монастыре»).

2. В английской сакральной лексике встречаются примеры семантического супплетивизма, когда взаимосвязанные понятия выражены разными корнями: *believe* «верить» – *faith* «вера», *Gospel* «Евангелие» – *evangelist* «евангелист», *God* «Бог» – *divine* «божественный».

2.4. Сопоставительные наблюдения

Сакральные восклицания. Сакральные восклицания в русском и английском языках совпадают. Это объясняется их общим происхождением из библейских текстов. В Откровении Иоанна Богослова (3:14) словом *Аминь* иносказательно назван Христос. В русском языке возможно нерелигиозное употребление всех трех слов: *аминь* (как выражение согласия или в значении «конец»), *петь кому-либо аллилуйю/осанну* (восхвалять). В английской

разговорной речи существуют оборот со схожим значением *amen to that* и междометие *hallelujah* как выражение радости, удовлетворения от случившегося. Англ. *hosannah* в нерелигиозных контекстах неупотребительно.

Сакральные действия. В английском языке для некоторых действий существуют синонимические названия: «крестить» – *baptize*, *christen*; «благословение» – *benediction*, *blessing*; «искупить» – *redeem* (кого-то), *expiate*, *atone* (грехи); «рукополагать» – *ordain* (во священники), *consecrate* (во епископы, ср. рус. *хиротонисать*), *confer holy orders* (общий термин); «воскреснуть» – *rise from the dead* (букв. «восстать из мертвых»), *resurrect*; «проклятие» – *curse*, *damnation*.

Вместе с тем для глаголов «говеть», «поститься» в анализируемой выборке есть только одно английское соответствие – *fast*. Английский язык не знает семантико-стилистического различия, существующего в паре *верить* и *веровать* (первый глагол более широкого значения, второй только для религиозного контекста) – по-английски и то, и другое *believe*. При этом, в отличие от русского, существительное «вера» (*faith*) образовано от иного корня, чем глагол.

Особо разобраться следует с названиями действий, связных с обрядом помазания священным маслом, поскольку они частично пересекаются, дублируют друг друга, иногда различаясь по содержанию, и тем затрудняют точное употребление и перевод. Наиболее общим словом по-русски является *помазание*, по-английски *anointing*. Именно последним, по-видимому, следует переводить рус. *елеопомазание* как обряд Православной Церкви, совершаемый в современной русской практике на утрене. Таинство *миропомазания*, в котором, по христианскому учению, крещеному человеку сообщается Святой Дух, имеет разные названия в зависимости от того, в какой традиции оно совершается. Применительно к восточному обряду оно называется *chrismation* (от *chrism* «миро»), потому что в обряде таинства верующего (обычно младенца) помазывают освященным маслом – миром. Применительно к западному обряду это таинство называется *confirmation* (конфирмация, букв. «подтверждение»); оно совершается над подростками как знак сознательного вступления в христианскую

общину и происходит через возложение епископом рук на юного верующего. Таинство *елеосвящения*, или иначе *соборование*, совершаемое над больными, в английском языке называется *anointing of the sick* («помазание больных») или *last rites* («последние обряды»); ранее еще использовался устаревший ныне термин *extreme unction* («последнее помазание»).

Заслуживает внимания сочетаемость названий некоторых сакральных действий. По-русски, возможно *служить* или *совершать Литургию/Мессу* – по-английски говорят *say* «произносить» или *celebrate* «праздновать» *Mass* или же используют непереходный глагол *officiate* («служить, исполнять», ср. рус. *священнодействовать*). Выражение *say Mass* «говорить Мессу» восходит к существующему в западном христианстве явлению «тихой», «приватной» Мессы, когда священник читает богослужебные тексты без пения. На Востоке же «тихой» Литургии никогда не было, поэтому сочетание **say Liturgy* невозможно. Русские глаголы *исповедать(ся), причастить(ся)* в английском языке выражаются словосочетаниями: *confess one's sins* («исповедать свои грехи»), *hear one's confession* («выслушать чью-то исповедь»), *give/administer communion* («преподать Причастие»), *take/receive communion* («взять, принять Причастие»). Рус. *постричься (в монахи)* соответствует английское выражение *take vows* «принять обеты».

Отдельный интерес представляет английское слово *worship*, семантика которого простирается на значения русских глаголов «поклоняться», «почитать» и существительных «поклонение», «почитание», «богослужение», «культ».

Имена Божества. В русском списке насчитывается немного больше имен Божества, чем в английском. В нескольких случаях двум русским словам соответствует одно английское: *Господь, Владыка – Lord*; *Спас, Спаситель – Saviour*; *Создатель, Творец – Creator* (возможно именование нейтральным словом *Maker*).

Есть пример и обратного: рус. *Дух* соответствуют слова *Spirit* и *Ghost* (одно латинского, другое германского происхождения). Имя Всевышний не имеет

стандартного эквивалента (ближайшим по смыслу будет *Almighty* – Вседержитель, Всемогущий).

В отличие от рус. *Господь*, употребляемого исключительно в религиозном контексте, англ. *Lord* является словом более широкого значения «господин», в т.ч. как дворянский титул и в обращении к епископу *My Lord* (ср. рус. *владыка* – о православных архиереях, *монсеньор* – применительно к католическим иерархам).

Английскому языку известен титул Бога *Sabaoth* «Саваоф» (из евр. «[Бог] воинств»), но более употребительной и аутентичной является калькированная форма *Lord/God of Hosts*.

Сакральное пространство. Слова для обозначения сакрального пространства в английском языке более дифференцированы: рус. «церковь», «храм» могут соответствовать англ. *church, chapel*; «монастырь», «обитель» – *monastery* (общее слово), *convent* (женский), *priory* (маленький монастырь), *friary* (мужской нищенствующего ордена), *abbey* («аббатство», к настоящему времени общее наименование монастыря или церкви, которая в прошлом была монастырем), *cloister* (от слова «монастырский дворик»); «часовня» – *chapel, oratory*. Рус. «часовня» предполагает отсутствие в ней алтаря, т.е. в ней совершаются только молебны. Англ. *chapel* может иметь алтарь, т.е. быть полноценным храмом, где совершается литургия.

В Ирландии слово *church* традиционно относится к англиканской (протестантской) церкви, а *chapel* – к римско-католической. Это связано с тем, что в XVII – нач. XIX вв. англичане стремились силой искоренить в Ирландии католицизм. Старинные храмы были отобраны у католиков и переданы малочисленным англиканским общинам. Долгое время католикам приходилось совершать свои богослужения втайне, в уединенных местах под открытым небом. Позже, когда отношение властей немного смягчилось, им было позволено строить себе маленькие скромные церквушки. Эти строения стали называть *chapels*, чтобы отличать их от богато убранных англиканских *churches*. Ирландский историк П. Джойс писал: «Слово *chapel* настолько укоренено во мне, что и сегодня оно произвольно приходит мне на ум, как только я подумаю о месте совершения

католического богослужения, и я всегда с сомнением и неохотой произношу слово *church*. Я положительно не смогу заставить себя сказать *Come, it is time now to set out for church* вместо *the chapel*. Это должна быть или *Mass* или *the chapel*»[69]. В Англии слово *chapel* может относиться к церквям неангликанских протестантских деноминаций (пресвитерианам, методистам) или к богослужебным зданиям, которые предназначены для определенных групп или функций и не являются обычными приходскими церквями (*the Chapel Royal, King's College Chapel*).

Рус. *алтарь* обозначает часть пространства храма (англ. *sanctuary*), англ. *altar* – это в русской православной терминологии *престол*, на котором располагаются священные предметы.

В отличие от рус. *собор*, омонимично соединяющего значения «кафедральная церковь» (*Успенский собор, Собор св. Павла*) и «церковное собрание» (*Вселенский Собор, Ватиканский Собор*), английский язык называет эти понятия разными словами: *cathedral* (*Dormition Cathedral, St Paul's Cathedral*) и *council* (*Ecumenical Council, Vatican Council*) соответственно. При этом *council* является словом более широкого значения (*European Council* «Европейский Совет»), тогда как рус. *собор* можно себе представить только в религиозном или историческом (*Земский собор*) контексте. Орган епископской коллегиальности в существующей терминологии применительно к Православной Церкви называется также словом *собор* («Архиерейский Собор»), а применительно к Католической и протестантским – *конференция* («Конференция епископов»).

Духовные существа. Названия духовных существ в русском и английском языках в целом адекватны друг другу. В обоих языках названия духовных существ являются по происхождению метафорическими именами: *ангел* (греч. «вестник»), *дьявол* (греч. «клеветник»), *сатана* (др.-евр. «противник»), *серафим* (вероятно, «пламенеющий»), *херувим* (как полагают, от корня «быть милосердным»), *бес* («вызывающий страх»)[70]. Русские стандартные наименования злого духа многочисленнее: *бес, демон, дьявол, черт – demon, devil*. В разговорно-

[69] Joyce 1910: 149. Пер. с англ. наш – Г.К.
[70] Фасмер 2007, т. 1: 160; Черных 1994, т. 1: 87; Степанов 2004: 885.

фразеологических контекстах в рус. употребляется *бес, черт* – в англ. всегда *devil* (при этом с положительно-усилительным оттенком). Рус. *серафим, херувим* сохраняют форму множественного числа древнееврейских слов («-им» – суффикс мн. ч. муж. рода). В английском закрепилась исконная модель: ед. ч. *seraph, cherub* – мн. ч. *seraphim, cherubim*.

Духовные саны. Англ. *priest*, в отличие от рус. *священник*, может называть как христианского священнослужителя, так и языческого жреца. Как христианский термин *priest* предполагает некоторый сакральный статус, поэтому применяется к служителям Католической, Православной и из протестантских – только к «высокой» Англиканской Церкви. Общим названием служителей иных протестантских конфессий является *minister*. Рус. *иерей*, относящееся только к православным священникам (особенно как звание внутри церковной иерархии) в английском не имеет специального эквивалента и переводится тем же *priest*.

Рус. *монах* и *инок* являются синонимами с тем уточнением, что инок скорее относится к представителям восточного монашества (применительно к Западной Церкви скажут *монах*); в современной русской практике также встречается различение: инок – не дававший обетов, монах – дававший обеты. Английское же общее существительное *monk* дополняется словом *friar*, которое относится к монахам нищенствующих орденов. Слову «монахиня, инокиня», в русском производному от муж. рода, в английском языке соответствует самостоятельная лексема *nun*.

Сакральные предметы. Между словами этой категории, в силу их «конкретности», «предметности», в русском и английском языках существует довольно прямое соответствие.

Исключения: русские существительные *образ* в значении «икона» и *святыня* не имеют самостоятельных эквивалентов в английском языке; в переводе им будут соответствовать или синонимы (*icon*), или словосочетания с прилагательными (*holy image*), или просто прилагательные («это святыня» *this is sacred*).

Англ. *crucifix* «изображение распятия» отделено от *crucifixion* «распятие (как казнь)» (в списке отнесено к группе «события»), тогда как в русском оба значения выражены одним словом.

Аутентичным соответствием русских выражений «Святые Дары», «Христовы Тайны» в значении евхаристических видов в английском языке выступает словосочетание *the Holy/Blessed Sacrament* (букв. «святое/благословенное таинство»).

Священные события. Большинство названий священных событий и религиозных праздников имеют параллели в двух языках (*Благовещение – Annunciation*, *Вознесение – Ascension*, *Преображение – Transfiguration*), но существуют и определенные расхождения, вызванные различием структуры церковного календаря в западной и восточной традициях, а также разным семантическим объемом слов, кажущихся эквивалентными.

Англ. *Advent* не имеет эквивалента в русской православной терминологии. Ближайшим родственным понятием будет Рождественский пост. Применительно к Западной Церкви это слово переводится как «адвент», т.е. термин заимствуется. Кроме того, английское слово имеет также значение «Пришествие Христа».

Русскому *Рождество* в английском языке соответствует *Christmas* (о периоде празднования рождения Иисуса Христа) и *Nativity* (может также относиться к Рождеству Богородицы и Иоанна Крестителя).

Для праздника Успения Богородицы по-английски существует два названия: *Dormition* (внутренняя форма та же, что в «успение») и *Assumption* (букв. «принятие [на небо]»).

Англ. *Epiphany* соотносится с праздником Богоявления, но не равнозначно ему. В русской православной традиции Богоявление – это Крещение Господне. Западное же *Epiphany* (эпифания) совмещает в себе воспоминание о трех событиях: поклонении волхвов, Крещении Иисуса и чуде на свадьбе в Кане Галилейской.

Словом *Presentation* может переводиться и Введение Богородицы во Храм (*Presentation of the Virgin Mary*), и Сретение Господне (*Presentation of the Lord*).

Последний праздник имеет также вариант названия *Purification of the Virgin Mary*. Таким образом, налицо акцентирование разных аспектов священного события: встреча со старцем Симеоном (*сретение*), принесение Младенца во Храм (*presentation*), ритуальное очищение Девы Марии (*purification*).

Для русского словосочетания *Великий пост* в английском языке существует отдельная лексема *Lent* (из древнеанглийского «весна»[71]), которая не совпадает с обозначением поста как действия (*fast*). Для других постов особых исторических названий нет (да и других длительных постов в английской культуре нет по причине иной системы установления постных дней в Западной Церкви). Возможно, этим в культурной памяти подчеркивается особое значение сорокадневного великопостного периода в сравнении с краткосрочными *ember days* (букв. «дни горящих углей», трехдневный пост в каждое время года). Употребление *fast* в словосочетаниях типа *St Peter-and-Paul's Fast* для обозначения православных постов представляется семантической калькой.

Трапеза Христа с учениками накануне Его смерти по-английски описывается эпитетом *last* «последняя», а по-русски – «тайная», при этом в английском используется нейтральное существительное *supper*, а в русском архаичное «вечеря».

Понятия, в русском языке передаваемые одним словом «Пасха», в английском дифференцируются: *Easter* (христианский праздник в честь воскресения Иисуса Христа), *Passover* (иудейский праздник в память исхода из Египта, а также пасхальный жертвенный агнец, например, *Christ is our Passover* «Христос наша пасха»). При этом русский язык использует заимствованный из древнееврейского термин, тогда как английский – древнее германское слово, наполненное новым значением (имя богини утренней зари *Eastre*, чей праздник приходился на день весеннего равноденствия)[72].

Праздник Входа Господня в Иерусалим, имеющий в русском языке народное название *Вербное воскресенье*, по-английски называется *Palm Sunday* (пальмовое воскресенье), что ближе к евангельскому описанию этого события.

[71] Barnhart 2006: 588.
[72] Там же: 311.

Праздник Сошествия Святого Духа на апостолов, именуемый по-русски славянской калькой с греческого *Пятидесятница*, в английском языке имеет названия *Pentecost* (заимствование из греч. через латынь) и *Whitsun(day)* (из *White Sunday* «белое воскресенье», возможно, в связи с традицией носить белые одежды после крещения в этот день)[73].

Сакральные понятия. Многие русские слова на «бого-» не имеют однословного эквивалента в английском языке и переводятся либо словосочетанием (*боголюбие – love of God*; *богопознание – knowledge of God*), либо синонимом (*богопочитание – worship*). *Богоначалие* может быть переведено как *theocracy*, но последнее, как и рус. «теократия», звучит скорее как политический термин, чем как сакральное слово. Русское же *богоначалие* звучит более «сакрально» благодаря элементу «бого-» и своей принадлежности к возвышенно-книжному стилю.

Рус. *вероучение* несет в себе именно религиозное значение, в отличие от ближайших англ. слов *doctrine*, *teaching* (доктрина, учение), которые могут употребляться и в светских контекстах (политическом, философском и др.).

Рус. *благая весть* в силу своей архаизировано-возвышенной стилистики больше тяготеет к сакральным коннотациям, чем англ. *good news* как словосочетание нейтрального стиля.

Слово *геенна (огненная)* не имеет в английском языке такого употребления, как в русском («ад, место мучений и погибели»).

Лексема *лик* как стилистический синоним слова «лицо» не имеет прямого эквивалента в английском языке и будет переводиться нейтральным *face*. В значении «сонм, собрание» (*лик святых, ангельский лик*) ему тоже не находится соответствия религиозно-возвышенного стиля (возможные переводы *multitude* или *company* не несут сугубо религиозных ассоциаций; ближайшим аутентичным англ. словосочетанием является *Heavenly Host*). В значении «хор» или «народ» (за богослужением) английскими эквивалентами будут нейтральные слова *choir* и *people*.

[73] Там же: 1234.

Рус. *обетование* соответствует по значению англ. *promise*, но последнее лишено оттенка возвышенности, который присущ *обетованию* (по сравнению с «обещанием») и сообщает *обетованию* более «сакральную» семантику, ограничивая его употребление религиозными контекстами.

Рус. *покров (Богородицы)* не имеет в английском языке самостоятельного эквивалента с таким же стилистико-метафорическим содержанием (возможные переводы *protection, intercession* лишены метафоры покрывания омофором Богородицы). По всей видимости, главная причина этого в том, что праздник Покрова известен только византийской традиции христианства.

В то же время есть примеры обратного, когда понятия, называемые в английском языке разными лексемами, в русском не дифференцируются.

Рус. *блаженство* покрывает спектр значений, выражаемых в английском двумя словами: *bliss* и *beatitude*. *Bliss* в основном значении – это «высшее счастье» (общеязыковое, светское слово); в религиозном контексте возможно его использование в значении «духовная благодатность» (*you are in a state of purified bliss*). *Beatitude* употребляется исключительно в религиозных контекстах и имеет следующие значения: «высшая благодатность» (синоним *bliss*); *the beatitudes* «заповеди блаженства» (максимы Нагорной проповеди Христа, Мф 5:3-11); титул предстоятелей некоторых восточных Церквей (*Your Beatitude* «Ваше Блаженство»).

Рус. *божество* в английском соответствуют слова *divinity, deity, godhead*. Они могут означать: языческого бога/богиню; Бога как верховное существо в монотеистических религиях (с опр. артиклем: *the Godhead, the Divinity, the Deity*); качество божественности. Кроме того, *divinity* может служить синонимом слова *theology* «богословие, теология», а слово *godhead* имеет также метафорическое употребление в значении «высокочтимый, влиятельный человек; небожитель».

Понятия, стоящие за словом *завет*, в английском также различаются лексически. Как название частей Библии (*Ветхий Завет, Новый Завет*) оно именуется *testament* (*Old Testament, New Testament*); в значении договора между Богом и людьми ему соответствует *covenant* («ковчег завета» *the ark of the*

covenant); в значении «скрижали завета; десять заповедей» оно также может быть выражено англ. *testimony* (при этом в отличие от *testament* и *covenant* религиозное значение *testimony* периферийно).

Англ. *charisma* до середины XX в. употреблялось в сугубо религиозном значении «духовный дар, данная Богом способность». Светское значение «способность привлекать к себе людей, оказывать влияние» (преимущественно о политиках), соответствующее современному рус. *харизма*, получило хождение в 1960-е гг.[74]

Достойно внимания экспрессивно-усилительное употребление англ. *hell* «ад» в многочисленных разговорных выражениях (с ругательным оттенком): *what the hell* («какого черта»), *a hell of a guy* («отличный парень»), *run like hell* («бежать со всех ног»), *for the hell of it* («просто так»), *angry as hell* («чертовски сердитый»), *get the hell out* («убраться ко всем чертям»). В вопросах возможно усилительное употребление находящегося на противоположном семантическом полюсе англ. *heaven* «небо, рай»[75]: *where/why/who etc. in heaven's name* «где/почему/кто, черт возьми…». В русском языке в подобных значениях используются лексемы *черт, чертовский*.

Англ. *heaven(s)*, а также *goodness* «доброта, любезность», помимо своего собственного значения, исполняют функцию эвфемистических замен слова *God* «Бог» в разговорных оборотах *for heaven's sake, for goodness' sake* «ради Бога»; *heaven knows, goodness knows* «Бог его знает» или «знает Бог (Бог свидетель)»; *Good Heavens, my goodness, goodness me* «Боже мой!».

Сакральные эпитеты. Именования Богородицы в русском языке многочисленны и разнообразны: *Богоматерь, Богородица, Дева, Заступница, Непорочная, Преблагая, Предстательница, Приснодева, Пречистая, Владычица, Царица Небесная*. В английском языке их меньше: *Immaculate, Our Lady, Intercessor, Mother of God, Theotokos, Virgin Mary*. Наиболее употребительны в английском языке именования *Virgin Mary* и *Our Lady* (акценты на девстве и на

[74] Там же: 160.

[75] *Heaven* является именно возвышенно-духовным понятием («небесный, божественный мир»); небесный свод как пространство называется словом *sky*.

высоком статусе). Слово *Theotokos* (заимствование из греческого) используется только в речи православных (существующая англ. калька *God-bearer* считается неблагозвучной и не имеет широкого употребления). В русском языке спектр смысловых акцентов шире: богоматеринство (*Богоматерь, Богородица, Матерь Божия*); девство, чистота, доброта (*Дева, Приснодева, Непорочная, Пречистая, Преблагая*); помощь людям (*Заступница, Предстательница*); могущество (*Владычица, Царица Небесная*). Как отмечает С. С. Аверинцев, «культура допетровской Руси и русский фольклор знают Марию или как властную Царицу, или как жалеющую Мать. Однако и западная, и русская поэтическая традиция едина в отношении к Марии как “теплой заступнице мира холодного”»[76].

Существенную группу сакральных эпитетов составляют именования святых. Само слово «святой» в английском языке имеет два соответствия: *holy* как характеристика святости, духовной чистоты и *saint* как составная часть имени (*святой Николай – Saint Nicholas*) или как существительное со значением «святой человек» (*a saint*). В английском языке не имеют традиционного эквивалента слова *бессребреник, блаженный* (в значении юродивого), *великомученик, первоверховный* (об апостолах Петре и Павле), *преподобный* (в значении святого монаха)[77], *равноапостольный, святитель, священномученик, страстотерпец, юродивый*. Вероятно, это можно объяснить иной типологией форм святости в западной христианской традиции, а также угасанием почитания святых в протестантских культурах.

Англ. *hellish* «адский, чертовский», вслед за своим «родителем» *hell* «ад», в современном употреблении выполняет преимущественно усилительно-экспрессивную функцию в светских контекстах (*a hellish day at work* «ужасный день на работе»); собственно религиозное значение сильнее выражается прилагательным *infernal* (от *inferno* «ад, преисподняя»).

Там, где русский язык вынужден обходиться одним словом *языческий* (или *язычник*), английский предлагает три варианта: *gentile* «нееврей» (с точки зрения

[76] Аверинцев 2006: 296–297.

[77] Англ. *Reverend* (букв. «досточтимый»), переводимый на русский эпитетом *преподобный*, является титулом духовенства.

иудеев); немного устаревшее *heathen* «язычник-политеист» (с точки зрения иудаизма, христианства и ислама), также имеющее значение «дикарь, некультурный человек»; и *pagan* (язычник в противопоставлении христианину). Здесь интересно также обратить внимание на этимологическую связь между англ. *pagan* «язычник» и *peasant* «крестьянин», в сравнении с рус. *христианин* и *крестьянин*.

Отдельного внимания заслуживают английские слова *Orthodox* и *Catholic*, на которые в русском языке приходится три слова: *православный, кафолический* и *католический*.

Греческое καθολικός – «всеобщий, относящийся ко всем» – церковнославянским, а затем русским языком было первоначально усвоено в форме «кафолический» как синоним прилагательных «вселенский», «соборный». В Никео-Константинопольском Символе веры это слово является одной из характеристик христианской Церкви в целом: «Верую… во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Так комментирует это место митрополит Филарет (Дроздов): «Церковь называется Соборной, или, что то же самое, Кафолической, или Вселенской, потому что она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов»[78]. В английский язык через посредство латинского оно вошло в своем исходном значении «всеобщий» (синоним *universal*), а также «относящийся к Вселенской, дораздельной христианской Церкви»; значение «римско-католический» слово приобрело только в середине XVI в., в эпоху английской Реформации, и стало писаться по-английски с прописной буквы[79]. Впоследствии в своем латинском варианте и в позднем значении слово через посредство польского вновь вошло в русский язык[80], результатом чего явились слова «католик», «католический», относящиеся уже собственно к Римско-Католической Церкви.

[78] Филарет 2006: 46.
[79] Barnhart 2006: 151.
[80] Фасмер 2007, т. 2: 210, 212.

Слово «православный» возникло в церковнославянском языке как калька с греч. ’ορθόδοξος[81]; в латынь и затем западноевропейские языки оно было заимствовано способом транскрипции: лат. *orthodoxus*, из которого англ. *orthodox*, где, в добавление к собственному значению «придерживающийся правильного мнения», данное слово стало еще и наименованием Восточных Церквей. В английском языке первое зафиксированное употребление слова *orthodox* во втором значении относится к 1772 г.[82] Но если в русском языке смешения значений этих слов не происходит в силу наличия разных слов: «кафолический», «католический», «православный», «ортодоксальный», то в английском такое смешение имеет место. Например, произнося в Символе веры на английском языке *And I believe one Catholick and Apostolick Church*[83], англиканин под словом *Catholick*[84] понимает именно Вселенскую Церковь, а никак не Католическую, которая по-английски именуется *the Roman-Catholic Church*. Смешение происходит и со словом «православный», так как в английском для передачи значений «ортодоксальный, традиционный, правоверный» и «относящийся к Восточным Церквям» служит одно слово *Orthodox* (различение достигается использованием строчной буквы «о» в первом случае и прописной «О» во втором).

Небольшую, но интересную группу представляют собой «потенциально сакральные слова». Сами по себе они нейтральны, но, соединяясь с другими, образуют устойчивые словосочетания сакрального значения. В русском языке к таким можно отнести прилагательные *великий* (*Великий пост, Великая суббота*), *страшный* (*Страшный суд*), *чистый* (*Чистый четверг*), в английском – слова *last* (*Last Judgment*) и *good* (*Good Friday*).

В связи с этим обратим внимание на названия дней центрального и самого насыщенного периода церковного года – недели перед Пасхой. В русском языке она называется *Страстной неделей*, а составляющие ее дни носят эпитет *Великий*

[81] Там же, т. 3: 352.
[82] Barnhart 2006: 737.
[83] The Book of Common Prayer 1991: 141.
[84] Сочетание букв *-ck* вместо обычного *–c* на конце слова является здесь лишь старинной формой записи (впрочем сам выбор более архаичной формы может быть неслучаен).

или *Страстной*. *Великий*, или *Страстной четверг* также имеет название *Чистый*. В английском языке Страстная неделя называется *Holy Week* (Святая неделя), а традиционные эпитеты есть только у четверга, пятницы и субботы. Четверг называется «заповедным» *Maundy Thursday* – от лат. *mandatum* «заповедь, приказание», по первым словам антифона, исполняемого в этот день: *mandatum novum do vobis: ut diligitis invicem* «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (слова Христа к апостолам на Тайной вечере – Ин 13:34)[85]. Страстная пятница по-английски традиционно именуется «благой, доброй» – *Good Friday* (от старого значения *good* как «святой» – ср. *the Good Book* «Библия», *Good Heavens!* «о Боже!» – или от сочетания *God's Friday* «Божья пятница»). И с четвергом, и с пятницей предпасхальной недели также может сочетаться эпитет *holy* «святой» (*Holy Thursday*, *Holy Friday*). Великой субботе соответствует *Holy Saturday*. Понедельник, вторник и пятница Страстной недели не имеют в английском языке особых традиционных эпитетов и называются *Monday/Tuesday/Wednesday in Holy Week* (понедельник и проч. на Страстной неделе)[86] или *Monday/Tuesday/Wednesday before Easter* (понедельник и проч. перед Пасхой)[87]. Соответствие этих названий в двух языках можно представить в следующем виде (*Таблица 6*):

Таблица 6. Названия дней Страстной недели в русском и английском языках

Страстная неделя	*Holy Week*
Великий (Страстной) понедельник	Monday in Holy Week (Monday before Easter)
Великий (Страстной) вторник	Tuesday in Holy Week (Tuesday before Easter)
Великая (Страстная) среда	Wednesday in Holy Week (Wednesday before Easter)
Великий (Страстной, Чистый) четверг	Maundy (Holy) Thursday

[85] Barnhart 2006: 642; The Liber Usualis 1963: 671.
[86] The Liber Usualis 1963: 606 и сл.
[87] The Book of Common Prayer 1991: 179 и сл.

Страстная (Великая) пятница	Good (Holy) Friday
Великая суббота	Holy Saturday

Таким образом, в приведенных лексемах русский язык фиксирует смысловые акценты на страданиях Христа (*Страстная*) и значимости событий, вспоминаемых в эти дни (*Великий*), тогда как английские названия подчеркивают священный характер данного периода (*Holy*). При этом в обоих языках лексически, благодаря специфическим эпитетам, выделяется четверг (*Чистый четверг, Maundy Thursday*).

2.5. Выводы

На основе данных описанного эксперимента представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Христианская сакральная лексика в русском и английском языках в целом схожа в связи с общностью главных христианских понятий в русской и английской культурах. В обоих языках сакральная лексика может быть представлена в виде лексико-семантических групп «сакральные восклицания», «сакральные действия», «имена Божества», «духовные существа», «сакральные понятия», «сакральные предметы», «сакральное пространство», «духовные саны», «священные события», «сакральные эпитеты». При этом сакральные действия, понятия и эпитеты занимают центральное положение.

2. Между христианской сакральной лексикой русского и английского языков наблюдается семантическое смещение, проявляющееся в разных смысловых акцентах, семантическом объеме и стилевых характеристиках слов, называющих те или иные религиозные понятия. Наиболее асимметричной в двух языках представляется группа «сакральные эпитеты».

3. Причинами этого смещения, по-видимому, являются:

- естественная асимметрия языков;

- несовпадение источников и траекторий заимствования данного типа слов (русский из церковнославянского и греческого; английский из латинского и греческого, часто через посредство французского);
- разные языковые ситуации в истории России и Великобритании (характер взаимоотношений между русским и церковнославянским языками в сравнении с отношениями между английским и латинским языками);
- различия церковной традиции (восточной и западной) и культурно-исторического опыта соответствующих народов.

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

3.1. Процессы сакрализации и десакрализации в лексике

В истории языка сакральная лексика не статична, но вовлечена в процессы сакрализации и десакрализации. Под сакрализацией понимается приобретение словом сакрального значения, под десакрализацией – утрата такого значения. В субъективном плане эти процессы отражают формирование мировоззрения отдельного человека, в объективном – являются зеркалом более широких аналогичных тенденций в культуре того или иного народа и непосредственно связаны с изменением религиозных представлений в языковом сознании.

Сакрализация лексики. Представляется возможным выделить следующие способы сакрализации лексики:

1. Наделение сакральным значением уже существующего названия обыденного предмета. При этом первоначальное значение либо расширяется (к старому значению прибавляется новое, сакральное: например, «Отец», «Сын», «Дух» как обозначения ипостасей Бога в христианстве), либо сужается (несакральные значения отсекаются: например, «Господь» – исторически то же, что «господин», но сейчас относится исключительно к Богу). Этот способ, вероятно, связан с переходом нарицательных имен в собственные и наоборот, а также с явлением метафоризации. «Есть какая-то особая движущая сила в языке, соответствующая силе суеверия, посредством которой слово древнейшее, имеющее смысл обыкновенный, переходя от поколения к поколению по разным странам и народам, теряет свое обыкновенное, простое значение и принимает мифологическое, соединяясь с поверьем», – так охарактеризовал этот процесс применительно к истории славянского языка Ф. И. Буслаев[88].

[88] Буслаев 2011: 62–63.

2. Прямое заимствование из другого языка (например, рус. «ангел», «архиерей», «Евангелие» из греческого) или калькирование иноязычной словообразовательной формы (многочисленные сложносоставные слова на «благо-», «бого-» в церковнославянском и русском, передающие соответствующие греч. морфемы ’ευ- и θε-)[89].

3. Конструирование нового слова для выражения новых религиозных понятий (например, греч. Θεάνθρωπος «Богочеловек», Θεοτόκος «Богородица»).

Примечательно, что смена религиозных представлений часто приводит к замещению одного сакрального значения другим, что свидетельствует о консерватизме языка и устойчивости самой сакральной лексики (например, лат. *sacerdos* – сначала «жрец», затем «священник»; *antistes* «первосвященник (какого-либо бога)», в христианстве – «епископ»; применение древнеримского жреческого звания *pontifex maximus* «верховный понтифик» к Римскому Папе[90], переход имени германской богини светлого утра *Eastre* в англ. *Easter*, нем. *Ostern* «Пасха»[91]).

Феномен табу. Возможно, наиболее радикальным следствием сакрализации слова является наложение на него табу, т.е. запрета, и замена его в речи эвфемизмом – нейтральным (несакральным) словом. Табу встречаются во всех языках мира, однако ярче всего представлены в языках архаических народов[92]. В числе основных проявлений сакрального табуирования можно выделить следующие:

1. Стремление не упоминать имя Бога в выражениях повседневной речи. В иудаизме и христианстве существует третья заповедь: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно…» (Исх. 20:7). Известно, что евреи традиционно вместо имени Божьего (*Яхве*) произносили «Господь» (*Адонай*), а также иногда заменяли слово «Бог» (*Элохим*) словами «Небо», «Имя» и др. В современных европейских языках в качестве примеров можно привести употребление в испанском слова *salud* «здоровье» вместо *Jesús* «Иисус» как пожелания

[89] Верещагин 1997: 19.
[90] Ostler 2016: 84.
[91] Barnhart 2006: 311; Ayto 2008: 184; Буслаев 2011: 17.
[92] Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 501.

чихнувшему; взаимозаменяемость англ. слов *God, goodness, heaven(s)* в сочетаниях типа *thank God/goodness/heaven* «благодарение Богу»; англ. междометие *gosh* как эвфемистическое искажение слова *God*[93].

2. Запрет на именования темных сил, вместо которых употребляются описательные слова: рус. «дьявол» (греч. «клеветник»), «сатана» (др.-евр. «противник»)[94], «бес» («вызывающий страх»)[95], «черт» (спорная этимология)[96], «черный», «враг (рода человеческого)», «нечистый», «неистовая/нечистая сила», «кромешный», «он», «тот», «не наш», «супротивник», «лукавый», «неладный», «соблазнитель», «лихой», «рогатый» и др., англ. *the evil one* «злодей», *adversary* «противник», *fiend* «враг» (этимологически «ненавидимый») [97], а также разговорные метафорические имена *the Clootie* «копыто», *the Old Teaser* «старый насмешник», *the Old Boy* «старик», *Old Nick* «старина Ник» и др. [98]

3. Избегание слов, связанных с дурными приметами. Отсюда эвфемизмы для обозначения левой стороны, ассоциировавшейся с чем-то неблагоприятным, зловещим: например, исп. *izquierdo* «левый» (заимствование из баскского) вместо *siniestro*, которое приобрело исключительно негативные коннотации; др.-греч. ἀριστερός (букв. «лучший») и εὐώνυμος (букв. «благоименный»)[99].

Другие случаи вербального табу включают в себя запреты на сообщение имени человека посторонним, на имена родных противоположного пола, свойственников и старших родственников[100], на имена умерших и на названия животных, являющихся предметами охоты (пример последнего –

---

[93] Barnhart 2006: 442.
[94] Черных 1994, т. 1: 278; т. 2: 141.
[95] Фасмер 2007, т. 1: 160; Черных 1994, т. 1: 87; Степанов 2004: 885.
[96] М. Фасмер говорит об этом слове без уверенности, но в качестве первой приводит версию о происхождении от праслав. «проклятый» (Фасмер 2007, т. 4: 347). П. Я. Черных «довольно убедительным (особенно при отсутствии других, более убедительных)» объяснением считает происхождение от и.-е. корня со значением «обрезать, отсекать», «исходя при этом из того соображения, что черта или дьявола часто называют то “хромым”, то “куцым”» (Черных 1994, т. 2: 384). Ю. С. Степанов придерживается этой же этимологии, но с другим истолкованием: «*черт* – это как бы “отрезанный”, исчадие области, находящейся за чертой и принадлежащей божеству *Чур*» (Степанов 2004: 883).
[97] Barnhart 2006: 380; Ayto 2008: 217.
[98] Мокиенко 1999: 266; Joyce 1910: 56.
[99] Ayto 2008: 307; Barnhart 2006: 1009; Bloomfield 1956: 401.
[100] М. Ю. Федосюк полагает, что это табу продолжает отчасти действовать в русской культуре в виде обычая не называть своих родителей по имени (Федосюк 2008: 41).

эвфемистические именования медведя во многих индоевропейских языках: рус. «медведь» – «поедатель меда»; англ. *bear*, нем. *Bär* «коричневый», «бурый») [101].

Причины всех подобных табу связаны с суеверным страхом, благоговением или уважением, что соответствует восприятию сакрального как *tremendum et fascinans*. Во всех случаях вместо табуированных слов используются описательные характеристики, что можно соотнести с выводом предыдущей главы о том, что имена Божества и названия духовных существ этимологически представляют собой эпитеты.

Десакрализация лексики. В повседневном употреблении сакральные слова не всегда сохраняют свое исконное значение и могут подвергаться процессу десакрализации в двух основных видах:

1. Десемантизации, т.е. потере собственного значения и переходу в разряд обыденных выражений: например, междометное употребление рус. «Боже», «Господи», обороты «ради Бога», «Бог (его) знает», «Бог знает что», англ. *by God* и множество им подобных в разных языках. Десакрализованность таких выражений подтверждается наличием эквивалентов с упоминанием противной духовной сущности: «черт (его) знает», «черт с ним» (в значении «неважно, ну и пусть»), а также орфографическими вариантами: например, исп. словосочетание *todo Dios* – «все без исключения», может также быть записано как *tododiós*.

2. Пейорации, т.е. «ухудшению» значения. Например, исп. выражение *armar la de Dios (es Cristo)* означает «устроить скандал», а существительное *hostia* – «облатка» (этимологически «жертва» – круглый хлебец, используемый в Католической Церкви для таинства Евхаристии) в исп. разговорной речи употребляется также в значениях, помеченных в словаре как «просторечное, грубое»: *hostia!* – «ах ты черт» (междометие, выражающее боль, удивление, радость); *es la hostia* – «черт знает что» (как видим, чтобы передать эмоциональную окраску этих выражений с этим первоначально сакральным словом приходится даже обращаться к именованиям нечистой силы); *dar una hostia* – «дать тумака, врезать».

[101] Фасмер 2007, т. 2: 589; Черных 1994, т. 1: 519; Ayto 2008: 54; Barnhart 2006: 84.

Нем. *Weib* изначально было нейтральным словом со значением «женщина, жена» (родственно англ. *wife*; очевидно, в переводах соответствовало лат. *mulier*); сейчас же это грубое, ругательное слово («баба»), а нейтральное значение перешло к существительному *Frau*, что вызывает потребность в изменении старого немецкого перевода латинских молитв, обращенных к Пречистой Деве Марии. См. например, известную молитву *Ave Maria*, основанную на отрывках Евангелия от Луки (Лк 1:28, 42) (*Таблица 7*)[102]:

Таблица 7. Молитва «Ave Maria» на латинском, немецком и русском языках

Ave Maria, gratia plena: Dominus tecum: benedicta tu *in mulieribus*, et benedictus fructus ventris tui.	Sei gegrüsst, Maria, du Gnadenvolle; der Herr ist mit dir, du bist gebenedeit *unter den Weibern*, und gebenedeit ist die Frucht deines Leibes. (В более новых переводах – *unter den Frauen*.)	Приветствую Тебя, Мария, исполненная благодати! Господь с Тобой! Благословенна Ты *среди женщин* и благословен плод Твоего чрева.

Еще примеры: нем. слово *Sakrament* имеет одновременно два значения: 1) таинство причастия, 2) грубое ругательство («о черт! проклятие!»). Во французском языке одними из самых страшных ругательств являются ругательства с упоминанием крови (*sang*), смерти (*mort*), тела (*corps*) Божиих (т.е. Христа); слово «Бог» *Dieu* в них заменяется эвфемизмом *bleu*[103].

Причиной десакрализации может быть изменение представлений о сакральном в общественном сознании (или изменение «политики» в отношении этих представлений). Например, если по дореволюционной норме (которая затем сохранялась в языке русской эмиграции) «имена Трех Лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного воспитания христиан» следовало писать с прописной буквы[104], то в советскую эпоху даже в изданиях произведений

[102] Schott 1923: 637. Ср. церк.-сл. молитву «Богородице Дево, радуйся…». Курсив в текстах молитвы наш – Г.К.
[103] Jacquenod 2006: 221; Baumgartner, Ménard 1996: 245.
[104] Ромашкевич 1975: 258.

классических русских писателей слова, связанные с религией, намеренно печатались со строчной буквы («бог», «пасха», «библия»).

Однако даже в советское время писатели использовали такие обиходные выражения, как «С Богом», «Господи», «Боже мой» и т.п., а некоторые филологи защищали это употребление. «Напрасно… лексикографы, суеверно опасаясь упреков в религиозном рвении, ставят порою помету-эпитафию [“устаревшее”] при таких словах и выражениях», их «рано еще списывать в исторический архив… Метафорическая жизнь многих слов и выражений позволяет аккумулировать в языке многие факты духовной культуры, о которых мы бы никогда и не догадались, если бы то или иное слово или выражение не служило зарубкой в нашей национальной памяти», – пишет В. М. Мокиенко[105].

Другая причина десакрализации – «изношенность» слова от частого употребления в обиходной речи: например, рус. *спасибо* из «спаси Бог»[106], англ. *good-bye* «до свидания» из *God be with you* «Да будет с вами Бог» (при этом замена *God* на *good* произошла вследствие табу[107]), исп. *adiós* от *a Dios vayáis* или *a Dios quedad* «ступайте с Богом», «оставайтесь с Богом»[108] (аналогично фр. *adieu*, итал. *addio,* порт. *adeus*). Чем употребительнее слово в разговорной практике, тем скорее перестает осознаваться его исконное значение. Представляется, что распространенность сакральных выражений повседневного употребления в определенном языке в соотношении к степени их этимологической полнозначности (осознаваемости исконного сакрального значения носителями языка) может служить показателем религиозности той или иной национальной культуры.

А. А. Волков замечает, что «семантика языка равнозначна национальной специфике мышления»[109]. Применяя эту мысль к области данного исследования, можно сказать, что семантика сакральной лексики отражает обобщенные

---

[105] Мокиенко 1999: 197-198.
[106] Со словом «спасибо» связан еще один любопытный факт: по сведениям М. Фасмера «староверы избегают этого выражения, потому что они видят в нем “*спаси бай*” и усматривают якобы в *бай* название языческого бога» (Фасмер 2007, т. 3: 732).
[107] Hock, Joseph 1996: 138.
[108] Diccionario Didáctico Avanzado 2003: 26.
[109] Волков 2009: 15.

представления о сакральном того или иного национального языкового сознания (которые, однако, не являются прямым отражением догматов той или иной религии, так же как и национальное языковое сознание не эквивалентно индивидуальному сознанию какого бы то ни было представителя данного народа). В этом же духе высказывается Т. В. Кузьмина, утверждая что «специфика духовного развития нации получает свое отражение в изменении (увеличении или сокращении) объема сакральной составляющей в лексике»[110].

Таким образом, тенденции сакрализации и десакрализации лексики свидетельствуют об усилении или угасании роли религии в данном обществе, о приобретении или утрате теми или иными понятиями особой социально-психологической значимости, о вхождении их в центр языкового сознания народа или, наоборот, устранении на его периферию.

3.2. Иносистемность сакральной лексики

Языковая норма применительно к сакральной лексике. Природа языковой нормы двойственна: в ней соединяются естественность (объективные внутренние процессы языковой системы) и условность (сознательный выбор и кодификация). Обе эти стороны учтены в определении Н. Н. Семенюк: языковая норма – это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации»[111].

Сам вопрос о норме возникает из необходимости выбора одного из возможных вариантов выражения данного значения, которые предлагает система какого-либо языка[112]. Как пишет Л. В. Щерба, «…развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом»[113]. Иногда нормативным является само наличие нескольких вариантов, в других случаях

[110] Кузьмина 2011: 5.
[111] Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 337.
[112] Горбачевич 1978: 30.
[113] Щерба 2007: 121.

один получает официальное признание и исключает употребление других с угрозой отметить их клеймом «неправильности». При этом, конечно, понятия «правильный» – «неправильный» являются сознательным установлением человека, поскольку с точки зрения правил, тенденций внутреннего механизма языка эти «отклонения» могут быть вполне естественными и логичными.

Первую сторону нормы (она обычно является основой преподавания родного языка в средней школе) С. Пинкер называет прескриптивными правилами (т.е. предписывающими выбор определенного варианта), вторую – дескриптивными (раскрывающими в варианте естественные закономерности языковой системы – объективная точка зрения на язык по А. М. Пешковскому)[114]. «…Нет никакого противоречия в словах о том, что каждый нормальный человек может говорить грамматически правильно (в смысле систематичности) и грамматически неправильно (в смысле “не так, как предписывается”), точно так же, как не будет противоречием сказать, что такси подчиняется законам физики, но нарушает законы Массачусетса», – поясняет С. Пинкер[115]. Если прескриптивные правила сознательно привносятся в язык человеком с какими-то целями и их нужно заучивать, то дескриптивными человек пользуется «автоматически», без усилия памяти и воли, поскольку они укоренены в его сознании просто в силу того, что он является носителем данного языка.

Таким образом, наиболее существенным становится то, на каких основаниях носители языка (сознательно или бессознательно) отдают предпочтение той или иной возможности выражения. Такими критериями могут служить:

1. *Возможности языковой системы*. Важную роль здесь играет образование форм по аналогии: например, в механизме современного русского языка есть тенденция к образованию форм множественного числа на «-а» («-я») у существительных мужского рода с ударением на последнем слоге («проф*е*ссор» –

[114] Пинкер 2004: 352.
[115] Там же: 353.

«профессор*а*»), но не все варианты, образованные по этой модели, будут нормативны (норма «инжене*е*ры», а не «инженер*а*»).

2. *Устойчивость языковой формы*. Однако устойчивыми могут быть и ненормативные варианты: например, ударения «п*о*ртфель» и «док*у*мент» существовали еще в XIX в.[116]

3. *Ее употребительность*. Этот критерий также относителен: например, варианты произношения «кило*м*етр», «кв*а*ртал» широко распространены, однако нормой является ударение «киломе*т*р», «кварт*а*л» (во всех значениях).

4. *Принцип целесообразности* заключается в том, что в качестве нормы закрепляются те варианты, которые способствуют ясному, недвусмысленному и удобному выражению мысли, а затрудняющие понимание высказывания и неудобопроизносимые формы отбрасываются.

5. При ориентации на любой из указанных критериев необходимо делать поправку на *культурно-исторические факторы*. При том, что какая-либо форма может быть устойчивой, распространенной, целесообразной и соответствовать возможностям языковой системы, предпочтение может получить другая в силу традиции.

6. *Авторитетность источников*. Как правило, такими источниками являются классические произведения национальной литературы, но и данный критерий не достаточен, так как в этих произведениях можно встретить: а) формы, свойственные другому историческому этапу развития языка и ненормативные с точки зрения современности; б) сознательное отступление от нормы с художественной целью (для речевой характеристики персонажа и т.п.); в) диалектизмы.

Ни один из приведенных критериев сам по себе не достаточен для обоснования выбора какого-либо варианта в качестве нормы и только сочетание нескольких критериев (представляется, что первостепенным значением при этом обладают первый и пятый). Для сакральных же слов главным является последний критерий, и, если та или иная форма не противоречит возможностям системы

[116] Горбачевич 1978: 32.

языка, непререкаемый авторитет священного текста «перекрывает» все остальные критерии: делает данную форму устойчивой, употребительной и культурно закрепленной. Ниже следует ряд примеров специфичного функционирования сакральной лексики в сравнении с общей нормой языка.

Фонетика. Слово «Бог», пожалуй, можно назвать центральным в поле лексики сакрального значения. Согласно орфоэпической норме современного русского языка, буква «г» на конце слова оглушается до [к]: «сапог» [сапок], «утюг» [ут’ук], «вдруг» [вдрук]. Однако слово «Бог», вопреки этому правилу, произносится как [бох]. Более того, норма допускает в косвенных падежах этого слова щелевое [ɣ]: «Бога» – [бога] или [боɣа][117]. (Разумеется, первичен здесь звук [ɣ], который в конечной позиции оглушается до [х].) Данный звук в русском литературном языке употребляется лишь в некоторых местоимениях («ага», «ого», «эге», «гоп») и отдельных заимствованных словах («бухгалтер» [буɣ*а*лтер]). Он может также произноситься в слове «Господи» [ɣоспъди] (но в «господин» – нет), а также в некоторых словах церковно-книжного происхождения: «благо», «богатый» и производных от них. Однако произношение этих слов со звуком [ɣ] выходит из употребления, уступая место звуку [г][118].

Наиболее вероятной представляется версия, объясняющая эту фонетическую особенность украинским влиянием на московское церковное произношение, которое, в свою очередь, легло в основу орфоэпических норм литературного русского языка. О. С. Широков отмечает, что проводником этого влияния выступали преподаватели Славяно-греко-латинской академии – выходцы из украинских и белорусских земель[119]. В.Е. Холшевников пишет: «В стихах XVIII в. рифма свидетельствует о господстве “высокого”, церковнославянского произношения стихов во всех жанрах… *г* произносилось как щелевое, а не смычное, поэтому при разных концевых буквах преобладала форма *вдруг – дух*, а не *вдруг – стук*. Люди старшего поколения и сейчас произносят *бох*, а не *бог*;

[117] Резниченко 2008: 68.
[118] Аванесов, Ожегов 1959: 682.
[119] Широков 2003: 87, 197.

прежде такое произношение ряда слов церковнославянского происхождения было господствующим во всех классах общества. Живое разговорное произношение в стихах вытесняет “высокое” не сразу и неравномерно в первой половине XIX в.»[120]. Придыхательное [γ] в слове «Господь», по всей видимости, имеет то же происхождение[121]. Представляется вероятным, что старая фонетическая норма сохранилась в приведенных словах именно в силу их сакрального характера.

Целый ряд примеров особого орфоэпического оформления сакральных слов наблюдается в социальном диалекте православных верующих: отсутствие редукции в безударных слогах (*м[о]литва*, *Б[ого]родица*); отсутствие лабиализации (*с[’э]стры*, *м[’э]ртвый*, *отц[э]в*); побуквенное произношение окончаний прилагательных мужского рода в родительном падеже единственного числа (*свят<u>аго</u>*, *единороднаго*, *благовернаго*); отличная от нормы постановка ударения (*изб**а**витель*, *плотск**и**й*, *прип**а**дая*). Подобные явления существуют и в сербском языке: в речи православных верующих встречаются архаичные варианты произношения сакральных лексем греческого происхождения (*архангел, евангелски* вместо обычных *арханђео, јеванђељски*); нестандартное ударение (*дарохран**и**лница*, *благод**а**ћу*, *Сведрж**и**тељ*, *Христ**о**с*, тогда как в современном сербском ударение ближе к началу слова)[122]. Все эти особенности восходят к традициям церковнославянского произношения. Говоря о фонетических явлениях такого рода, И. В. Бугаева замечает, что «следует различать орфоэпическую ошибку, нарушающую норму современного русского литературного языка, и вариантное употребление орфоэпических церковнославянизмов при наличии церковнославянско-русских соотносительных пар, что является характерной чертой религиолекта»[123].

Морфология. Морфология – весьма богатый «искривлениями» нормативных отношений пласт языка. Мы разделим сделанные нами наблюдения по грамматическим категориям, традиционно выделяемым в европейских языках.

---

[120] Холшевников 1983: 21.
[121] Фасмер 2007, т. 1: 446.
[122] Кончаревич 2012: 18.
[123] Бугаева 2010: 22.

Определенность – неопределенность. В романских и германских языках перед словом «Бог» (Единый) определенный артикль не ставится, хотя, следуя грамматической логике, в этом случае (известное, единственное в своем роде лицо) его следовало бы употребить. Например, англ. *Do you believe in God?* «Вы верите в Бога?», фр. *Au commencement, Dieu créa les cieux et la terre* «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1). Возможно, это связано с тем, что «Бог» воспринимается языковым сознанием в большей степени как имя собственное, нежели как имя нарицательное.

Род. По выражению О. А. Корнилова, грамматический род – это «,,окаменелые отпечатки" древнего образного восприятия мира древнейшими представителями конкретного этнического языкового сознания»[124]. Так, в латинском языке названия деревьев формально имеют окончание мужского рода, но сами принадлежат к женскому, что проявляется в согласовании с прилагательными: *cedrus magna* – «большой кедр», *laurus alta* – «высокий лавр», *cupressus parva* – «маленький кипарис». Возможно, женский род в этих случаях связан с тем, что в деревьях человек видел живородящие существа (мужской род названий рек тогда можно объяснить восприятием их как оплодотворяющих землю). Другой пример влияния сакральной семантики на категорию рода – переход слова «Бог» в германских языках из среднего рода в мужской после распространения христианства [125]. Нарушение грамматического согласования по роду находим также в тексте утренней молитвы Святой Троице из православного молитвослова: «От сна восстав, Благодарю Тя, Святая Троице, яко многия ради Твоея благости и долготерпения не *прогневался* еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже *погубил* мя еси со беззаконьми моими, но *человеколюбствовал* еси обычно и в нечаянии лежащаго *воздвигл* мя еси во еже утреневати и славословити державу Твою»[126]. Существительное «Троица» относится к женскому роду, однако происходит семантическое согласование по мужскому роду (очевидно, с

[124] Корнилов 2011: 103.
[125] Barnhart 2006: 440.
[126] Канонник 2005: 6. Курсив наш – Г.К.

ориентацией на слово «Бог», а также на Лица, составляющие, согласно христианскому вероучению, Троицу: Отец, Сын, Святой Дух).

Падеж. В русском языке единичные рудиментарные формы звательного падежа сохраняются прежде всего у лексем религиозного значения: «Боже» (Бог), «Господи» (Господь), «отче» (отец). В сербском языке в религиозном контексте иногда употребляются архаичные формы падежей (*православному*, *мојему*) и форм превосходной степени (*свјатјејши*, *чесњејши*)[127].

В македонском языке, утратившем падежи, есть одно исключение: у некоторых личных имен, фамилий и названий родственников мужского рода, а также слов *човек* (человек), *Бог*, *Господ* и *ѓавол* (дьявол), сохранилась особая падежная форма на *–а* (*човека*, *Бога*, *Господа*, *ѓавола*), которая в сочетании с различными предлогами может передавать значение любого косвенного падежа (употребление этой формы, впрочем, факультативно, и есть все основания считать ее отмирающей)[128]. Набор слов, сохранивших реликтовую падежную форму, представляется нам неслучайным: все они могут быть отнесены к духовной сфере.

Пример из латинского языка. Имя *Jesus* «Иисус» относится к IV склонению существительных, однако склоняется по падежам особым образом: во всех косвенных падежах, кроме винительного (*Jesum*), оно имеет форму *Jesu* (*Таблица 8*):

Таблица 8. Склонение имени Jesus в сравнении со стандартными формами в латинском языке

Падеж	*Стандартные окончания*	*Jesus*
Nom.	exercitus («войско»)	Jesus
Gen.	exercitus	Jesu
Dat.	exercitui	Jesu
Acc.	exercitum	Jesum
Abl.	exercitu	Jesu
Voc.	exercitus	Jesu

[127] Кончаревич 2012: 19.
[128] Усикова 2003: 143.

Здесь же отметим неравносложность основ имени Христос в именительном и косвенных падежах в русском языке: «Христос» – «Христ*а*» (не *«Христоса»).

Лицо и число. Замечательный пример предоставляет система личных местоимений современного английского языка (*Таблица 9*):

Таблица 9. Личные местоимения английского языка

Лицо	*Ед. ч.*	*Мн. ч.*
1	I	we
2	you	you
3	he, she, it	they

Нетрудно заметить, что в английском языке есть только одно слово для местоимений второго лица: и «ты», и «вы» по-английски – *you*. Изначально *you* было объектным падежом местоимения 2-го лица мн. ч. *ye*, но уже в XIV в. оно стало вытеснять местоимение 2-го лица ед. ч. *thou*. До XVI в. последнее продолжало использоваться в обращении к друзьям, детям, слугам и людям более низкого положения, а затем вовсе вышло из устной речи. Английский перевод Библии 1611 г. принял это «обездоленное» местоимение под свою сень, закрепив его в религиозных текстах. Ныне *thou* используется только в поэзии, высокопарной прозе и при обращении к Богу[129]. Кроме того, *thou* не дает окончательно уйти в небытие реликтовым формам глагольного спряжения, давно утраченного английским языком: суффикс *-est* (порою сокращающийся до *-et* или *-t*) для глаголов в настоящем времени: *knowest, hast, canst, shalt* (*Thou shalt not kill* – «Не убий»), а также особую форму глагола *to be* (быть) в сослагательном наклонении – *wert* (*If thou wert*… – «Если бы ты был…»)[130]. Таким образом, мы вновь видим, как форма, давно вышедшая из речевого обихода, находит себе последнее прибежище в области сакрального.

В романских языках существует другое интересное явление, связанное с формами обращения к Богу. Его можно считать обратным тому, что мы только

[129] O’Neill 1915: 90.
[130] Там же: 108.

что наблюдали в английском языке, поскольку если в английском Бог – это то лицо, по отношению к которому возможно употребление архаичного местоимения «ты», то в романских языках встречается обращение к Богу, Пресвятой Богородице и святым на «вы».

Например, во французском языке: “Marie, je *vous* salue…” («Приветствую Тебя, Мария», ср. лат. “Ave Maria” и церк.-сл. «Богородице Дево, радуйся…»); в испанском языке: “Oh piadoso señor Jesucristo! Yo, indigno pecador, confiado en *vuestra* misericordia y bondad…”[131] («О святой Господи Иисусе Христе! Я, недостойный грешник, уповая на милость и благость Твою…»); “*Acordaos*, oh piadosísima Virgen Maria, que jamás se ha oído decir que uno solo de cuantos han acudido a *vuestra* protección e implorado *vuestro* socorro, haya sido desamparado de *vos*...”[132] («Воспомяни, о пречистейшая Дева Мария, что ни один из тех, кто прибегал к Твоему покрову и взывал о Твоем заступничестве, не был Тобою оставлен…»). В итальянском: “*Voi*, mio Dio, *siete* misericordia infinita e la *vostra* misericordia si diffonde e risplende di più proprio là dove più grande e profonda è la miseria”[133] («Ты, Боже мой, бесконечное милосердие еси, и милость Твоя распространяется и сияет именно там, где глубже и безграничнее немощь»).

Но прежде чем попытаться найти логику такого обращения, необходимо составить общую картину системы местоимений 2-го лица в наиболее распространенных романских языках. Представим ее в виде таблицы. Распределение обращений по оппозициям представляет собой сложный механизм, включающий отношения социальной и психологической близости – дистантности, фамильярности – вежливости, уважительности – неуважительности, официальности – неофициальности, равенства – неравенства, нежности – раздражения и др., однако здесь мы, вслед за авторами сопоставительного описания романских языков “De una a cuatro lenguas”[134], сознавая условность такого деления, воспользуемся упрощенной схемой,

[131] Lefebvre 1936: 45.
[132] Там же: 97.
[133] Pallotti 2006: 43.
[134] Schmidely et al. 2001: 143.

располагающей местоимения 2-го лица по двум основным параметрам: «близость» и «вежливость» (*Таблица 10*).

Таблица 10. Местоимения 2-го лица в романских языках

	Близость			*Вежливость*	
Язык	*Ед. ч.*		*Мн. ч.*	*Ед. ч.*	*Мн. ч.*
Испанский	tú		vosotros, vosotras	usted	ustedes
Испанский Лат. Америки	tú	vos	ustedes	usted	ustedes
Португальский	tu, você		vocês	o senhor, a senhora, vós	os senhores, as senhoras, vós
Французский	tu		vous	vous	vous
Итальянский	tu		voi	Lei	voi

Как можно видеть, самая простая система – во французском языке, где противопоставлены лишь два местоимения (в этом он сходится с русским); наиболее сложные – в испанском и португальском, где на каждую ячейку приходится отдельная форма и где, кроме того, существует деление по роду. Латиноамериканская система местоимений представлена здесь в самом обобщенном виде, без учета особенностей национальных вариантов языка; интерес для нас сейчас представляет только то, что в Латинской Америке продолжает жить форма *vos*, архаичная для современного пиренейского варианта испанского языка.

Исторически в романских языках существует два способа образования вежливых обращений:

1. Употребление множественного числа в значении единственного (таковы фр. *vous*, устаревшие исп. *vos*, итал. *voi* – ср. с рус. «вы»).
2. Лексический, т.е. использование описательных форм 3-го лица, которые, в свою очередь, можно подразделить на именные, например, исп. *Su Alteza*, *Vuestra Señoría*, фр. *madame*, *monsieur*, порт. *Vossa Excelência*, *o*

senhor, *a senhora* (*Que deseja o senhor?* – «Чего желает сеньор?») и местоименные, например, исп. *usted* из *Vuestra Merced* и порт. *você* из *Vossa Mercê* («Ваша милость»), итал. *Lei* (букв. «она» – замена сочетания *Vostra Signoria*).

Если вернуться к приведенным выше цитатам из молитв, то можно отметить, что во французском использовано местоимение *vous*, которое служит и обращением к нескольким лицам, и вежливым обращением к одному лицу. Форма *vos*, которую мы видим в испанском фрагменте, отсутствует в пиренейской системе местоимений, но занимает определенное место в латиноамериканских вариантах испанского языка. В Средние века в Испании оно использовалось как почтительное обращение к более высокому или равному по положению в обществе лицу, но в XVI–XVII вв. потеряло оттенок уважительности и стало обыденным обращением к равному и даже уничижительным к нижестоящему. Место же формы вежливости заняла формула *Vuestra Merced*, стянувшаяся со временем в *usted*[135]. В современной Испании *vos* используется в торжественных обращениях к таким лицам, как члены королевской семьи, а также в молитвах к Богу и святым (в последнем случае, как отмечает В. С. Виноградов, оно синонимично *tú*)[136]. Итальянское *voi* в значении ед. числа и португальское *vós* также архаичны.

Ради объективности нужно добавить, что в современных богослужебных текстах на романских языках свободно используется обращение на «Ты». Представляется вероятным, что формы 2-го лица мн. ч. закрепились в католической традиции, а формы ед. ч. стали характерны для протестантизма (особенно во французском языке), однако эти различия, по-видимому, были стерты II Ватиканским Собором Римско-Католической Церкви (1962–1965).

Можно предположить, что употребление местоимений 2-го лица мн. ч. по отношению к Богу, Пресвятой Богородице и святым является следствием проецирования системы отношений царства земного на Царство Небесное. Носитель языка, вероятно, рассуждал так: «Если к монарху и представителям

[135] Раевская 2006: 92–93.

[136] Виноградов 2003: 71; Современная грамматика испанского языка 1997: 203.

благородного сословия подобает обращаться с великой почтительностью, то не с большей ли почтительностью долженствует обращаться к Владыке Вселенной, Царице Небесной и святым угодникам?» Данное явление ярко характеризует языковое сознание романских народов в эпоху становления абсолютных монархий.

Время и вид. В испанской пасхальной фразе *Cristo ha resucitado* «Христос воскресе» глагольная форма *ha resucitado* – это *pretérito perfecto*, которое указывает обычно на действие, завершенное непосредственно перед моментом речи или в отрезок времени, который говорящий считает еще не оконченным[137]. То же видим и в англиканской богослужебной фразе *Christ has died, Christ is risen, Christ will come again* («Христос умер, Христос воскрес, Христос придет вновь»), где *has died* – форма настоящего законченного времени (*present perfect*). Однако событие Воскресения соотносится с вполне определенным и весьма удаленным историческим периодом. Можно с вероятностью предположить, что выбор такой временной формы отражает восприятие верующими Воскресения Христова как события, во-первых, возымевшего место в начале еще не завершившейся исторической эпохи (христианская эра), во-вторых, важного для их нынешней жизни. Близко к этому церковное понятие литургического года, состоящего в том, что богослужения всего года образуют круг событий священной истории, которые верующие переживают, как бы находясь в одном временном плане с ними. Как отмечает М. Элиаде, для религиозного человека сакральное время «представляет собой вечное настоящее, его можно восстановить бесчисленное количество раз». Религиозный «праздник это не церемония “в память” о каком-либо… событии, а его восстановление в настоящем»[138].

Наклонение. Выражения типа «спаси Бог» представляют собой рудименты праславянского желательного наклонения (оптатива), утраченного современными славянскими языками[139]. Это подтверждает и смысл фразы: «спаси» здесь пожелание, которое можно также выразить конструкциями «*Да* спасет тебя Бог»,

[137] Виноградов 2003: 160–161.
[138] Элиаде 1994: 59, 55.
[139] Иванов 1990: 351.

«*Пусть* спасет тебя Бог». Эта реликтовая форма фиксируется в ограниченном количестве сакральных контекстов: 1) пожелания с упоминанием имени Бога: «храни вас Бог», «упаси Бог», «помилуй Бог», «не дай Бог», «не приведи Господь», «сохрани Господь», «помоги Господь», «спаси Христос» и т.п.; 2) ругательные выражения и проклятия с упоминанием нечистой силы: «черт (тебя) возьми/побери», «пропади он пропадом», «будь он проклят», «разрази меня гром» и т.п.

Синтаксис. Примеры данного уровня связаны прежде всего с нестандартным глагольным управлением, а также с использованием синтаксических конструкций, не свойственных какому-либо языку. Объясняется это явление синтаксическим калькированием оборотов, характерных для языка, с которого переводится сакральный текст. Примеров такого рода множество в переводах книг Библии и богослужебных текстах. Приведем здесь некоторые.

Глагольное управление. «Надежда же, когда видит, не есть надежда: ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда *надеемся того, чего* не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим. 8:24–25). Такой же оборот встречаем в определении любви, которое дает апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, *всего надеется*, все переносит» (1 Кор. 13:4–7). «Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я. Посему никто *не пренебрегай его*, но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне; ибо я жду его с братиями» (1 Кор. 16:10–11). Между тем нормативное управление у этих глаголов другое: «надеяться на кого-что», «пренебрегать кем-чем».

В качестве примера заимствованного синтаксического оборота можно привести так называемый дательный самостоятельный (падеж), появившийся в старославянском языке, по мнению некоторых исследователей, как калька с греческой конструкции. Из церковнославянского в высокий стиль русского языка

было заимствовано выражение с этой формой «Богу содействующу». В Акте о каноническом общении Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви Заграницей, подписанном Патриархом Алексием II и митрополитом Лавром 17 мая 2007 г., читаем: «Восстановление канонического общения послужит, *Богу содействующу*, укреплению единства Церкви Христовой и делу ее свидетельства в современном мире, способствуя исполнению воли Господней о том, “чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино” (Ин. 11:52)»[140].

Другой пример синтаксической кальки встречаем в церковнославянском тексте 117-го псалма, стих 18: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя». «Наказуя наказа» – это гебраизм, т.е. оборот еврейского языка. Как отмечает протоиерей Г. Дьяченко, «деепричастие глагола, стоящее при том же глаголе, по свойству еврейского языка, означает усиление действия»[141]. Ср. в русском переводе: «Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня». Примечательно, что данная конструкция встречается и в синодальном русском переводе Священного Писания: «благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря» – обетование Бога Аврааму (Быт 22:17).

Еще один образец отклонений от синтаксических норм современного русского языка связан с употреблением деепричастных оборотов. Например: «*Услышав же Иисус*, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею» (Мф 4:12). Также: «И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, *видя Иисус* веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои» (Мф 9:2). Нарушение нормы здесь состоит в том, что, поскольку деепричастный оборот содержит информацию, дополнительную по отношению к главному предложению, в нем не может находиться подлежащее. Синтаксические отношения внутри деепричастного оборота – это отношения управления, а они

[140] Акт о каноническом общении 2008: 38.
[141] Дьяченко 2006: 330.

предполагают употребление косвенных падежей, но не именительного, который составляет признак подлежащего.

Евангелия, Псалтирь и другие книги Нового и Ветхого Заветов изобилуют подобными примерами[142]. По всей видимости, в них проявляется влияние характерных структур греческого (и через его посредство – еврейского) языка, с которого Священное Писание переводилось на старославянский. Русский же текст Библии (синодальный) создавался на основе всех этих трех пластов. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что столь сложная историческая ткань текста содержит в себе множество «аномальных» форм.

Графика. В церковнославянском языке слово «Бог» имело два написания: одно, полное, – , служило для обозначения языческих божеств; другое же, относящееся к единому Богу, писалось с опущением гласной «о», вместо которой над словом ставился диакритический знак – титло: [143]. Такое разделение было тем более необходимо, что на письме не различались строчные и прописные буквы (которые и служат для различения двух указанных значений слова в современном русском языке: *Бог – бог*). Подобное написание применялось и к другим сакральным словам: так, «апостол», «ангел», написанные без титла, означают ангела или апостола сатаны. Возможно, эта форма записи восходит к древнееврейскому языку, в котором гласные не обозначались на письме, а в церковнославянскую традицию вошла через византийское посредство. Интересно отметить, что даже в современной иудаистической литературе на русском языке именование Бога не записывается полностью, например: «Б-г», «Г-спода» и т.п.[144] Также известен факт, что митрополит Московский Филарет (Дроздов) писал «*о*лтарь» применительно к христианским святыням, отличая их от языческих «*а*лтарей»[145].

---

[142] Синтаксические кальки характерны для священных текстов не только христианства. Например, применительно к исламу Х. И. Уста отмечает в тюркских тафсирах (толкованиях на Коран) «отступления от стандартного тюркского порядка слов в пользу арабского или персидского», вызванные стремлением к дословному переводу (Уста 2011: 252).

[143] Дьяченко 2006: 54.

[144] Мечковская 1998: 72.

[145] Чистович 2011: 23.

Замечательный пример влияния особого характера слова на его правописание представляет собой отчество В. И. Ленина. Академический свод «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. предписывал употреблять в творительном падеже существительных после шипящих под ударением букву «о»: «мечом», «камышом», «с Фомичом», «с Лукичом». Однако, вопреки этому правилу, отчество В. И. Ленина повсеместно в указанной форме писалось через «ё»: «Ильичём». Как сообщает Б. З. Бучкина, «члены Орфографической комиссии, готовившие Свод, обратили внимание на то, что форма *Ильичём* (Лениным), как правило, писалась через *ё* (в частности, такое написание встретилось в одном из писем Н. К. Крупской). Чтобы сохранить орфографическую неприкосновенность В. И. Ленина, было принято “устное” исключение: писать, например, *Петром Ильичом* (Чайковским).., но *Владимиром Ильичём* (Лениным). <...> Правило это даже в годы застоя не распространилось шире – например, на “верного ленинца” Л. И. Брежнева… даже по поводу родных братьев Ленина не было ясности: писать ли Дмитрием, Александром Ильичём или Ильичом!»[146]. Сегодня отчество Ленина пишется по общему правилу.

Интересно для сравнения рассмотреть пример из другого историко-культурного пласта – а именно из египетской иероглифики. Местоимение 1-го лица ед. ч. («я») в нем имело одну звуковую форму – в принятой транскрипции «j», но его письменное отображение различалось в зависимости от того, кем был говорящий. Когда речь шла о лице, почитаемом за божественное (боге или фараоне), использовался иероглиф или , тогда как «я» простого человека изображалось знаком ; существовали также специальные иероглифы «я-женщина», «я-вельможа» и др.[147] Из этого примера можно сделать три вывода: 1) социальные различия были особенно важным фактором в древнеегипетском обществе (разные знаки для разных иерархических ступеней: божество – фараон – вельможа – обычный человек); 2) религиозные воззрения были неотъемлемой частью сознания древнего египтянина (наличие специального иероглифа для речи

[146] Букчина 1990: 75–76.
[147] Петровский 1958: 120; Sánchez 2004: 45.

от имени божества); 3) египтяне верили в божественный характер верховной власти (обозначение бога и фараона одним знаком). Эти выводы вполне подтверждаются известными сведениями о культуре Древнего Египта.

Тенденция к нестандартным формам. Описанные выше примеры, как представляется, дают достаточно оснований для утверждения, что сакральная лексика действительно обладает особенностями функционирования на различных уровнях языковой системы. Одна из идей, которая следует из данного наблюдения, заключается в том, что если определенное слово становится сакральным, со временем оно может приобрести нестандартные фонетические, грамматические или графические черты. «Неправильность во всех таких случаях – весьма условна. Просто некоторые слова… или сохранили какие-то архаические черты, выбивающиеся из системы языка позднейшей эпохи, или по тем или иным причинам попадают под действие некоторых особых закономерностей, распространяющихся лишь на относительно небольшую группу существительных»[148]. Представляется, что приведенное высказывание А. М. Белова об «аномалиях» именного склонения в латинском языке можно отнести в целом к словам сакрального значения.

Данную закономерность можно сравнить с т.н. «законом сохранения архаичного в литургически наиболее насыщенные периоды», о котором пишет А. Баумштарк[149]. Этот закон утверждает, что богослужения наиболее «интенсивных» (особо значимых, сакральных, торжественных) отрезков церковного года сохраняют элементы архаики. Таким периодом является Великий пост, и особенно Страстная неделя. Например, Великая Пятница, когда воспоминаются страдания и крестная смерть Иисуса Христа – единственный день в году, когда в Католической Церкви совершается Месса Преждеосвященных Даров, в тексте которой присутствуют греческие фразы – реликт, восходящий ко временам, когда богослужения в древнеримских христианских общинах велись на греческом языке.

---

[148] Белов 2007: 153.
[149] Баумштарк 2014: 48; Кунцлер 2001: 157.

Таким образом, сакральное словоупотребление можно метафорически назвать «своеобразным “заповедником”, где сохраняются и передаются из поколения в поколение давно утраченные в повседневной речи языковые явления»[150]. Используя другую метафору – из современной физики, где общая теория относительности демонстрирует, что материя искривляет пространство (следствием чего является гравитация), – можно сказать, что сакральная лексика оказывает аналогичное влияние на «лингвистическое пространство» вокруг себя, что в синхронном аспекте выглядит как «искривление» языковых норм, а в диахронном представляет собой тенденцию к концентрированию архаичных черт.

3.3. Сакральная лексика как средство стилеобразования

Употребление сакральной лексики в религиозном контексте естественно и понятно. Но какую роль могут играть слова сакрального значения в текстах светского характера? Чтобы постараться найти ответ на этот вопрос, мы нарочито обратились к материалу гимнов СССР как атеистического государства.

Государственный гимн – это концентрированное выражение государственной идеологии, национальной идеи; воздействуя музыкой на эмоции человека, а словами – на сознание, он побуждает слушающего к отождествлению себя с нацией, государством. Многие государственные гимны[151] изначально имели форму молитвы к Богу за монарха и отечество или содержали в себе призывание с небес благ на государя; при этом личное благополучие правителя ассоциировалось с процветанием всего народа (например, русский дореволюционный «Боже, царя храни», британский *God save the Queen* «Боже, храни королеву»). От гимнов же СССР можно было бы ожидать заведомо антирелигиозного тона. Однако религиозная лексика и сакральные образы содержатся и в них[152].

---

[150] Розов 2020: 53.

[151] В английском языке само слово *hymn* употребляется только в отношении религиозных песнопений; государственные гимны называются словом *anthem* (родственно рус. «антифон»).

[152] К выражениям из гимнов даны параллели из Библии и православных богослужебных текстов, а также филологические комментарии. Помимо собственно сакральной лексики, анализировавшейся ранее, в параллели вынесены также славянизмы и архаизмы более широкого значения как вызывающие в данном контексте схожие

«Рабочая Марсельеза». «Рабочая Марсельеза» на мотив французской революционной песни и с русским текстом П. Л. Лаврова (опубликован в 1875 г.) использовалась Временным правительством в качестве государственного гимна России после Февральской революции 1917 г. Здесь ради краткости текст приводится без 2-го и 3-го куплетов, которые лишены сакральной патетики и для данного исследования интереса не представляют (*Таблица 11*).

Таблица 11. Текст «Рабочей Марсельезы» с религиозными параллелями

Текст	*Религиозные параллели*
Отречёмся от *старого мира* [1], *Отряхнём его прах с наших ног* [2]! Нам не нужно *златого кумира* [3], Ненавистен нам *царский чертог* [4]. Мы пойдём к нашим *страждущим братьям* [5], Мы к голодному люду пойдём, С ним пошлём мы злодеям *проклятья* [6] – На борьбу мы его позовём. Припев: Вставай, подымайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный! Раздайся, клич мести народной! Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд, вперёд! Не довольно ли вечного горя? Встанем, *братья* [5], повсюду зараз – От Днепра и до Белого моря, И Поволжье, и Дальний Кавказ –	[1] «И увидел я новое небо и новую землю, ибо *прежнее небо и прежняя земля* миновали, и моря уже нет» (Откр 21:1). [2] «*Отрясите прах от ног ваших*» (Мф 10:14). [3] «Не делай себе *кумира*» (Исх 20:4); «…народ…собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам *бога*, который бы шел перед нами… И сказал им Аарон: выньте *золотые* серьги, которые в ушах ваших жен, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне. И весь народ вынул *золотые* серьги из ушей своих, и принесли к Аарону. Он взял их из рук их и сделал из них *литого тельца*» (Исх 32:1-4); «Царь Навуходоносор сделал *золотой истукан*» (Дан 3:1). [4] «…девы, подруги ее, приводятся с весельем и ликованием, входят в *чертог Царя*» (Пс 44:15-16). Вдобавок само слово «чертог» – устаревшее.

религиозные ассоциации. Библейские цитаты приводятся в синодальном переводе (Библия 2001). Курсив в текстах наш – Г.К.

На воров, на собак – на богатых И на злого вампира-царя. Бей, губи их, злодеев проклятых, *Засветись, лучшей жизни заря* [7]. Припев. И взойдёт за кровавой зарёю *Солнце правды* [8] и *братской любви* [9], Хоть *купили мы страшной ценою –* *Кровью* [10] нашею – счастье земли. И настанет година свободы: Сгинет ложь, *сгинет зло навсегда* [11], И *сольются в одно все народы* [12] В вольном царстве *святого* [13] труда. Припев.	[5] «Братья» – религиозное обращение; «страждущие» – архаизированная форма вместо «страдающие». [6] «Проклятье» – религиозное понятие. [7] «Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда *откроется, как заря, свет твой*, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис 58:7-8). [8] «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет *Солнце правды* и исцеление в лучах Его» (Мал 4:2). Из тропаря праздника Рождества: «Рождество Твое, Христе, Боже наш, воссия мирови свет разума; в нем бо звездам служащии звездою учахуся Тебе кланятися, *Солнцу Правды*…». [9] «Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, *братия*, потому что возрастает вера ваша, и умножается *любовь каждого друг ко другу* между всеми вами» (2 Фес 1:3); «… покажите… *в братолюбии любовь*» (2 Пет 1:5-7). [10] «Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это *цена крови*» (Мат 27:6); «Вы *куплены дорогою ценою*» (1 Кор 6:20, 7:23); «*Кровь* Иисуса Христа… очищает нас от всякого греха» (1 Ин 1:7). [11] «…Ныне *князь мира сего изгнан будет вон*» (Ин 12:31); «И *низвержен был*

	великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною…» (Откр 12:9); «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и *смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет*, ибо прежнее прошло» (Откр 21:4). [12] «…Где *нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного*, но все и во всем Христос» (Кол 3:11); «да *будут все едино*, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе» (Ин 17:21). [13] «Святой» – религиозное понятие.

«Интернационал». Изначально написанный и исполненный во Франции в 1888 г., «Интернационал» стал гимном коммунистических партий. Перевод на русский язык выполнил в 1902 г. А. Я. Коц. Первые месяцы после октябрьского переворота большевиков «Интернационал» конкурировал с «Марсельезой», но затем окончательно утвердился в качестве гимна советского государства (*Таблица 12*).

Таблица 12. Текст «Интернационала» с религиозными параллелями

Текст	*Религиозные параллели*
Вставай, *проклятьем* [1] заклеймённый, Весь мир *голодных и рабов* [2]! Кипит наш *разум возмущённый* [3] И в *смертный бой* [4] вести готов. Весь *мир насилья* [5] мы разрушим До основанья, а затем Мы наш, *мы новый мир построим* [6], – *Кто был ничем, тот станет всем* [7].	[1] «Проклятье» – религиозное понятие. [2] И будут они бродить по земле, жестоко *угнетенные и голодные*; и во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога своего (Ис 8:21). [3] «Сказав это, Иисус *возмутился духом*, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Ин 13:21).

Припев: *Это есть* [8] наш *последний* *И решительный бой* [9]; С Интернационалом *Воспрянет* [10] *род людской* [11]! Никто не *даст* нам *избавленья* [12]: *Ни бог, ни царь и не герой* [13]. Добьёмся мы освобожденья Своею собственной рукой. Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой, Отвоевать своё добро, – Вздувайте горн и куйте смело, Пока железо горячо! Припев. Лишь мы, работники всемирной Великой армии труда, Владеть землёй имеем право, Но паразиты – никогда! И если *гром великий* [14] грянет Над сворой псов и палачей, – Для нас всё так же *солнце* станет *Сиять огнём своих лучей* [15]. Припев.	[4] «Смертный бой» (а не «смертельный») – архаизированная форма. [5] «Мы знаем, что мы от Бога и что весь *мир лежит во зле*» (1 Ин 5:19). [6] «Ибо вот, Я творю *новое небо и новую землю*, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Ис 65:17); «И увидел я *новое небо и новую землю*, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр 21:1). [7] «Многие же *будут первые последними, и последние первыми*» (Мф 19:30). [8] «Это есть» – употребление глагола-связки в настоящем времени придает предложению возвышенно-книжный стиль. [9] Параллель с конечной битвой между добром (Богом) и злом (дьяволом), в которой победит Бог. Ср. «Это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (Откр 16:14); «И увидел я зверя, и царей земных, и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его» (Откр 19:19). [10] «Воспрянет» – глагол возвышенного стиля. [11] «Род людской» – словосочетание возвышенного стиля; ср. «род человеческий» (Деян 17:26). Необходимо сказать, что сама идея сверхнациональной общности имеет параллель в христианском учении, «где нет ни Еллина, ни Иудея… но все и во всем Христос» (Кол 3:11). [12] «Избавление» – существительное

	возвышенного стиля. [13] «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения» (Пс 146:3). [14] Образы катаклизмов при явлениях Бога и перед концом света. Ср. «И поднял меня дух; и я слышал позади себя *великий громовой голос*: благословенна слава Господа от места своего!» (Иез 3:12); «Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба» (Лк 21:10-11); «И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли *молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град*» (Откр 11:19). [15] «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею» (Ис 60:19); «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» (Откр. 21:23).

Парадокс: несмотря на интернационализм большевистской идеологии в 1920-е годы, сам «Интернационал», гимн эпохи, полон славянизмов. Это можно объяснить тем, что русский текст песни был написан еще до революции, и автор, видимо, сознательно решил усилить патетику борьбы за свободу, справедливость и перестроение мира аллюзиями на евангельские образы. Интересно, что религиозный тон проявился и в музыкальной структуре произведения: «несмотря на антицерковную направленность гимна, авторы “Интернационала” создали

гимн все же в традициях церковного песнопения»[153]. Кроме того, как пишет А. М. Селищев, «в среде русских революционеров, в особенности в студенческой части ее, было немало лиц, прошедших духовную школу. <…> После революции 1917 г. количество лиц, вышедших из духовной среды, стало весьма значительным в рядах революционных и советских деятелей на самых различных поприщах, не исключая и антирелигиозной пропаганды. Благодаря воздействию этих лиц, проникали в широкие круги советской общественности некоторые черты языка этих деятелей – некоторые слова и сочетания церковнославянского происхождения… Употребление “славянизмов” связывалось у говорящего с особой значимостью, выразительностью, с той или иной эмоцией»[154].

А. М. Селищев приводит примеры следующих церковнославянизмов, получивших в послереволюционные годы широкое хождение: «сугубый, сугубо», «некий» вместо «некоторый», «иже с ним», «имярек», «гордыня», «стезя», «шуйца», «десница», «грядет», «зиждется», «уготовать», «узреть», «воздать», «приемлет, приемля», «всуе», «вотще», «вкупе, вкупе и влюбе», «тем паче», «доколе», «паки и паки», «якобы» вместо «будто бы», «ибо», «во главу угла», «все и вся»[155]. Входят в обиход также образы и сравнения церковно-книжного происхождения: «Евангелие коммунизма», «апостол коммунизма, социализма, контрреволюции», «с каиновой печатью на челе», «скрежет зубовный», «беда, беда тебе, Иерусалим», «довлеет дневи злоба его», «врачу, исцелися сам», «социалистические фарисеи», «воздев очи горе», «ныне отпущаеши», «иудушка Каутский», «иуда Меньшиков», «от Понтия к Пилату», «умыть руки», «распни ее, их», «на голгофе пролетарской революции буржуазия распяла еще одного мученика-революционера», «мазаны… антибольшевистским миром», «имя мое – легион»[156].

Славянизмы и библейские выражения изобилуют в произведениях первого руководителя советского государства В. И. Ленина, например: «совлечь с себя ветхого Адама», «мертвая буква», «отделять плевелы от пшеницы», «земля

[153] Цитата В. Н. Грачева по работе: Соболева 2005: 12.
[154] Селищев 2003: 62–63.
[155] Там же: 63–67.
[156] Там же: 67–68.

обетованная», «козел отпущения», «казнь египетская», «краеугольный камень», «страха ради иудейска», «да минует меня чаша сия», «мудры, аки змеи, и кротки, аки голуби», «благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей», «суета сует», «меньшой брат». По наблюдению Б. И. Матвеева, эти речения «усиливают эмоциональное воздействие высказывания, сообщают ему особую экспрессию и образность»[157].

С 1930-х годов, и особенно в годы Великой Отечественной войны, идеологический вектор СССР начал меняться. Это воплотилось не только в гигантомании, но и в сакрализации самого государства во многом с ориентацией на дореволюционные имперские нормы: перевод письменностей народов СССР на кириллическую основу, «малое возрождение» Русской Православной Церкви в 1943 г., возвращение погон в армии, упорядочение рангов во всех ведомствах, введение формы для гражданских служащих, сооружение на Воробьевых горах нового здания Московского университета (1953 г.), напоминающего своей архитектурой западноевропейские соборы – происходило строительство некоей «цивилизации» со своей «мифологией»[158].

Война с нацистской Германией только усилила эти подвижки. Как отмечает Н. А. Соболева, «…с началом войны на первый план вышли совсем другие факторы: в официальной большевистской идеологии прежние коммунистические и интернационалистические компоненты оказались оттесненными на второй план национально-государственными, великодержавными, что было сделано в сугубо прагматических целях как средство мобилизации всех сил советского народа на разгром врага. Эти перемены стояли в одном ряду с усилением пропаганды русского и советского патриотизма, роспуском Коминтерна, улучшением отношений с Русской православной церковью и т.д.»[159].

Стало возможным употреблять слова «Россия», «русский»; поэзия и пропагандная риторика наполнились славянизмами, которые воскрешали в языковом сознании русского народа национальные чувства, образы старины и

[157] Матвеев 1990: 58.
[158] Пушкарев 2008: 348.
[159] Соболева 2005: 13.

вековой империи. «Если бы десять-пятнадцать лет тому назад советский гражданин начал употреблять эти “милые сердцу русскому слова”, его обвинили бы в “великодержавных тенденциях”, “поповщине” и пр. и сочли бы вообще “чуждым элементом”, но возрождение религии в СССР, или, вернее, ее лицемерная легализация привели к появлению в литературе не только бытовых архаизмов, но и так называемых церковнославянизмов, ранее немыслимых в советском языке»[160]. Из моды, возникшей под влиянием отдельной социальной группы, использование славянизмов превратилось в часть государственной политики.

Все эти изменения отразились в песне «Священная война».

«Священная война». Эта патриотическая песня, опубликованная в 1941 г. на стихи В. И. Лебедева-Кумача, не имела статуса государственного гимна, однако по своему значению для СССР в годы Великой Отечественной войны и по своей стилистике она приближается к гимну. Сакральный пафос заявлен уже в самом названии песни – «священная» (*Таблица 13*).

Таблица 13. Текст «Священной войны» с религиозными параллелями

Текст	*Религиозные параллели*
Вставай, страна огромная, Вставай на *смертный бой* [1] С фашистской *силой темною* [2], С *проклятою ордой* [3]! Припев: Пусть *ярость благородная* [4] Вскипает, как волна! Идет война народная, *Священная* [5] война.	[1] «Смертный бой» (а не «смертельный») – архаизированная форма. [2] Образ мистической темной силы. [3] Образ адских полчищ. Ср. «И из дыма вышла саранча на землю… По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее – как лица человеческие; и волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были

[160] Фесенко 1955: 116.

Как два различных полюса, Во всём враждебны мы. За *свет и мир* [6] мы боремся, Они – за *царство тьмы* [7]. Припев. Дадим отпор душителям Всех *пламенных идей* [8], *Насильникам, грабителям,* *Мучителям* [9] людей! Припев. Не смеют *крылья чёрные* [10] Над Родиной летать, Поля её просторные Не смеет враг топтать! Припев. Гнилой фашистской *нечисти* [11] Загоним пулю в лоб, *Отребью человечества* [12] Сколотим крепкий гроб. Припев. Пойдём ломить *всей силою,* *Всем сердцем, всей душой* [13] За землю нашу милую, За наш Союз большой! Припев.	брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну… Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его. Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера» (Откр 9:3, 7-9, 16-17). [4] «*Ярость гнева* Господня» (Иер 4:8), «*пламень гнева*» (Пс 69:24), «доколе, Господи, *будет пылать ярость* Твоя, *как огонь*?» (Пс 89:46), «с *гневом и пылающею яростью*» (Ис 13:9), «*возгорится гнев* Господа и *ярость* Его» (Втор 29:20), «*пламенный гнев*» (Иер 30:24). О возможности праведного гнева: «[Иисус] воззрев на них с *гневом*, скорбя об ожесточении сердец их…» (Мк 3:5); при этом «всякий, *гневающийся* на брата своего *напрасно*, подлежит суду» (т.е. возможен оправданный гнев) (Мф 5:22). [5] Сакральность заявлена самим словом «священная». [6] «Я образую *свет* и творю тьму, делаю *мир* и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Ис 45:7); «*просветить* сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь *мира*» (Лк 1:79); «Я *свет* миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь *свет* жизни» (Ин 8:12). [7] «…Теперь ваше время и *власть*

	тьмы» (Лк 22:53); «благодаря Бога и Отца… избавившего нас от *власти тьмы*» (Кол 1:12-13). [8] «…Духом пламенейте» (Рим 12:11). [9] «… Диавол… был *человекоубийца* от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин 8:44). [10] Враг представляется в мистическом образе некоего демонического существа, возможно, дракона, летучей мыши или ворона. [11] Образ нечистой силы. [12] «Люди отверженные, люди без имени, *отребье земли*» (Иов 30:8); «*отродье* грешников» (Числ 32:14). [13] «Возлюби Господа Бога твоего *всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением* твоим» (Лк 10:27).

Гимн СССР («Союз нерушимый…»). Смена идеологических установок с мировой революции на укрепление централизованного национального государства потребовала и нового государственного гимна. Работа по его созданию в форме открытого конкурса началась в 1942 г. Свои предложения представили 170 композиторов и 41 поэт[161]. Победил вариант на музыку А. В. Александрова и стихи С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана. 14 декабря 1943 г. он был утвержден, а в ночь на 1 января 1944 г. впервые прозвучал по радио. Официальное повсеместное исполнение гимна вводилось с 15 марта 1944 г.

[161] Соболева 2005: 13.

После разоблачения культа личности Сталина гимн исполнялся без слов, а в 1977 г. была утверждена новая редакция текста, где отсутствовали имя Сталина и куплет об армии и были добавлены слова о коммунистической партии (*Таблица 14*).

Таблица 14. Текст гимна СССР («Союз нерушимый…») с религиозными параллелями

Текст	*Религиозные параллели*
1943–1956	
Союз нерушимый [1] республик свободных Сплотила *навеки Великая Русь* [2]. Да здравствует созданный волей народов *Единый, могучий* [3] Советский Союз!	[1] «Клятвенный союз» (Неем 6:18); «вечный союз» (Иез 16:60); «вечный завет» (Быт 17:7). [2] Перекликается со словосочетанием «Святая Русь». [3] «Единый», «могучий» (могущественный) – эпитеты Бога.
Припев: Славься, Отечество наше свободное, Дружбы народов надежный оплот! Знамя советское, знамя народное Пусть от победы к победе ведет!	[4] «…Праведники воссияют, как солнце» (Мф 13:43); «не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего» (Ис 60:20); «остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Нав 10:13); «так да погибнут все враги Твои, Господи! Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!» (Суд 5:31).
Сквозь грозы сияло нам солнце свободы [4], И Ленин Великий нам *путь озарил* [5]. Нас вырастил Сталин. На верность народу, На труд и на подвиги нас вдохновил.	[5] «Иисус… сказал им: Я *свет* миру; кто последует за Мною, тот не будет *ходить* во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12); «*поведу* слепых *дорогою*, которой они не знают, неизвестными путями *буду вести* их; *мрак сделаю светом* пред ними, и кривые
Припев. Мы армию нашу растили в сраженьях, Захватчиков подлых с дороги сметем! Мы в битвах *решаем судьбу поколений* [6], Мы к славе *Отчизну* [7] свою поведем!	

Припев. 1977–1991 *Союз нерушимый* [1] республик свободных Сплотила *навеки Великая Русь* [2]. Да здравствует созданный волей народов *Единый, могучий* [3] Советский Союз! Припев: Славься, Отечество наше свободное, Дружбы народов надежный оплот! Партия Ленина – сила народная Нас к торжеству коммунизма ведет! *Сквозь грозы сияло нам солнце свободы* [4], И Ленин Великий нам *путь озарил* [5]: На *правое дело* [8] он поднял народы, На труд и на подвиги нас вдохновил! Припев. В победе *бессмертных* [9] идей коммунизма Мы видим *грядущее* [10] нашей страны, И красному знамени славной *отчизны* [7] Мы будем всегда *беззаветно верны* [11]! Припев.	пути – прямыми» (Ис 42:16). [6] Заявлена всемирно-историческая, вневременная сила народа. Создается образ народа как могущественного гиганта, вершащего историю. [7] Слово «отчизна» имеет возвышенно-архаический оттенок. Вернулось в относительно широкое употребление во время Великой Отечественной войны. В словаре Д. Н. Ушакова (выпущен в 1935–1940 гг.) оно помечено как «устаревшее и риторическое», а в словаре С. И. Ожегова (выпущен в 1949 г.) уже только как «высокое». [8] «Делать правду» (Пс 15:2). [9] Сама идея бессмертия – религиозна. [10] «Грядущее» – слово книжно-возвышенного стиля, по сравнению с «будущим». [11] «Беззаветно» – слово высокого стиля.

Пожалуй, самым концентрированным выражением «религиозных» представлений в атеистическом государстве является культ вождей, о чем свидетельствуют упоминания в гимне 1943 г. имен Ленина и Сталина в контексте

возвышенных образов, а также само слово «культ». Поистине религиозным гимном можно назвать речь писателя А. Авдеенко на VII Съезде советов, обращенную к Сталину: «…Люди во все времена, всех народов будут твоим именем называть все прекрасное, сильное, мудрое, красивое. Твое имя есть и будет на каждом заводе, на каждой машине, на каждом клочке земли, в каждом сердце человека»[162] (привлекает к себе внимание здесь не только пафос, но и обращение на «ты» к первому лицу государства, что в контексте официальной речи можно оправдать только ее «молитвенным» характером). Интересное явление «сакрализации» отыменного прилагательного «сталинский» описали в своей книге «Русский язык при советах» А. и Т. Фесенко: «Эпитет “сталинский” стал узаконенным синонимом всего положительного, первоклассного, наилучшего: “под солнцем сталинской конституции”, “сталинский блок коммунистов и беспартийных”, “сталинская забота о человеке”, “сталинская закалка” (школа, выучка), “сталинская премия”, “сталинский лауреат”, “сталинский стипендиат”, “сталинские соколы”, “сталинское племя”, “сталинский урожай”, “сталинский маршрут”, “сталинский план преобразования природы”, “сталинские стройки коммунизма”, “великие сооружения сталинской эпохи” и пр.».[163]

Сравнивая гимны «Рабочая Марсельеза», «Интернационал», песню «Священная война» и гимн «Союз нерушимый…», можно заметить, что первые три произведения имеют в своих текстах прямые библейские цитаты («отряхнем его прах с наших ног» – «отрясите прах от ног ваших», «кто был ничем, тот станет всем» – «будут первые последними и последние первыми», «всей силою, всем сердцем, всей душой» – «всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею»), в то время как гимн «Союз нерушимый…» менее насыщен религиозным пафосом (религиозные аллюзии скорее косвенные, патетическая тональность задана прежде всего архаично-возвышенной лексикой); кроме того, в «Союзе нерушимом…» нет развертывания сюжетной линии одухотворенной борьбы, которая присутствует в трех других текстах. Возможно, это связано с тем,

[162] Фесенко 1955: 29–30.
[163] Там же: 29.

что, в отличие от «Марсельезы» и «Интернационала», которые изначально были написаны как волнительные призывы к революционным действиям и не для государственного употребления, гимн СССР 1943 г. создавался по заказу, чтобы отразить «победу рабочего класса и установление власти трудящихся», а также «дружбу и мир народов СССР»[164], т.е. уже результаты закончившейся борьбы.

В приведенных примерах можно наблюдать следующие способы создания религиозного стиля:

1) использование цитат из Библии или аллюзий на ее образы;
2) употребление церковнославянизмов;
3) построение системы образов по принципу противопоставления добра и зла.

Основными мотивами «сакральной патетики» большевистских идеологических произведений являются:

1) гигантомания (гиперболизм): преувеличение важности тех или иных фактов, например, придание всемирно-исторического значения явлениям национального уровня: революции, армии, личности вождя и т.п.;
2) разрушение старой и строительство новой реальности;
3) борьба между добром и злом (при этом добром мыслится новый советский строй, а злом – его противники);
4) идеальное будущее.

Анализ лексики и системы образов гимнов «Рабочая Марсельеза», «Интернационал», песни «Священная война» и гимна «Союз нерушимый…» в сопоставлении с библейскими цитатами, на наш взгляд, позволяет с уверенностью говорить о присутствии религиозного пафоса в советских идеологических текстах. Не вызывает сомнения, что их авторы были знакомы с Библией и церковнославянскими богослужебными речениями.

Возникает вопрос: почему же в идеологических текстах (притом принадлежащих атеистической идеологии) нагнетается религиозный пафос? Возможно, это объясняется тем, что сакральная семантика производит особо

[164] Соболева 2005: 15.

сильное и глубокое воздействие на человека, в силу связи представлений о сакральном с базовыми структурами сознания (центральная зона ментальности по С. В. Лурье[165]), а именно с локализацией образов добра и зла. Последнее ярче всего просматривается в тексте «Священной войны», где определенно образуются два семантических полюса: добро выражается словами «Родина» (оно, со всей очевидностью, приобретает в этом тексте сакральный статус), «пламенные идеи», «свет и мир», а зло – словами «сила темная», «проклятая орда», «насильники», «душители», «губители», «крылья черные», «враг», «нечисть», «отродье», «царство тьмы».

Для сравнения интересно отметить, что, хотя социалистические Куба и Югославия были более терпимы к религии, чем СССР, их гимны лишены религиозного пафоса (*Таблицы 15, 16*).

Таблица 15. Текст гимна социалистической Югославии

Гимн социалистической Югославии	*Перевод*
Хеј Славени, још̂те живи Дух наших дедова Док за народ срце бије Њихових синова. Живи, живи дух славенски Живеће векова’ма. Залуд прети понор пакла, Залуд ватра грома. Нек’ се сада и над нама Буром све разнесе, Стена пуца, дуб се лама, Земља нек’ се тресе.	Гей, славяне, еще жив Дух наших дедов, Пока за народ бьется сердце Их сыновей. Жив, жив дух славянский, Он будет жить вечно. Тщетно угрожает [нам] пропасть ада, Тщетно пламя грома. Пусть [себе] сейчас и над нами Все разнесет бурей, Скалы треснут, дуб сломится, Пусть земля трясется.

[165] Лурье 1994: 142.

Ми стојимо постојано Као клисурине, Проклет био издајица Своје домовине!	А мы стоим крепко, Слово утесы. Да будет проклят предатель Своей родины!

Таблица 16. Текст гимна социалистической Кубы

Гимн социалистической Кубы	*Перевод*
¡Al combate corred Bayameses, Que la patria os contempla orgullosa; No temáis una muerte gloriosa, Que morir por la patria es vivir! En cadenas vivir es vivir En afrenta y oprobio sumido. Del clarín escuchad el sonido; ¡A las armas, valientes, corred!	Торопитесь в битву, жители Байамо, Отчизна с гордостью взирает на вас. Не бойтесь погибнуть во славе, Умереть за отчизну – это [настоящая] жизнь. Жизнь в цепях – это Жизнь в позоре и бесчестьи. Слушайте звук горна – К оружию, смелые люди, вперед!

Как можно видеть, в обоих гимнах пафос скорее социально-исторический (в гимне Югославии акцент на силу народа, в гимне Кубы – на борьбу за свободу). Возможно, это связано с тем, что правительства этих стран не ставили таких задач цивилизационного строительства, как Советский Союз. Позволим себе даже высказать предположение: чем масштабнее цивилизационные амбиции государства («мы новый мир построим»), тем выше градус религиозного пафоса в поддерживающей его идеологической риторике.

3.4. Выводы

1. В историческом аспекте сакральная лексика подвержена процессам сакрализации и десакрализации, которые отражают соответствующие процессы в культуре (приобретение или утрата определенными понятиями особой значимости).

2. Сакральная лексика характеризуется рядом фонетических, грамматических и графических особенностей, которые внешне предстают как отступления от современной языковой нормы, но по внутреннему существу иносистемны, т.е. принадлежат другой (как правило, более архаичной) норме.

3. В светских контекстах сакральная лексика может выступать как средство создания религиозно-возвышенного стиля, что связано с ее потенциалом эмоционального воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изученного материала представляется возможным обобщить выводы по обсуждавшимся на страницах данной работы вопросам в следующих положениях.

1. Сакральная лексика может быть определена как слова, называющие центральные понятия и реалии определенного мировоззрения, в частности религиозного. Существенным свойством семантики сакрального является оппозитивность в плане а) отделения от несакрального (профанного, мирского, обыденного, повседневного) и б) включения противоположных значений типа «добро» – «зло», «божественное» – «богопротивное» и т.п., которые, видимо, воспринимаются как равноудаленные от нейтральной точки семантические полюсы.

2. Сакральная лексика русского и английского языков в пределах тематического поля «христианство» может быть представлена в виде лексико-семантических групп «сакральные восклицания», «сакральные действия», «имена Божества», «духовные существа», «сакральные понятия», «сакральные предметы», «сакральное пространство», «духовные саны», «священные события», «сакральные эпитеты» (при этом сакральные действия, понятия и эпитеты занимают центральное положение).

3. Христианская сакральная лексика русского и английского языков в целом схожа в связи с общностью главных христианских понятий в русской и английской культурах. В то же время между лексемами двух языков наблюдается семантическое смещение, проявляющееся в различных смысловых акцентах, семантическом объеме и стилевых характеристиках слов, называющих эквивалентные или родственные религиозные понятия.

4. В историческом аспекте сакральная лексика подвержена процессам сакрализации и десакрализации, которые отражают соответствующие тенденции в культуре общества, говорящего на данном языке. Они свидетельствуют об усилении или угасании роли религии в обществе, о приобретении или утрате теми или иными понятиями особой социально-психологической значимости.

Основными способами сакрализации являются: наделение обычного слова сакральным значением, заимствование из другого языка и конструирование новой лексемы. Процесс десакрализации протекает в виде десемантизации (перехода в разряд нейтральных слов) и пейорации (ухудшения значения).

5. Сакральная лексика составляет особый семантический класс, обладающий рядом фонетических, грамматических и графических особенностей, которые внешне предстают как отступления от современной языковой нормы, но по внутреннему существу иносистемны, т.е. принадлежат другой (как правило, более архаичной) норме. Последний факт, в свою очередь, можно объяснить тем, что сакральные слова и выражения – поскольку они обозначают предметы, стоящие выше обыкновенного порядка вещей – воспринимаются языковым сознанием как более «неприкосновенные» по сравнению с другими лексическими единицами. В то время как язык развивается, утрачивает одни формы и приобретает другие, сакральные лексемы продолжают жить в нем (порою в узких его сферах, таких, как религиозные тексты и т.п.) согласно тем нормам, которые действовали на момент их вхождения в общее употребление.

6. В светских контекстах сакральная лексика может выступать как средство создания религиозно-возвышенного стиля. Эта способность слов сакрального значения, вероятно, связана с тем, что они несут в себе устойчивые культурные коннотации, обладают сильной «рефлексиосферой» (смысловой насыщенностью)[166], отсылают к образам священных текстов, частично воссоздают вокруг себя ореол духовности, выступают в качестве символов-носителей культурной памяти и апеллируют к основополагающим ценностям мировоззрения человека. Благодаря этому сакральная лексика обладает большим потенциалом как средство языкового воздействия в сфере идеологического строительства, конструирования религиозной, культурной и национальной идентичности и т.п.

Представляется, что дальнейшее изучение сакральной лексики разных языков позволит глубже проникнуть в механизмы влияния семантики на функционирование единиц языковой системы, пополнит знания о константах

[166] Термин З. Я. Кармановой (Карманова 2011).

(устойчивых понятиях) национальных культур, послужит лучшему пониманию религиозно-культурных тенденций современного общества, а также поможет нахождению общего языка в межконфессиональном и межрелигиозном диалоге.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аванесов Р.И., Ожегов С.И.* Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1959. 708 с.
2. *Аверинцев С.С.* Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София – Логос. Словарь. К.: Дух і літера, 2006. 912 с.
3. Акт о каноническом общении // Предстоятель Русской Православной Церкви. Вып. 3. Служение, встречи и поездки Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 2007 году. М.: Белый город, 2008. С. 36–39.
4. *Баич Р., Кончаревич К.* К вопросу о коммуникативных функциях литургического дискурса // Церковь и проблемы современной коммуникации. Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. С. 15–27.
5. *Баумштарк А.* Сравнительная литургика: принципы и методы изучения христианского богослужения / Пер. с фр. С. Голованова. Омск: Амфора, 2014. 253 с.
6. *Белов А.М.* Ars grammatica. Книга о латинском языке. Изд. 2-е. М.: Греко-латинский каб. Ю. А. Шичалина, 2007. 485 с.
7. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. М.: Прогресс – Универс, 1995. 456 с.
8. *Бен-Лев С.* Англо-русский толковый словарь библейско-религиозной лексики. СПб.: Каро, 2000. 142 с.
9. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. 1233 с.
10. *Бикман Дж., Келлоу Дж.* Не искажая Слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии / Пер. с англ. СПб.: Ноах, 1994. 449 с.
11. *Бородай С.Ю.* Идея *сакрального* в индоевропейской перспективе. [Машинопись, 2011]. 18 с.

12. *Бугаева И.В.* К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации. Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. С. 39–53.
13. *Бугаева И.В.* Святые имена: структурно-семантический анализ агиоантропонимов // Церковнославянский язык в системе современного религиозного образования: материалы XV Международных Рождественских образовательных чтений. М.: Кругъ, 2008. С. 33–55.
14. *Бугаева И.В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития. Автореф. дис… докт. филол. наук. М., 2010. 48 с.
15. *Бугаева И.В.* Лингвотеология как новое направление лингвистических исследований // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 г. Нижний Новгород: Деком, 2016. С. 87–92.
16. *Букчина Б.З.* Об одном негласном орфографическом исключении // Язык: система и подсистема. М., 1990. С. 75–76.
17. *Буслаев Ф.И.* О влиянии христианства на славянский язык. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2011. 210 с.
18. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М.: ГЛК, 1991. 1370 с.
19. Великобритания: лингвострановедческий словарь. Изд 2-е. М.: Русский язык, 1980. 480 с.
20. *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 315 с.
21. *Виноградов В.С.* Грамматика испанского языка: практический курс. Изд. 6-е. М.: Книжный дом Университет, Высшая школа, 2003. 432 с.

22. *Волков А.А.* Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 396 с.
23. *Ганина Н.А.* Готская языческая лексика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 176 с.
24. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. 240 с.
25. *Горюшина Р.И.* Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов). Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 20 с.
26. *Грудева Е.В.* Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и пути ее лексикографической интерпретации. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2020. 340 с.
27. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. ТТ. 1–4. 8-е изд. М.: Русский язык, 1981–1982. 699, 779, 555, 683 с.
28. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 7-е. М.: Русский язык, 2002. 846 с.
29. *Десницкий А.* Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 432 с.
30. *Дьяченко Г., протоиерей.* Полный церковно-славянский словарь. Репринт изд. 1900 г. М.: Отчий дом, 2006. 1120 с.
31. *Ермолович Д.И.* Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики. М.: Р. Валент, 2004. 264 с.
32. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
33. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. 184 с.
34. *Иванов М.С.* Гебраизмы русского перевода Библии Синодального издания // Богословский вестник. 1998. Т. 2. Вып. 2. С. 4–19.
35. *Казаков Г.А.* Лексические аспекты английских переводов Библии // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 614–624.

36. *Казаков Г.А.* Лексические аспекты русских переводов Библии // Научный диалог. 2021. №6. С. 59–77.
37. Канонник, или полный молитвослов. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 751 с.
38. *Карманова З.Я.* Рефлексиосфера слова // Феномен творческой личности в культуре (Фатющенковские чтения). Материалы IV международной конференции. Т. 2. М.: ФИЯР МГУ, 2011. С. 35–45.
39. *Кончаревич К.* К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) // Достижения и перспективы изучения русского и других языков. VII международный симпозиум (Белград, 1–2 июня 2012 г.): доклады. Белград: Славистичко друштво, 2012. С. 14–22.
40. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 3-е изд., испр. М.: КДУ, 2011. 350 с.
41. *Королева И.А.* Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте. Автореф. дис… канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 28 с.
42. *Кузьмина Т.В.* Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка). Автореф. дис… канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.
43. Культурология. XX век: энциклопедия / Гл. ред. С. Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. 446 с.
44. *Кунцлер М.* Литургия Церкви. Кн. 3. / Пер. с нем. Е. Верещагина. М.: Христианская Россия, 2001. 304 с.
45. *Левушкина Р.* Термини из сфере православне духовности у савременом српском језику // Јужнословенски филолог. 2017. Т.73. С. 59–82.
46. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд. 2-е, доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 709 с.

47. *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.
48. *Малинин А.М.* Латинско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1952. 763 с.
49. *Матвеев Б.И.* Фразеологизмы церковнославянского происхождения в работах В. И. Ленина // Русский язык в школе. 1990. №2 (77).
50. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М.: Агентство Фаир, 1998. 352 с.
51. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, С.-Петерб. гос. ун-т, 1999. 461 с.
52. *Моросо-Флорес А.К.* К вопросу о семантической классификации религиозной лексики французского языка // Молодой ученый. 2012. №5. С. 299–303.
53. *Носенко И.Г., Дегтева И.В.* О значении слова сакральное // New world. New language. New thinking. Материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 6 февраля 2018 г. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2018. С. 200–204.
54. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 23-е, испр. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. 915 с.
55. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. А. М. Руткевич. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 272 с.
56. *Паламарюк В.* Богословский славяно-русско-английский словарь. Черновцы: Золоті литаври, 2001. 240 с.
57. *Петрикова А.* К вопросу о лексических средствах современной православной проповеди // Церковь и проблемы современной коммуникации. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. С. 133–139.

58. *Петровский Н.С.* Египетский язык: введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. 329 с.

59. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. Изд. 11-е, стер. СПб.: Лань, 2003. 704 с.

60. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык // *Звегинзев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960. С. 231–242.

61. *Пинкер С.* Язык как инстинкт / Пер. с англ. Е. В. Кайдаловой. М.: УРСС, 2004. 456 с.

62. *Пушкарев Б.С.* Две России XX века. Обзор истории 1917–1993. М.: Посев, 2008. 592 с.

63. *Раевская М.М.* Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). М.: URSS, 2006. 303 с.

64. *Резниченко И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1182 с.

65. Речник српскога језика. Нови-Сад: Матица српска, 2007. 1561 с.

66. *Розов В.А.* Типологические особенности сакральной речи // Филologos. 2020. №1 (44). С. 50–57.

67. *Ромашкевич П.А.* Полный русский орфографический словарь [репринт 3-го изд. 1893 г.]. Джорданвилл: Тип. преп. Иова Почаевского, 1975. 263 с.

68. *Сазонова А.А.* Понятие «сакральное» в теолингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. №1. С. 65–73.

69. *Санчурский Н.* Римские древности. Смоленск: Русич, 2001. 377 с.

70. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917-1926). М.: УРСС, 2003. 248 с.

71. *Скабалланович М.* Толковый Типикон: объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1, 2, 3 [репринт изданий 1910–1915 гг. в одном томе]. М.: Паломникъ, 2003. 908 с.

72. *Скляревская Г.Н.* Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9. С. 36–40.

73. *Скляревская Г.Н.* О статусе религиозного языка в современном русском языке // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 84–92.

74. Словарь русского языка / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 4-е. ТТ. 1–4. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. 702, 736, 750, 797 с.

75. Словарь церковно-славянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской академии наук. ТТ. 1–4. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847. 416, 473, 591, 489 с.

76. *Смирнова С.А.* О понятии «церковная лексика» // Научный диалог. 2014. №12 (36). С. 84–97.

77. *Соболева Н.А.* Из истории отечественных государственных гимнов // Отечественная история. 2005. №1. С. 3–21.

78. Современная грамматика испанского языка. В 2-х частях. Часть I. Фонетика и морфология. СПб.: Лань, 1997. 346 с.

79. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

80. *Тимирханов В.Р., Михайлова А.Г.* Особенности терминологизации лексики религиозной сферы в отечественной лингвистической традиции // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №2. С. 483–487.

81. Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006. 2144 с.

82. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. ТТ. 1–4. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», ОГИЗ, Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1935–1940. 1562, 1040, 1424, 1502 с.

83. Толковый словарь русского языка конца XX в. (языковые изменения) / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.

84. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

85. *Уста Х.И.* Значение диахронических и ареальных сопоставлений при изучении языка канонизированных текстов // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. М., 2011. С. 250–253.

86. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. ТТ. 1–4. Изд. 4-е. М.: Астрель, АСТ, 2007. 588, 671, 830, 860 с.

87. *Федорова И.В.* Сакральное и его понятийно-терминологический статус // Гуманитарный вектор. 2011. №2. С. 67–70.

88. *Федосюк М. Ю.* Чего мы не замечаем в родном языке // Русский язык в школе. 2008. №5. С. 38–44.

89. *Феликсов С.В.* Семантический аспект лингвистического описания лексики православного вероучения в русском языке // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 221–235.

90. *Фесенко А.* и *Т.* Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955. 222 с.

91. *Филарет (Дроздов), митрополит.* Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 104 с.

92. *Филатов С.* РПЦ после политического кризиса 2011–2012 гг. // Русское ревью (Кестонский институт). 2014. №62. URL https://www.keston.org.uk/rr/62/02-roc-after-political-crisis.htm (дата обращения 26.07.2021).

93. *Холшевников В.Е.* Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Л.: Изд-во Лениград. ун-та, 1983. 447 с.

94. *Цумарев А.Э.* Толкование единиц религиозной лексики в общем толковом словаре русского языка // Русская речь. 2020. №5. С. 70-84.

95. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. ТТ. 1–2. М.: Русский язык, 1994. 624, 560 с.

96. *Четырина А.М.* Лексикографическое представление фрагмента языковой картины мира: православная лексика в «Словаре церковно-славянского и русского языка». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 23 с.

97. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. М.: Либроком, 2011. 347 с.

98. *Широков О.С.* Языковедение: введение в науку о языках. М.: Добросвет, 2003. 734 с.

99. *Шкуран О.В.* Прилагательное «сакральный» в метаязыке лингвистики: функционально-семантическое исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. №2. С. 233–249.

100. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. 258 с.

101. *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

102. ABBYY Lingvo x 3. Электронный словарь. 2008.

103. *Ayto J.* Word Origins. The Hidden Histories of English Words from A to Z. 2nd ed. London: A & C Black, 2008. 592 p.

104. *Barnhart R.K.* (ed.). Dictionary of Etymology. London: Chambers, 2006. 1284 p.

105. *Baumgartner E.*, *Ménard P.* Dictionaire étymologique et historique de la langue française. Paris: Le Livre de Poche, 1996. 848 p.

106. *Beekman J.*, *Callow J.* Translating the Word of God. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 1978. 399 p.

107. *Bellos D.* Is That a Fish in Your Ear? Translation and the Meaning or Everything. New York: Faber and Faber, 2011. 373 p.

108. *Bennet B.* Sacred Languages of the World: An Introduction. Chichester: John Wiley & Sons, 2018. 224 p.

109. *Bennett B.* Religion and Language in Post-Soviet Russia. Abingdon – New York: Routledge, 2011. 184 p.

110. *Bloomfield L.* Language. New York: Henry Holt and Company, 1956. 564 p.

111. *Borgonovo P., Torelli S.* Dizionario etimologico. Milano: Modern Languages House, 2003. 350 p.
112. Collins Dictionary of the English Language. London – Glasgow: Collins, 1985. 1690 p.
113. *Crystal D.* Begat: The King James Bible and the English Language. New York: Oxford University Press, 2011. 327 p.
114. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1987. 472 p.
115. Diccionario de la Lengua Española / Real Academia Española. 21ª ed. Tomo II. Madrid: Espasa, 1992. 2133 p.
116. Diccionario Didáctico Avanzado. Primaria. Lengua Espaňola. 7ª ed. Madrid: SM, 2003. 1306 p.
117. Duden Deutsches Universal Wörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983. 1504 S.
118. Grand Larousse de la langue française. T. 6. Paris: Larousse, 1977. P. 5867–6729.
119. *Hock H.H., Joseph B.D.* Language History, Language Change and Language Relationship. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1996. 602 p.
120. *Hornblower S., Spawforth A.* (eds.). The Oxford Classical Dictionary. 3rd edition. Oxford – New York: Oxford University Press, 1996. 1640 p.
121. *Jacquenod R.* Dictionnaire étymologique. Éditions de la Seine, 2006. 703 p.
122. *Joyce P.W.* English As We Speak It in Ireland. London: Longmans, Green & Co., 1910. 356 p.
123. Le Robert Collège. Dictionnaire de langue française. Paris: Le Robert, 2005. 2116 p.
124. *Lefebvre G*. Misal diario y vesperal / Trad. castellana y adoptación de P. Germán Prado. Brujas: Desclée de Brouwer, 1936. 2198 p.
125. Lo Zingarelli minore. Vocabolario della lingua italiana. Edizione terzo millennio. Bologna: Zingarelli, 2001. 1248 p.

126. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow: Pearson Education, 2003. 1949 p.
127. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Ed. M. Rundell. Oxford: Macmillan Education, 2002. 1692 p.
128. *McArthur T.* (ed.). The Oxford Companion to the English Language. New York: Oxford University Press, 1992. 1184 p.
129. *Moliner M.* Diccionario de uso del español. 2ª ed. I-Z. Madrid: Gredos, 1998. 1594 p.
130. *Nida E.* God's Word in Man's Language. New York: Harper & Brothers, 1952. 191 p.
131. *O'Neill H.C.* (ed.). A Guide to the English Language: Its History, Development and Use. London: T.C. & E.C. Jack, 1915. 455 p.
132. *Ostler N.* Ad Infinitum: A Biography of Latin. New York: Walker & Co., 2007. 382 p.
133. *Ostler N.* The Last Lingua Franca. New York: Walker & Co., 2010. 330 p.
134. *Ostler N*. Passwords to Paradise: How Languages Have Re-invented World Religions. Bloomsbury Press, 2016. 351 p.
135. *Pallotti V., san*. Tutto per la gloria di Dio. Un Apostolo dell'infinita misericordia di Dio / A cura di N. Gori. Cinisello Balsamo: San Paolo, 2006. 100 p.
136. *Pei M.* The Story of Language. Philadelphia – New York: New American Library, 1963. 431 p.
137. *Sánchez Rodríguez Á.* Manual de traducción de jeroglíficos egipcios. Madrid: Aldebarán, 2004. 395 p.
138. *Schmidely J., Alvar Ezquerra M., Hernández González C.* De una a cuatro lenguas. Intercomprensión románica. Del español al portugués, al italiano y al francés. Madrid: Arco Libros, 2001. 299 p.
139. *Schott A.* Das Messbuch der Heiligen Kirche lateinisch und deutsch mit liturgischen Erklärungen. Freiburg im Breisgau: Herder & Co., 1923. 1120 S.

140. The Book of Common Prayer / By authority of the General Synod of the Church of Ireland. With revision and amended text. Oxford: Oxford University Press, 1991. 356 p.

141. The Liber Usualis / Ed. by the Benedectines of Solesmes. Tournai – New York: Desclee Company, 1963. 1882 p.

142. Webster's New World College Dictionary. 3rd ed. New York: Macmillan, 1997. 1588 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1. Составляющие значения слов «сакральный», «священный», «святой»

Таблица 2. Православная лексика в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (классификация А. М. Четыриной)

Таблица 3. Адаптивный перевод 22-го (23-го) псалма в сравнении с синодальным

Таблица 4. Выборка христианской сакральной лексики русского языка

Таблица 5. Выборка христианской сакральной лексики английского языка

Таблица 6. Названия дней Страстной недели в русском и английском языках

Таблица 7. Молитва «Ave Maria» на латинском, немецком и русском языках

Таблица 8. Склонение имени Jesus в сравнении со стандартными формами в латинском языке

Таблица 9. Личные местоимения английского языка

Таблица 10. Местоимения 2-го лица в романских языках

Таблица 11. Текст «Рабочей Марсельезы» с религиозными параллелями

Таблица 12. Текст «Интернационала» с религиозными параллелями

Таблица 13. Текст «Священной войны» с религиозными параллелями

Таблица 14. Текст гимна СССР («Союз нерушимый…») с религиозными параллелями

Таблица 15. Текст гимна социалистической Югославии

Таблица 16. Текст гимна социалистической Кубы